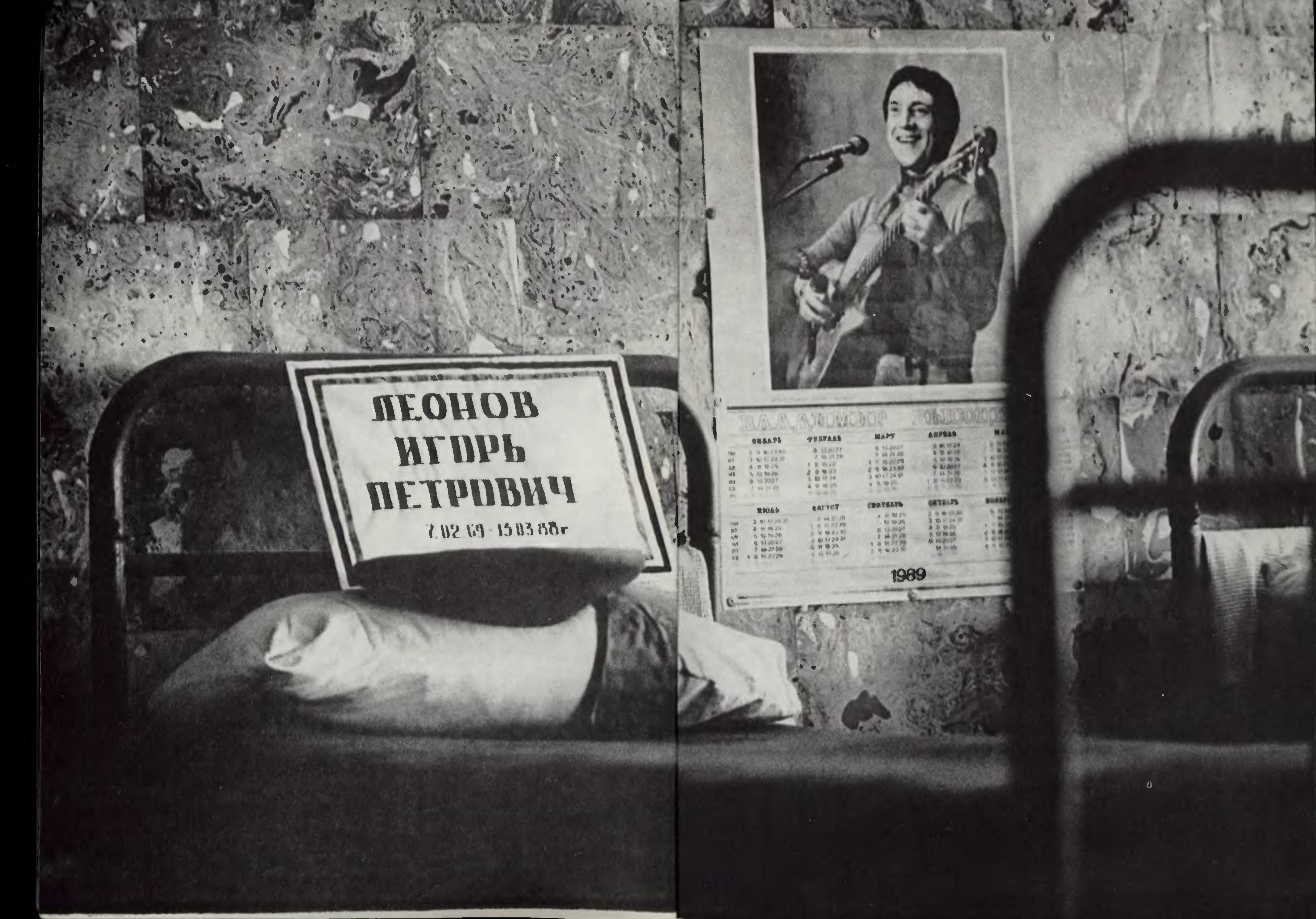

РОДИНА
2/89
ОНИ ВЕРНУЛИСЬ!
НО ДОЛГИМ И ТРУДНЫМ
ЛЕОНОВ
ИГОРЬ
ПЕТРОВИЧ
БЫЛ ПУТЬ СОЛДАТА ДОМОЙ

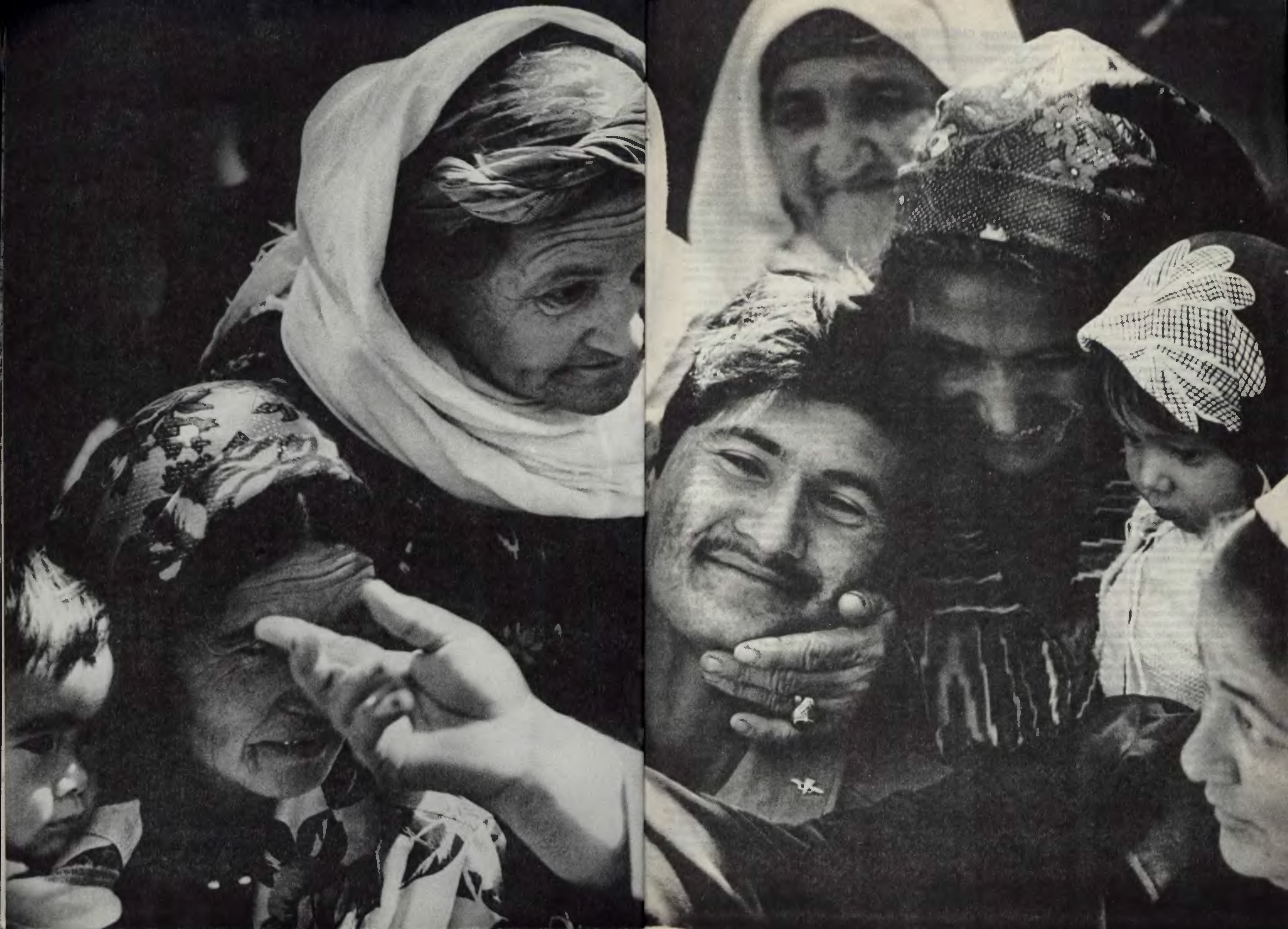
КОГДА СМОЛКАЮТ ПУШКИ

В феврале из Афганистана ушли
последние колонны советских войск.
Но еще многие годы
не заживут шрамы этой долгой войны,
и миллионы людей
будут искать ответа на вопрос:
что же происходило там,
в горах Гиндукуша?

Фото Владимира ЛАГРАНЖА

ЛЕОНОВ
ИГОРЬ
ПЕТРОВИЧ
7.02.69 - 15.03.88г
1989

**Владимир СНЕГИРЕВ,
кандидат
исторических наук**

КОГДА СМОЛКАЮТ ПУШКИ

НАСТУПАЕТ ВРЕМЯ СПРОСИТЬ, В КОГО И ПОЧЕМУ ОНИ СТРЕЛЯЛИ.

С выводом из Афганистана советских частей в истории человечества завершится целый этап. Мир в целом воспринял это как проявление нашего нового мышления, искреннего стремления к политическому урегулированию региональных конфликтов. Но вопросы остаются, и к старым прибавляются новые. Наших солдат эта дорога приведет к дому. А афганцев? Приведет ли она их к миру? За что сражались наши ребята долгие девять лет? Уходят с сознанием выполненного долга или отступают, так и не добившись победы?

Эта статья не претендует на полное осмысление того, что произошло. Наверное, только время будет тем судьей, который все расставит на свои места. Мы же, восстанавливая цепь событий, связанных с войной в Афганистане и ее последствиями, поразмышляем над фактами. И зададим новые вопросы — себе, нашему прошлому и нашему будущему.

...Кабул, весна 1978 года, месяц саур. Группа молодых людей захватила власть в столице. Взобравшись на броню танковых башен, эти невесть откуда взявшиеся люди громко и пламенно обещали окружившей их толпе завтра устроить другую жизнь — сытую и счастливую. И толпа, веря, забрасывала танки цветами. А с черного хода правительственной резиденции — по другую сторону площади с митингующими людьми — похоронная команда выносила тела убитого премьер-министра М. Дауда и членов его семьи, первых жертв революции. Дауд отверг предложение сдаться и погиб с оружием в руках.

Кто знал тогда, чем обернется смена правящего режима в Кабуле в апреле 1978-го! Какое значение окажут эти события на ход всей мировой истории...

Дауд свергнут. Его правительство разогнано. К власти пришла Народно-демократическая партия Афганистана, НДПА. Веселится и митингует народ. Кому не хочется быть счастливым?

Мир еще ни о чем не догадывается. Чего там лукавить, до этих пор и у нас в стране, и в Соединенных Штатах мало кто мог с уверенностью показать на карте, где находится Афганистан. Прежде эту горную страну на Среднем Востоке если и упоминали в печати, то разве что по поводу чудовищной нищеты и средневековой отсталости. Американские газеты вначале сообщили о смене власти в Кабуле в нескольких скупых строчках. В мае западная печать слегка встрепенулась, заговорив о «руке Москвы»... Но до главных событий было еще далеко.

Мир жил надеждами на разрядку. Обсуждались договоры по ограничению стратегических вооружений. Москва взволнованно готовилась к проведению летней Олимпиады: строились новые стадионы, отели, заключались сделки с западными фирмами, подкрашивались дома, латались асфальтом колдобины на мостовых. Ни один наш военнослужащий — от маршала до рядового — еще не знал, что очень скоро южная граница будет взломана и наши дивизии войдут в чужую страну, став участниками изнурительной и бесконечной войны. Что с этих пор история мировой политики будет делиться на «до» и «после» Афганистана.

Все это будет. Все это уже никогда не вычеркнешь ни из памяти отдельных людей, ни из истории.

Что же произошло тогда в Кабуле — революция или дворцовый переворот?

Отнюдь не праздный вопрос. Ибо ответ на него рождает вопрос следующий: надо ли было нам поддерживать новую власть, вмешиваться? Революция или путч? Закономерный, естественный этап исторического процесса или зигзаг, клякса истории?

По моему убеждению, к 1978 году в Афганистане объективно созрела революционная ситуация. Вооруженное восстание возглавила Народно-демократическая партия, насчитывавшая тогда в своих рядах около 20 тысяч членов. Это был не просто мятеж прогрессивно настроенных офицеров. Менялись не вывески на правительственных зданиях — менялся приговоренный к слому полуфеодальный уклад жизни афганского общества. Ломка была призвана вызволить страну из многовековой дремы, решить накопившиеся национальные проблемы, сделать рывок в экономике, социальной сфере, дать народу демократические свободы...

Однако на всякую революцию свергнутые правящие классы всегда отвечают контрреволюцией. В Афганистане лагерь врагов саура оказался куда как обширен. Наряду со сторонниками свергнутого Дауда это были монархисты, маоисты, националисты всех мастей, но главный, самый грозный отряд составили так называемые исламские фундаменталисты. Они тоже и давно готовили свою революцию в Афганистане, предназначая родине жизнь под черной паранджой средневековых обычаев. Даже либеральные половинчатые реформы Дауда казались им кощунственным посягательством на устои ислама. Еще задолго до саура Пакистан предоставил им свою территорию для подготовки боевых террористических групп. Почва была взрыхлена, семена посеяны. Во второй половине 70-х годов религиозные фанатики уже представляли собой грозную силу. По существу, революция предотвратила их кровавый мятеж, а коли так — моджахеды, «воины ислама», с криком «аллах акбар» («аллах превыше всего») теперь повернули ножи против нового врага.

К несчастью, успехам оппозиции способствовали ошибочные, а порой откровенно авантюристические действия первых руководителей апрельской революции. Эти действия, отпугивая от идей НДПА широкие слои народа, одновременно множили ряды противников новой власти.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА. Нур Мухаммад Тараки. Выходец из пуштунского племени тараки. Известный писатель. По характеру мягок и покладист. «У него душа крестьянина» — так говорили о Тараки. В начале 50-х годов занимал пост пресс-атташе афганского посольства в Вашингтоне. 1 января 1965 г. в его доме собрались участники кружков, изучавших марксистско-ленинскую теорию,— эту дату принято считать днем рождения НДПА. Тараки стал первым руководителем партии, генеральной линией которой было провозглашено «построение в Афганистане общества, свободного от эксплуатации человека человеком». Он автор теории так называемой «хальковской», то есть народной, революции, которая явно недооценивала объективные факторы революционного процесса. В 1977 г., с объединением партии, Тараки избирается ее генеральным секретарем. Сразу после Апрельской революции стал главой государства.

Реформы, провозглашенные новым режимом, были призваны ликвидировать ростовщичество, другие феодальные пережитки. Формально по справедливости распределялась земля. Повсеместно открывались кружки ликбеза, намечались реальные перспективы прогресса в других сферах жизни общества. Но, увы, уже с первых же дней реализации реформы афганские революционеры стали допускать какую-то лихорадочную поспешность, «левые» перегибы, политический авантюризм. Они не учитывали ни национальных, ни религиозных особенностей афганского общества. Им не терпелось построить в Афганистане не что иное, как социализм. И не когда-нибудь, а сразу, завтра.

Не хватает для этого справедливого раздела земель? Ничего, отберем у священнослужителей. А крестьянин не хотел брать эту неправедную, «не от бога» землю, не хотел вступать в кооператив, куда его гнали силой. Власть раздражалась: не хочешь — накажем. Упрямых бросали в тюрьмы, пытали, убивали. А жестокость свою оправдывали привычной демагогией: лес рубят — щепки летят. Некому служить в армии. Призвать пуштунских парней из зоны племен! Что из того, если раньше их не брали на службу, признавая тем самым некую вечную автономию... С аэродромов взмывали в небо штурмовики и обрушивали на непокорных пуштунов бомбы. Убедили? Нет, конечно. Плодили своих будущих врагов, причем плодили активно и в большом количестве.

Саму партию значительно ослаблял фракционный раскол. Дошло до того, что в 1978 году руководители Афганистана решили просто-напросто физически уничтожить своих вчерашних соратников, принадлежавших к крылу «парчам». Террор в стране принял массовый характер.

К началу 79-го года за развитием афганских событий уже пристально следят в других государствах. За океаном теперь оправдываются: американская помощь, мол, была ответным шагом, призванным сдержать советскую военную экспансию. Однако обратим внимание: до ввода в Афганистан нашего контингента еще почти год. Да, военные советники из СССР давно были за Гиндукушем.

Были при короле, при Дауде, оставались при Тараки. И наше оружие Кабул всегда предпочитал американскому. В декабре 1978 года в Москве был подписан Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве, который включал целый комплекс вопросов, связанных с нашей помощью соседней стране, в том числе при необходимости и военной помощи.

С другой стороны, как раз в это время вихрь антишахской революции вымел американцев из Ирана. Взоры Вашингтона обращаются к Афганистану.

Парадокс! Предав анафеме иранскую революцию, не пожалев площадной брани в адрес Хомейни, американские официальные круги одновременно обласкали лидеров афганских «борцов за веру», большинство из которых видели будущее Афганистана как раз по хомейнистскому образцу и были почти целиком солидарны с аятоллой.

Искать здесь логику — дело бесполезное...

В 1979 году на кабульской сцене выдвигается вперед новое главное действующее лицо — человек, прямо причастный к резкому обострению ситуации в стране.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА. Хафизулла Амин. Выходец из пуштунского племени хароти. Волевой, целеустремленный, коварный, склонный к интригам. Гипертрофированные амбиции. В начале 60-х годов находился на учебе в США. В 1968 г. пленум ЦК фракции «хальк» перевел Амина из членов партии в кандидаты, охарактеризовав его как человека, скомпрометировавшего себя «фашистскими чертами». В 1969 г.— депутат нижней палаты парламента. С 1977 г.— член ЦК НДПА. Стоял на позициях путчизма, злоупотреблял левой фразой. Играя на человеческих слабостях генсека, изощренно втерся к нему в доверие. Всячески поощрял культ личности Тараки, называвшего Амина своим «любимым и выдающимся товарищем», «верным учеником». Планомерно устранял всех, кто стоял на его пути к единоличной власти. В сентябре 1979 г., подчинив своему контролю армию, органы безопасности и МВД, Амин сместил Тараки со всех партийных и государственных постов, а затем физически устранил «учителя», став, по существу, единоличным диктатором. На его счетах в банках было 114 миллионов афгани и 2 миллиона долларов.

В начале сентября 1979 года Тараки проездом был в Москве. Беседовал с Брежневым. Встреча, как писали газеты, прошла в сердечной, товарищеской обстановке. А вернулся — и как в воду канул. 16 сентября на чрезвычайном пленуме ЦК НДПА узурпировавший всю власть Амин исчезновение бывшего генсека и главы государства объяснил его «добровольной отставкой по состоянию здоровья». В обращении к народу диктатор лицемерно пообещал отныне «полностью ликвидировать своеволие, разнузданность и безответственность должностных лиц».

Впоследствии Амина назовут агентом ЦРУ. Доказательств его связи с американской разведкой у нас нет, да и вряд ли нужно их искать. Очевидно другое: никакой специально завербованный агент не принес бы своей стране столько горя, сколько этот коварный честолюбец.

Способствовал разжиганию национальной розни. Допускал перегибы во взаимоотношениях с верующими и религиозными деятелями (и это в стране, где ислам является, по существу, господствующей идеологией, моралью, национальной святыней!). Насаждал террор, коррупцию, сплошь и рядом проявлял диктаторские замашки. Злодейски расправлялся с инакомыслящими в партии.

И, наконец, главное — то, что в значительной степени определило затем на годы вперед ситуацию в стране: дилетантскими, неуклюжими, командными действиями в деревне компрометировал идеи революции среди миллионных крестьянских масс.

Вакуума в политике, как известно, не бывает: отшатнувшись от новой власти, крестьяне — во всяком случае, многие из них — пристали, вынуждены были пристать (ибо такова логика всякой борьбы) к другому берегу.

Страну охватила гражданская война.

Если же почитать официальные документы и газеты того периода — увы, и наши газеты,— то предстанет картина прямо-таки идиллическая: будто бы афганцы все как один дружно созидают новую жизнь и только горстка каких-то жалких отщепенцев изредка нарушает спокойствие в стране. Эйфория продолжалась. Через пять лет обещано построить социализм. В июле 1979 г. Совет Министров республики, возглавляемый Амином, объявил об успешном завершении первого этапа земельной реформы. Кого обманывали? Как раз к той поре уже более половины уездных центров и почти все деревни находились под контролем вооруженной оппозиции. Крупные вооруженные мятежи вспыхивали то в одной, то в другой провинции.

Пройдут годы, прежде чем руководители Афганистана выступят с публичным и горьким признанием: земельный вопрос не решен, реформа провалилась. Да, лучше честное очищающее признание, чем позорная ложь, подрывающая авторитет государства и его руководителей.

В плену ошибочных представлений оказались тогда многие наши аналитики и журналисты, поспешившие восславить мифические успехи революционного Афганистана. Объективному анализу они предпочли бойкие отчеты и репортажи, написанные со слов кабульских чиновников. Не эти ли материалы потом станут ориентиром для наших лидеров в их отношении к Афганистану? Впрочем, журналистам было нелегко писать правду: сверху спускались жесткие установки, которые в освещении афганских событий предполагали только две краски — белую для «благих деяний» революционного режима и черную для «кровавых преступлений» оппозиции. Полутонов не допускалось — за этим зорко следила цензура.

Таким образом, сложился порочный круг: журналисты врали или недоговаривали, потому что политики не разрешали им писать правду, а политики принимали ошибочные решения, потому что превратно представляли себе ситуацию — в том числе по вине информаторов из Кабула.

Между тем приближался роковой день — 27 декабря 1979 года. Положение в стране к этому времени стало критическим. Многие деятели и рядовые члены партии, не согласные с авантюристическим курсом Амина, были брошены в тюрьмы, где подвергались жестоким пыткам, часть эмигрировала, другие ушли в подполье. Экономика чахла на глазах. Обезглавленная армия сдавала мятежникам одну позицию за другой. Казалось, участь республики предрешена. Амин в панике. Он вновь и вновь просит советских руководителей о военной помощи. Москва медлит. Москва разбирается в том потоке информации, который по разным каналам поступает из Кабула. Увы — и это тоже факт — еще осенью 1979 года многие наши официальные представители вовсю нахваливали Амина, направляли в центр заведомо искаженную благодушную информацию.

Помогать надо — это советским руководителям ясно. Но кому? Амину? Или тем альтернативным силам в партии, которые ушли в подполье и которые, судя по всему, хотели бы очистить революционный процесс от ошибочных наслоений? И как помогать? Сделать официальное заявление? Направить новых советников? Нет, решает Москва, ввести войска! Формальный повод для этого есть: многократные просьбы Тараки и Амина, Договор между двумя странами, предусматривающий оказание военной поддержки.

23 декабря газеты писали: «В последнее время западные, особенно американские, средства массовой информации распространяют заведомо инспирированные слухи о некоем «вмешательстве» Советского Союза во внутренние дела Афганистана. Дело доходит до утверждений, что на афганскую территорию будто бы введены советские «боевые части». Все это, разумеется, чистейшей воды вымыслы».

До ввода войск остается между тем всего четыре дня.

27 декабря штурмом взят дворец Амина, сам диктатор убит в ходе перестрелки.

На следующий день состоялся пленум ЦК НДПА. Генеральным секретарем был избран Бабрак Кармаль. «В повестке дня,— сказал новый генсек,— нет вопроса о построении в Афганистане социализма. Перед партией стоят задачи национально-демократического характера».

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА. Бабрак Кармаль. Отец — пуштун из племени моллахель, мать — таджичка. Бабрак Кармаль хорошо знает языки пушту, дари, владеет английским и немецким. Его отец был влиятельным человеком в высших военных кругах Афганистана: командовал дивизией и корпусом, вышел в отставку в звании генерал-полковника. В 1950 году Бабрак Кармаль — активист союза студентов Кабульского университета, тогда же осужден за революционную деятельность. В 1956 году выпущен из тюрьмы под залог. Работает в министерстве планирования. Сразу после создания НДПА становится заместителем первого секретаря партии, впоследствии один из трех секретарей ЦК. Во второй половине 60-х годов опубликовал в газете «Парчам» ряд статей, полемизирующих с теорией «народной революции» Тараки. Кармаль, в частности, настаивал на том, что Афганистан находится в преддверии национально-демократической, а не пролетарской революции. В 1978 году был направлен послом в Чехословакию. Есть данные, свидетельствующие о том, что Амин планировал физически устранить Бабрака Кармаля.

29 декабря наши газеты публикуют поздравительные телеграммы в адрес Кармаля в связи с его избранием на высокие посты. Новый афганский руководитель, обращаясь к соотечественникам по радио, говорит, что разбита машина пыток Амина и его приспешников — «диких палачей, узурпаторов и убийц». Амин фигурирует в обращении как «кровожадный шпион американского империализма, шарлатан истории».

Весь мир уже знает о том, что наши войска находятся на территории соседней страны, не знаем об этом только мы. «Наверху» все еще решают, в какой форме преподнести эту новость советскому народу. Наконец, в последний день 1979 года в газетах появляются скупые сообщения об ограниченном воинском контингенте.

Вряд ли советские руководители в полной мере представляли себе, чем обернется хождение за Амударью. К сожалению, не удалось пока установить, кто был инициатором акции, кто отдал приказ войскам. Говорят, что по этому поводу в Политбюро существовали разногласия, что некоторые руководители даже высшего эшелона власти узнали о вторжении, как говорится, постфактум. В это можно поверить.

Так начался один из самых длительных региональных конфликтов XX века с участием иностранных войск. Временное присутствие ограниченного контингента растянулось более чем на девять лет. Если бы только «присутствие»! Мы дали себя втянуть в самую настоящую войну. Войну без линии фронта, без соглашения о пленных. Без огласки. А наряду с боевыми действиями против оппозиции пришлось занимать круговую оборону против мирового общественного мнения. Оно, это мнение, надо честно признать, складывалось далеко не в нашу пользу. Не принял мир заготовленных в Москве аргументов. Мало кто счел их достаточно убедительными и весомыми.

Декабрьские события дали повод Соединенным Штатам окончательно похоронить разрядку. Свертывались торговые связи, культурные контакты, научный обмен... США и целый ряд других стран бойкотировали Московскую Олимпиаду (а мы четыре года спустя не приехали на Игры в Лос-Анджелес). Взаимное недоверие, пропагандистская война, конфронтация...

Вашингтон счел, что у него теперь развязаны руки для открытой и более эффективной помощи силам оппозиции. Сама оппозиция также невольно приобрела сильный козырь: дух свободолюбия у афганцев, как говорится, кипит в крови, их страну никому еще не удавалось завоевать. Таким образом, ввод войск не только не способствовал стабилизации положения, но, напротив, явился сильнейшим катализатором конфликта.

Сейчас, с дистанции в девять лет, с горькой ясностью видишь, какую огромную ответственность перед всем миром взяли на себя те, кто отдал приказ войскам войти в Афганистан с временной миссией. Ответственность перед всем человечеством. Перед историей. Перед тысячами матерей, чьи сыновья были брошены в бой. И какую большую цену мы заплатили за это решение.

Существовал ли другой выход? Можно ли было обойтись без военного вмешательства? Сознавали ли наши тогдашние руководители в полной мере все последствия своего шага?

Академик Е. М. Примаков (из выступления на XIX Всесоюзной партийной конференции): «Нет сомнения в том, что положение в пограничном Афганистане, вмешательство в его внутренние дела извне, международная обстановка в целом требовали контрдействий с нашей стороны в интересах мира и стабильности в регионе. Но характер этих контрдействий был определен, очевидно, без должной проработки различных альтернатив политического решения, к тому же при отсутствии реализма в понимании как ситуации в Афганистане, так и неизбежных последствий предпринимаемых мер. Все это тяжелым бременем легло на плечи нашей страны, нашего народа».

Еще мнение. Его в январе 1980 г. высказал соответствующим инстанциям Институт экономики мировой социалистической системы АН СССР. В инициативной записке говорилось о бесперспективности и ущербности военной акции, предупреждалось, что нам придется иметь дело с объдиненными ресурсами США и других стран НАТО, Китая, мусульманских государств, повстанческой армии.

Верх взял догматический подход, надежда на грубую силу. Ведь выручала же она прежде? Авось получится и теперь...

По американским источникам, война обошлась Советскому Союзу в 50 миллиардов долларов! Ежедневно из СССР в Афганистан отправлялись тысячи машин — с горючим, боеприпасами, продовольствием, военным снаряжением. На афганских аэродромах — в Кабуле, Джелалабаде, Шинданде, Хосте, Кундузе — ежедневно приземлялись десятки транспортных самолетов с грузами для воюющей армии. Этот конвейер действовал безостановочно не день, не два — девять лет! Обратно везли больных, раненых, убитых. Вдоль границы пришлось открывать новые госпитали, расширять старые...

А около этих госпиталей день и ночь, круглые сутки, дежурили, не смыкая глаз, матери, отцы, жены наших солдат.

Так было. Поклонимся им, матерям воинов. Сколько же они вынесли, ожидая с войны своих мальчишек! Поклонимся, обнажим головы перед теми, кто не дождался. Отдадим должное солдатам и офицерам, прошедшим через горнило боев.

Между тем есть у нас охотники перечеркнуть судьбу этих ребят. Вроде были они, не ведавшие, что творят, слепым орудием в руках неумных политиков. Нет! Мы сами воспитали их такими. За наши идеалы они сражались в афганских горах, получая ранения,

теряя товврищей, взрослея в день на годы.

Знаете, что, по их словам, было самым тяжелым? Нет, не оторванность от дома и даже не боязнь быть убитыми. Больше всего угнетало сознание того, что на Родине не знают правды о войне, не представляют реальную афганскую обстановку, не сопереживают нашим солдатам. Говорят: на миру и смерть красна. А воины-интернационалисты погибали практически в полной безвестности. Год, два, пять... Это еще одна печальная глава в нашем повествовании. И целая обойма новых вопросов.

Почему не разрешали по-людски, с почестями, гласно хоронить погибших? Почему далеко не сразу установили льготы для воинов-интернационалистов, для инвалидов, для членов семей погибших, а установив эти льготы, засекретили их, сделали достоянием весьма узкого круга лиц? Почему журналистам, писателям, кинематографистам многие годы было строжайше запрещено говорить правду о том, чем занимается на территории Афганистана ограниченный контингент советских войск?

Как же надо не доверять своему народу, не считаться с ним, чтобы, посылая на войну его сыновей, делать вид, что никакой войны нет в помине...

Целая обойма новых вопросов. Кто-то должен на них ответить!

Трагизм второго этапа революции, начавшегося 27 декабря 1979 г., заключается в том, что разумные меры, предпринимавшиеся НДПА, правительством, государственными и общественными организациями республики, практически сводились на нет войной. Все эти годы бо́льшая часть территории Афганистана находилась под контролем вооруженных отрядов контрреволюции. Государственная власть удерживала центры провинций, главные дороги и часть уездных селений, а в кишлаках хозяйничали вооруженные люди из различных исламских организаций. Время от времени кишлаки подвергались артналетам, воздушным бомбардировкам, прочесываниям. Поля, возделанные с огромным трудом, в ходе боевых операций уродовались гусеницами танков и боевых машин. Что оставалось после этого неграмотному крестьянину? Дом разрушен, жена погибла от шального осколка, есть нечего. Брал автомат и записывался в «муджахеды».

Война рождала войну. Пустели селения. Зарастали сорняком поля. Пересыхали арыки. Казалось, не будет конца этому кошмару.

Колоссальную, в буквальном смысле слова неоценимую помощь народу Афганистана продолжал оказывать Советский Союз. У нас самих прилавки не ломились от избытка, а мы направляли туда тысячи тонн продовольствия.

Сделаем и еще одно самокритичное признание. Годы застоя, когда у нас процветали формализм, вранье, парадность, сказались и на нашем присутствии в Афганистане. Порой мы тиражировали там собственные ошибки, порой афганцы учились у наших советников не работе, а видимости работы.

В партии все эти годы не затихали отзвуки фракционных разногласий. Уйдя вглубь, приняв скрытые формы, разногласия отражались на кадровых перемещениях, на всей внутрипартийной жизни, они отвлекали членов НДПА от борьбы, вносили в их ряды раздор, в умы — сумятицу.

«Фракционизм и групповщина,— сказал по этому поводу на общепартийной конференции НДПА новый руководитель партии Наджибулла,— подогревались острейшей борьбой за власть между отдельными группками и их лидерами, которые не сумели преодолеть привычек кружковой организации. Истинную природу этих явлений надо искать в давлении мелкобуржуазной стихии... Фракционизм и групповщина годами, как ржавчина, разъедают единство партии...»

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА. Наджибулла. Родился в 1947 г. По национальности пуштун. Его отец был одним из влиятельных авторитетов племени ахмедзаев, расселенного по границе с Пакистаном. В 1975 г. окончил медицинский факультет Кабульского университета. Владеет языками пушту, дари, английским, урду. Член НДПА с момента ее основания. Женат, имеет трех дочерей. Жена — член НДПА, активистка женского движения. С 1977 г. Наджибулла — член ЦК партии. До революции возглавлял нелегальный демократический союз студентов. Руководил подпольным комитетом НДПА городе Кабула. После апреля 1978 г. Наджибулла возглавил Кабульский комитет партии, затем был назначен послом ДРА в Иране. С 1980 по 1985 год руководил службой государственной безопасности. 4 мая 1986 г. избран Генеральным секретарем ЦК партии, а в ноябре 1987 г.— президентом Республики Афганистан сроком на семь лет.

С именем этого человека связывают новый период истории апрельской революции, который вполне можно назвать ее третьим этапом. Политические векторы таковы: расширение социальной базы революционного процесса, переход к многопартийной системе и коалиционности, стратегия национального примирения. Все это родилось не в кабинетах и залах заседаний — новая политика выросла из реальностей современной обстановки в стране и за ее пределами, она — производное нового политического мышления, свойственного миру конца 80-х годов. Она также, наверное, была бы невозможной без нашей перестройки, без наших перемен.

Призыв к окончанию братоубийственной войны, к переговорам, к достижению согласия на основе целого ряда компромиссов со стороны Кабула — это, согласитесь, был серьезный шаг президента Наджибуллы. Следующий сделала наша страна, объявив о выводе из Афганистана в максимально короткий срок всех войск. Переговоры в Женеве, начавшиеся семь лет назад и с тех пор буксовавшие на одном месте, вдруг каким-то прямо чудодейственным образом завершились подписанием сразу нескольких принципиальных соглашений. На самом деле, конечно, обошлось без чудес: решающим фактором явилось твердое и недвусмысленное желание Советского Союза вернуть домой свои войска. Условие при этом Москва ставила только одно: невмешательство во внутренние дела Афганистана.

Подписание пакета женевских соглашений и последовавшее сразу вслед за этим начало вывода наших дивизий наряду с реализацией договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности стали главными событиями мировой политики 1988 года.

Что завтра будет с Афганистаном? Выстоит ли республика перед натиском фанатиков, лишившись поддержки советских солдат? Не ждет ли страну судьба Ливана, где вот уже который год продолжается братоубийственная война? Не окажется ли Афганистан отброшенным еще на много веков назад — если властью завладеет Гульбуддин и иже с ним? Вопросы, вопросы...

Все в мире взаимосвязано, все сочетается друг с другом — если не напрямую, то опосредованно: мир наш раним и хрупок. События в стране, казавшейся далекой и незнакомой, могут самым неожиданным образом повлиять на нашу судьбу или судьбу наших детей. Мы в этом мире — одна семья, и осознать это призывает новое политическое мышление. Афганистан был и остается суровой реалией 80-х. Наш долг — извлечь уроки, сделать выводы. Наш долг — окружить вниманием и заботой тех, кого мы направляли в пекло войны. Наш долг — помнить.

Публикуя эту статью, редакция не собирается ставить последнюю точку в обсуждении афганской темы. Как оценить наше военное участие в этом вооруженном конфликте с точки зрения международного права? Кто в руководстве нашей страны принимал в декабре 1979 года роковое решение? Осознаем ли мы все, наконец, что афганское десятилетие — это не только громадные материальные и людские потери, не только слезы наших матерей, но и беды, причиненные соседнему народу, слезы матерей афганских?

Государство обязано взять на себя заботу о воинах-афганцах, не по своей воле перенесших тяжелые испытания, о семьях тех, кто не вернулся с поля боя. Это и делается. Но нельзя забывать, что никто — в том числе и те, кто побывал в Афганистане,— не вправе снимать с себя ответственность за происшедшее. Сострадание, чувство ответственности — только это может дать нам уверенность, что подобное не повторится в будущем.

РОДИНА 2/89

Ежемесячный общественно-политический научно-популярный иллюстрированный журнал

Издание газеты «Правда»

На первой странице обложки фото Владимира Лагранжа.

Рукописи объемом менее двух авторских листов не возвращаются.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

ВОПРОС РЕШЕН, ПРОБЛЕМА ОСТАЕТСЯ

Галина СТАРОВОЙТОВА,
старший научный сотрудник Центра по изучению межнациональных отношений при Президиуме АН СССР

Не одно поколение наших потомков будет ощущать последствия практики сталинизма в национальной политике. Пора назвать своими именами такие преступления против человечества, как объявление вне закона целых народов (по принципу коллективной ответственности), их депортацию с исконных этнических территорий, целенаправленные репрессии в отношении национальной интеллигенции — носительницы исторической памяти народа, его самосознания...

На этом фоне не столь тяжким нарушением права и здравого смысла может показаться установление границ между национально-государственными образованиями без достаточного учета пожеланий населения и его этнического состава. Пусть специалисты объяснят: почему автономные и союзные республики имеют свои конституции, а автомные области, края, округа нет? Почему ряд народов численностью около миллиона имеет союзные республики, а татары, которых в стране семь миллионов, только автономную? А два миллиона советских немцев вообще лишены своей государственности. Зато существует Аджарская АССР, несмотря на практическое отсутствие аджарцев (это те же грузины, но в далеком прошлом исламизированные соседней Турцией). Нахичеванская АССР, расположенная в сердце Армении, подчинена Азербайджану, с которым не имеет общей границы. Еврейская автономная область почему-то находится в Хабаровском крае на китайской границе...

Создается впечатление, что все это сложное здание скорее построено из поштучно сработанных кирпичей, нежели являет собой воплощение единого архитектурного замысла. Наверное, ввиду напластования конкретных исторических обстоятельств иначе и не могло получиться. Вопрос только в том, стоит ли объявлять охранной зону вокруг этой эклектической постройки.

От статуса национально-государственных и национально-административных образований зависят права даже не граждан, а целых народов! Например, союзная республика, согласно Конституции, имеет право на самоопределение вплоть до выхода из состава СССР, а автономная республика или область не может даже перейти из одной республики в другую. Или в области культуры: союзная республика имеет свой национальный кинематограф, а автономная нет.

Так кто же должен решать вопросы своей жизни: народы или приписанные им статусы? Ведь сегодня все яснее понимание, что нет народов малых и великих, не численностью определяется вклад народа в мировую культуру и важно сохранить звучание каждого голоса в общем ансамбле. Давно нам нужен Пленум ЦК КПСС по этим вопросам...

Один из вопросов — соотношение государственных и национальных интересов. В принимавшихся в прошлом году решениях по Нагорному Карабаху настойчиво звучало: «соблюдение государственных интересов требует...», «признать недопустимым, когда сложные национально-территориальные вопросы пытаются решать путем давления на органы государственной власти...» и т. п. Чувствительный он, оказывается, государственный организм.

Но есть различие между нашим и буржуазным государством, и оно существенно: «Буржуазия только тогда признает государство сильным, когда оно может всей мощью правительственного аппарата бросить массы туда, куда хотят буржуазные правители. Наше понятие о силе иное. По нашему представлению, государство сильно сознательностью масс. Оно сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно».

М. С. Горбачев еще раз пояснил суть нынешнего процесса:

«Мы должны через механизм демократии, социалистической демократии (ибо другая демократия на это не способна, она на это не сориентирована) включить человека в политичвский процесс с тем, чтобы все основные решения действительно были плодом двятельности самих трудящихся, а не аппарата, даже самого компетентного, дажв самого преданного народу».

«Правда», 14 октября 1988 г.

Так, может быть, требовательность народа к своим слугам — выборным депутатам, которым народ делегирует часть своих прав,— это нормально? И инициативные решения местных органов Советской власти, и прочие методы оказания «давления на органы государственной власти» пора признать естественной и законной формой осуществления народовластия?

К сожалению, не в традициях нашей государственности признание приоритета закона, приоритета права над властью.

Сегодня мы уже подзабыли о «гражданских добродетелях», хотя бы в том смысле, который им придавался в афинской или римской демократиях, да и нашим новгородским вече. А ведь гражданское общество с присущей ему индивидуальной ответственностью и сознательностью граждан — субъект «естественного права». Это общество характеризуется хорошо развитыми горизонтальными связями, высокой ролью общественного мнения как регулятора социального поведения. Не является ли нация (особенно в современном сверхинституционализированном государстве) наиболее живым и натуральным организмом, основой возрождаемого гражданского общества? И если мы согласимся, что государственный механизм призван обслуживать нужды гражданского общества (высокое призвание!), то не следует ли признать, что права народов — в том числе право нации на самоопределение — выше ценностей государственности?

Мы привыкли к утверждению, что национальный вопрос у нас решен. Однако замалчивание или откладывание в «долгий ящик» возникающих противоречий общественного развития несовместимо с политикой гласности и неконструктивно. Жизнь требует новых подходов. Один из вариантов был недавно реализован применительно к «карабахской проблеме». Можно спорить о плюсах и минусах избранного решения, но, мне кажется, главное — создать важный прецедент, свидетельствующий о начале перестройки и в сфере национальных отношений. Другие проблемы национального развития — на очереди.

ГРАЖДАНСКАЯ ИНИЦИАТИВА

ЛЕТОПИСЕЦ

«...После Куликовской битвы на поле осталось много убитых и раненых, как тогда говорили, посеченных. Сошлись сюда женщины и девки — найти своего мужа, сына, забрать домой и предать земле. Одна из русских женщин по имени Параня приехала на поле искать своего мужа Черноброва. Но не нашла: большинство убитых были уже захоронены в братских могилах, а среди раненых ее Черноброва не было. Таких Парань на Руси тогда остались тысячи — без пахаря, без кормильца. Много на поле лежало раненых татаро-монголов... Русские женщины брали их к себе в дом, вылечивали, и те принимали христианскую веру, становились мужьями, создавали новые семьи. Параня также взяла себе раненого татарского воина по имени Рахман...»

Фото Анатолия ПОЛЯКОВА

Это не сказка, не вымысел писателя. Так начинается родословная Рахманиных. Рахманиных? А кто они такие — князья, помещики, дворяне? Да нет, простые крестьяне, хлебопашцы, на чьих соленых спинах вся Русь держалась. И тем не менее вот она, рукописная история совсем не именитого, нв знатного рода, берущая свое начало в XIV веке.

Сюда, в сибирское село с ласковым именем Травное, я приехал из Новосибирска в середине лета. Избу Якова Степановича Рахманина мне указала первая же встречная старушка. И вот мы сидим с ним за столом, а я не свожу глаз с лежащих на клеенке скромных по виду тетрадок. Четыре общие тетради в матовых черных обложках. 752 сплошь исписанные страницы. В них вся родословная его семьи.

Сперва семейная летопись Рахманиных жила в устном слове, и лишь последние поколения запечатлели ее на бумаге. Прапрадед Самойло служил звонарем при церкви, был обучен грамоте и перенес на бумагу передававшуюся из поколения в поколение родословную, он записал ее между строк прямо на страницах Евангелия (другой-то бумаге в крестьянском доме откуда взяться!). В лихие двадцатые годы мужики украли у отца Якова Степановича это Евангелие и пустили на самокрутки.

Но рукопись не погибла. К тому времени Степан Рахманин — красный командир, считавший не делом хранить историю трудовых крестьян на поповских страницах, успел частично ее переписать. Остальное же крепко держал в памяти. Наследнику своему Якову передал все в целости и сохранности с таким наказом:

— Сведи воедино, перепиши. Ты старший из братьев, тебе нашу родословную хранить и продолжать.

XX столетие в семейных хрониках Рахманиных постепенно заняло главное место, все дальше отодвигая и тихую жизнь в Воронежской губернии, и пожар, спаливший всю их Репьевку, и переселение на сибирские земли:

«...Я остался на сверхсрочную службу... В августе 39-го меня приняли в кандидаты партии... 41-й год. 22 июня в 2 чвса дня наш радист на радиоустановке поймал волну какой-то мощной станции, где передавалось, что немцы без объеления войны напали на СССР по всей западной границе. По-московски это было 6 утра, по западному времени — 4 утра...»

К тому времени на его гимнастерке уже алел орден Боевого Красного Знамени — за рейд по вражеским тылам во время боев с самураями в районе озера Хасан.

И вот осенью сорок первого на их Амурской флотилии объявили набор добровольцев в бригаду морской пехоты, которой предстояло драться под Москвой. Осенью старшина Рахманин уже вел в бой свой взвод автоматчиков. Когда же брали Клин, Рахманин командовал ротой. Они бежали за танками, и в сотне метров от первых домов города их накрыл шквальный огонь минометов. Рахманин скомандовал: «Ложись!» И сам упал на левый бок, а правой рукой махнул, приказывая залечь всем, кто мог не расслышать команды. В этот самый миг где-то за спиной — разрыв, грохот, и почти сразу — толчок в плечо.

— Рота, вперед, от танков не отставать! — крикнул, вскочил и... упал. В чем дело? Глянул, а руки-то правой как не бывало.

А потом было то, что иначе как чудом не назовешь: он выжил. Сутки — без перевязки, с оторванной рукой, на морозе, каждую секунду теряя все больше крови,— и выжил! Спасибо сибирской закваске и старику хирургу.

Впрочем, выжить было мало. Как дальше выстоять, не запить с горя, не сломаться?

Запись тех дней:

«Постепенно начинаю привыкать к тому, что я в госпитале, что я инвалид, оставшийся с одной рукой в 26 лет. Но осознавая то, что случилось со всем нашим народом, думвя о тех, кто уже погиб, и о тех, кто еще погибнет (а война по существу только началась), понимаю: я обязан научиться жить и работать, приносить Родине пользу и с одной рукой. Я — коммунист».

Вычеркнутый писарем из списка бойцов действующей армии, из всех мыслимых и немыслимых разрядов запаса («списан подчистую!»), он продолжал воевать за родную землю — в своем иззябшем, осунувшемся от слез и опухшем от голодухи крае.

Ни одного дня не просидел Яков Рахманин на пенсии по инвалидности. Секретарь парторганизации села, председатель колхоза, парторг и замполит МТС, управляющий совхозным отделением...

Сколь горек и труден крестьянский хлеб, известно всем. И все же читаешь эту хронику изматывающей борьбы с природой — и по коже пробегает мороз:

«Все погорело, засохло. Убирать нечего. Пришлось резать болотную кочку, запаривать ее и кормить скот. Стадо было спасено, падежа не допущено...

Все высохло, как в пустыне. Земля потрескалась, лист на деревьях пожух. Зябь пахать невозможно: земля не пашется, а ломается...»

Да и работать было некому. Когда всей деревней встречали День Победы, Яков Степанович проводил митинг в деревне Плеханово. Выступали фронтовики, женщины, старики и подростки. Наговорились, наплакались. Из деревеньки ушло на фронт около 200 человек, и каждый второй не вернулся.

В середине 50-х годов в районе решили создать укрупненный колхоз. Кандидатура председателя не вызывала сомнений: Рахманин. Колхоз создавался, можно считать, из ничего — ни техники, ни кормов. И все же из жалких ошметков давно развалившихся хозяйств Яков Степанович за шесть лет сумел сделать рентабельный колхоз, один из лучших в районе, развернул большое строительство.

...В тот день, летом 56-го, комбайны работали до полуночи. А перед рассветом начался ураган. Деревья вырывало с корнем, перевертывало стога сена. Когда ураган стих, снова пустили комбайны. Они шли по красной от осыпавшегося зерна, словно сочащейся кровью, земле. И убирали, по существу, одну солому. А людям казалось — это их выпотрошил ураган. И не осталось внутри ничего, кроме звенящей боли.

Но уже в следующем году колхоз выполнил полтора плановых задания по сдаче хлеба. В тот год на парадном пиджаке Якова Степановича засветился второй орден, на этот раз — Трудового Красного Знамени.

* * *

Уже не первый час я сижу за тщательно вытертым обеденным столом, к которому меня накрепко приковали нехитрые записи:

«Люди пишут, а время стирает.
Все стирает, что может стереть...»

Время — стихия, с которой не спорят. А он, Яков Степанович Рахманин, пускается в этот грохочущий океан на утлой скорлупке своих «размышлений о жизни». Не наивно ли? Сколько в мире написано исторических трудов и учебников, сколько издано трактатов и мемуаров! И что против такого величественного многотомья — эти четыре общие тетради, исписанные ровным разборчивым почерком! Кому они нужны, что дадут, что скажут они нового человечеству?

В его записях начисто отсутствует маленькое «я», самолюбиво бьющее себя кулачком в грудь. Оно ушло, растворилось в большом, общественном и вместе с тем глубоко личном — в размышлениях о Родине. Эти скрупулезно-правдиеые хроники переросли рамки истории одного рода, они стали настоящей летописью, в которой отразилась судьба сибирской деревни, жизнь первых советских поколений.

«Каждый человек, прожив жизнь, должен оглянуться назад, как дальний путник, посмотреть, что он оставил после себя будущему поколению, близким и дальним родственникам. И главное — что сделал для своей матери-Родины. Все, что ты сделал, опиши, хотя бы кратко отчитайся за прожитое. Напиши хорошее, оно всегда людям пригодится. Если есть плохое или ничего ты не сделал для общества, тоже напиши, как исповедь, потомкам и она полезна: будут знать, как не надо жить».

Человек обязан знать свои корни, помнить о них и чтить. Истина не новая, но как часто мы забываем о ней. Сколько раз эта родословная помогала Якову Рахманину, была его компасом, советчиком, другом. Когда порой подступало отчаяние (а бывало и такое), он тянулся к этим теплым тетрадям. Перечитывал их — и в комнате становилось тесно: словно бы ее заполняли давно ушедшие предки Якова Степановича — оратаи, хлебопашцы. И они садились на стареньке табуреты или прямо на корточки у побеленной стены, неспешно начинали свой семейный совет.

В огромном перечне существующих профессий, специальностей и специализаций вы не отыщете названия «летописец». Это не профессия, а долг, требующий сил и мужества. Ведь очень непросто описать жизнь такой, какая она есть, без прикрас, не заворачивая стыдливо горькие и соленые ее плоды в разноцветные поблескивающие конфетные фантики. И тут — без компромиссов, иначе за первым фантиком последует и второй, и десятый. А потом, глядь, до истины уже и не докопаешься.

Яков Степанович Рахманин, скромный, «не персональный» пенсионер из сибирского села Травное,— человек союзного значения. А может, и выше — Летописец.

Впрочем, не слишком ли я высоко забрал: «творец истории», «летописец»? На деле-то жизнь Якова Рахманина складывалась куда скромней. Взвод да рота, сельсовет да отделение совхоза — совсем не масштабны, не историчны были его посты. Но так может показаться только человеку со стороны. Когда Рахманина избрали парторгом МТС, он в первый же день отправился на телеге в один из дальних колхозов. И казалось ему: то не загнанная коняга еле тянула свою повозку, а вся русская деревня — обобранная и обескровленная войной, стонущая без мужских рук, без техники, без сил.

— Уж восьмой десяток разменял, а все никак не угомонится! — говорят сельчане: одни — с удивлением, другие — с уважительной завистью, а кое-кто — и с видимым раздражением.

Не всем по душе его неуемность: «Ну, чего все время скачет этот дед, всюду нос сует? Сидел бы себе на крылечке!». А он, может, и сам бы рад отдохнуть, да не умеет, как-то не было времени за семь десятилетий научиться. Вот недавно опять бучу поднял — написал в «Правду» целое послание:

«За 26 лет наш совхоз получил огромное количество денежных средств и различной техники. Но отдачи очень мало, большинство из прожитых годов — убытки, убытки, и особенно последние годы. Почему так происходит? Потому что никто ни за что не отвечает. Мы докомандовались до того, что у нас уже и работать некому...»

Давно он уже ведет борьбу за подъем своего «Травнинского»: сперва — с директором Леонидом Сеатовым, затем с новым директором Анатолием Кузнецовым и парторгом Геннадием Седюком. И все время — с первым секретарем райкома партии Алексеем Свитченко, под покровительством которого годами творился этот развал. Тут-то совхозный парторг и проявил инициативу: добился, чтобы Якова Степановича вывели из состава парткома и освободили от забот главы народных контролеров совхоза. Тяжело, мол, человеку в таком возрасте. Но от «должности» гражданина и коммуниста даже парторг освободить не волен, и Яков Рахманин продолжал свою борьбу, всячески поддерживая молодого и прогрессивного главного агронома Александра Лактионова, с которым местные власти также свели счеты.

Другие люди сегодня возглавляют партийные организации совхоза и района. А вместо Кузнецова директором «Травнинского» народ избрал Лактионова. Не последнюю роль в этом сыграл коммунист Рахманин.

Ночь. Нескончаемая песня сверчка и дальний лай собак. Спит Травное. Спит в своем доме с синими ставнями Яков Степанович Рахманин. Что ему снится? Может — чистые страницы его летописи, заполнять которые предстоит уже сыновьям. А может быть — он сам, опять молодой...

Евгений СОЛОМЕНКО

ПРОШУ СЛОВА!

РАЗМЫШЛЯЮ НАД ЭТОЙ ПЕЧАЛЬЮ...

Булат ОКУДЖАВА

Незнакомая женщина на улице хватает меня за рукав. Смотрит куда-то мимо. Говорит захлебываясь:

— Что это вы вздумали за татар заступаться? Они же в войну нас предавали, а вы?!.

Пытаюсь с ней объясниться, от растерянности не подыскиваются нужные слова, те самые, которые, будучи произнесенными, все ставят на свое место. Она почти кричит, глядя куда-то в сторону:

— Нашли за кого заступаться, заступники чертовы!

И уходит прочь, оставив меня остолбеневшим.

Приходит письмо из Ленинграда без подписи: «Я вас так уважала, а теперь, после того, как вы за татар заступились, нет у меня к вам уважения».

Получаю письма из Харькова, пишет некто Бондаренко: «Как это вы за татар заступаетесь? Да они нас немцам предавали! Они к ним в услужение пошли!..»

И еще письма, в большинстве анонимные. И уже на «ты»...

Размышляю над этой печалью, ищу слова, про себя убеждаю своих оппонентов. Конечно, я могу промолчать, отшутиться, но это предмет нешуточный. Могу гаркнуть на них, но хочется высказаться, выкрикнуть свою боль, объяснить свою точку зрения. Где-то меж нами истина, зарытая в многослойную толщу лжи и дезинформации.

Сорок четвертый год. Весна. Высылают крымских татар. Высылкой руководит лично Берия. Теперь уже многое известно об этом человеке. С его именем связаны трагедии людей, множества людей, миллионов. Вот и здесь снова он, и снова беда, ужас, трагедия. Известно, добрых дел за ним не водилось (ну, может быть, приказ озеленить гору св. Давида в Тбилиси, а так в основном — зло).

Пытаюсь размышлять над этой бедой. Не было в истории человечества такого, чтобы целый народ, весь, от дворника до министра, был выслан, вывезен, лишен родины за несколько суток! Дети, женщины, мужчины, старики, Герои Советского Союза, Герои Социалистического Труда, писатели, капитаны, колхозники, инженеры, артисты, газетчики, вчерашние партизаны — все погружаются в эшелоны, всех гонят с минимумом вещей, их окружают вооруженные охранники, собаки, с ними не церемонятся. Команда, крики, плач, брань — голоса трагедии. Целый народ! Не было такого в истории! Затем в прессе появляется правительственное сообщение о том, что крымские татары сотрудничали с немцами, что на их совести кровь советских людей. Мы читали эти сообщения и торопились приспособить свое сознание к сомнительным аргументам, проглатывали их, как, впрочем, и все остальное, лишенные способности самостоятельно мыслить.

Целый народ! Мы не были ни заступниками, ни даже колеблющимися, а привычно вливались в общий хор «справедливого» возмущения и гнева. Впрочем, если и колебались, то молча, сомнения свои припрятывали поглубже. Теперь мы многое узнали, научились сопоставлять факты, теперь мы стреляные воробьи, и нас на мякине не проведешь.

Что же было тогда на самом деле?

Да, среди крымских татар были люди, пошедшие в услужение к оккупантам. Да, были люди, участвовавшие в карательных акциях. Да, были люди, отдавшие свои души и перья на службу фашизму. Но вот освобожден Крым, наступает время подведения итогов. Видимо, и карающая рука народа (как любили выражаться в ту пору) должна была обрушиться на отщепенцев, на предателей. Следовало судить их, как преступников, по крутым законам военного времени. Однако Сталину были чужды подобные способы решения вопросов. Злоба и безнаказанность — вот чем руководствовались он и его ближайшее окружение, вся карательная система, культивируемая ими. Судить надо было преступников, а не весь народ, не стариков и детей. Так нынче думаю я, так думают очень многие, переосмыслившие ситуацию, так решает время. (Да и вообще, если начистоту, разве можно судить народ?)

Но есть люди, мыслящие не так. Одурманенные пропагандой прежних недобрых времен, они пытаются вывести меня на «чистую воду». И вот я пишу Бондаренко в Харьков, спрашиваю его: куда он посоветует выслать весь украинский народ только за то, что в его среде нашлись полицаи и каратели? Он не отвечает мне, и, наверное, не потому, что сразу не соглашается с моей позицией, а потому, что нет у него и не может быть аргументов против.

Я отвечаю всем, кто присылает мне обратный адрес. Я именно так ставлю вопрос: весь украинский народ, или весь русский народ, или весь грузинский. Я спрашиваю, но так и не получаю ответа, ибо сама постановка вопроса уже несет в себе чудовищную несправедливость и беззаконность: почему выслан весь крымско-татарский народ? Вообще пристрастие к обобщениям — пристрастие коварное, особенно в национальном вопросе.

Я стою перед моей ровесницей, Бесибе Бекировой-Аксаковой, и не знаю, что ей сказать. Восемнадцатилетняя подпольщица из Симеиза, бескорыстно служившая своей стране в годы фашистской оккупации Крыма, дождалась освобождения своей родной земли и... была отправлена в воркутинские лагеря, как изменница Родины. Когда же спустя много лет ее освободили, путь лежал не домой, а в Среднюю Азию, туда, где к тому времени оказался ее народ. Так и живет она, бывшая партизанка, в беде и недоумении, не в силах разрешить свою судьбу. Во мне воспитывали благоговение по отношению к защитникам отечества. Что же я скажу ей?

Ну, хорошо, это случилось при Сталине. Подобная участь постигла не только татар, но и калмыков, но и балкарцев, но и чеченцев, но и ингушей, но и карачаевцев...

Знакомый почерк. Высылка крымских татар, очевидно, не частный случай, не каприз свихнувшегося диктатора, а продуманная система, которая основывалась прежде всего на неуважении к личности, на игнорировании прав человека, на произволе.

После XX съезда большинство было возвращено обратно. Постыдный произвол продолжался десять — двенадцать лет. Срок большой, но все-таки, видимо, не настолько, чтобы высланный народ утерял свое лицо, свой характер, чтобы трагедия растлила его сущность. Заселены исторические земли, открыты национальные школы, театры, появились новые герои, продолжает свою жизнь национальная литература. Многих вернули, а о крымских татарах забыли. Забыли? Или отмахнулись? Для меня это горькая тайна. Ей еще предстоит быть раскрытой. И вот целый народ остался в чужих краях. Без школ, без театров, без серьезной прессы, рассеянный по городам и селам чужой земли. Нет, она была в меру гостеприимной: было жилье, была работа. Но не было родины. И это продолжалось не десять — двенадцать лет, это жизнь двух поколений, оторванных от родной почвы. И все это происходило с нашего молчаливого попустительства в то время, когда мы стройно выкрикивали умопомрачительные лозунги в расчете на скорые блага, на собственное благополучие.

Быть может, в головах кое-каких ответственных людей вертелась спасительная пословица: «Стерпится — слюбится»?

В национальном вопросе нам сегодня руководствоваться этим постыдно. Когда-то, в начале прошлого века, знаменитый своими подлостями литератор Н. Греч записал, что народ, как и отдельные лица, бывает подлый (имея в виду поляков, протестовавших против раздела Польши). Нет, народ подлым не бывает, он бывает оскорбленным, и униженным, и обманутым. Вот что хотелось напомнить мне некоторым из моих добровольных корреспондентов.

В решении этого трагического вопроса нельзя ограничиваться полуправдой, ибо полуправда приводит к полумерам. Здесь возможно только полное и откровенное признание своей вины. Было совершено преступление в отношении целого народа. Мы должны признать и осудить это так же, как признаем и осуждаем остальные преступления Сталина и его окружения. Дела, совершенные нашими предшественниками, выправлять нам. Больше некому.

Но как же взяться за решение этого вопроса? С какого конца подойти к нему? Сорок пять лет — очень много. Когда это случилось, Крым начали заселять колонисты. Для их детей и внуков эта земля — родина. Им нельзя переехать на землю, на которой сорок лет назад жили их деды. Они вросли в крымскую землю корнями, и ни лозунги, ни громкие фразы, ни призывы не могут заставить их отказаться от родины. Видимо, сложность ситуации и была причиной полуправды, полумер в минувшие годы. Но, как показало время, полумеры ничего разрешить не в состоянии, они только запутывают проблему. Главное, как от него ни уходить, заключается в том, что народ не может быть лишен Родины. Хотя и было решено не считать весь народ виновным, реабилитировать его, возвращать крымских татар на прежнее место жительства признали нецелесообразным, и в последствии эта тема вообще стыдливо замалчивалась.

...В 1956 году возвращались оставшиеся в живых жертвы сталинских репрессий. Даже мысли не возникало тогда, что они, реабилитированные, не вернутся в свои дома. Вернулась в Москву после восемнадцати лет лагерей и ссылки и моя мама. Она была реабилитирована, ей помогли, дали квартиру, работу, восстановили в партии. Кто от этого проиграл? Да и могло ли быть такое, чтобы после реабилитации ей нельзя было вернуться в свой город?

Когда преступно выселяется, а потом реабилитируется целый народ, разве можно определять его местожительством бывшую ссылку? Даже не в бытовом, не в правовом отношении, а в нравственном — это отвратительно! Сегодня разговор надо вести не о разрешении вернуться, а о государственной акции по возвращению, ибо формальное разрешение вернуться приводит к пустым хлопотам, к оскорблению достоинства и в конце концов все к той же неразрешимости проблемы. Представьте себе: возвращается человек, которому даровано возвращение, но не может прописаться, так как не имеет работы. Он пытается устроиться на работу, но его не берут, ибо он не имеет местной прописки. Вот так реабилитация! Это уж не реабилитация, а банальное помилование...

Народ следует вернуть из ссылки. Это должно быть массовое, хорошо продуманное, глубоко спланированное возвращение с предоставлением жилья, прописки, с трудоустройством. Это должно быть делом государственной важности, осуществляемым при участии всех братских республик. Естественно, понадобятся гигантские средства, множество рабочих рук, время — может быть, три-четыре года. Мне видятся строительные бригады добровольцев из различных регионов нашей страны, в том числе и бригады из представителей крымско-татарского народа. Нужно построить много жилья в городах, селах, решить проблему воды, создать промышленные предприятия. Крайне необходим честный разговор в прессе о существе вопроса. В этом смысле мне показалось не самой большой удачей выступление ТАСС от 23 июля 1987 года в духе семидесятых годов, сводящее основную тяжесть вопроса к преступлениям, совершенным во времена Отечественной войны отдельными представителями крымско-татарского народа, и тем самым дезинформирующее общественность.

Возвращение должно превратиться в общенародное дело. Мы все должны платить за преступления, совершенные во времена культа личности.

Пройдут годы, и заработают национальные школы, театры, институты, начнут выходить книги на татарском языке (и не от случая к случаю — планомерно). Все встанет на свои места.

Не знаю, что сказать об автономии, это выше моей компетенции. Наверное, это крайне трудно решить по многим обстоятельствам, но решать необходимо — не торопясь, серьезно, гласно. Очень жаль, что в комиссии Верховного Совета по решению крымско-татарского вопроса нет представителей этого народа, что деятельность этой комиссии освещается очень скупо...

В одном я уверен твердо: нас не должны пугать материальные затраты. Они окупятся с лихвой, потому что не лозунговая, не парадная, а подлинная дружба народов — самая высшая ценность и самое большое приобретение нашей революции. Мы должны поступать так, чтобы открыто смотреть в глаза друг другу.

От редакции. *Когда читатели получат этот номер журнала, уже состоится назначенное на начало февраля заседание секции Советской социологической ассоциации «Социология национально-политических отношений», специально посвященное крымским татарам. Об итогах этого заседания, о том, как предлагают решать проблемы возвращения крымско-татарского народа на его исконные земли наши ученые, сами крымские татары, другие заинтересованные стороны, вы узнаете в одном из ближайших номеров «Родины».*

«В нашей стране 281 с лишним миллион жителей!» — с привычной гордостью говорим мы и, тоже по привычке, забываем, что к этой фразе, наверное, всегда стоило бы добавлять: «...из них столько-то женщин и столько-то мужчин». Зачем? Позвольте ответить вопросом на вопрос: а что мы знаем об этих двух огромных мирах, живущих под одной крышей?

Во многих странах социологи, демографы выпускают множество серьезных и полушутливых сборников, из которых можно узнать о привычках и привязанностях, взглядах и спорах «прекрасной» половины человечества с его «сильной» половиной. У нас также издается много статистической и демографической литературы, и все-таки, чтобы составить себе портрет нашего современника и современницы, надо перерыть гору книг. Поэтому мы, вооружившись изданиями Госкомстата СССР, данными демографических и социологических исследований, материалами газет, решили во многом на свой страх и риск сделать если уж не портрет — так набросок с нас с вами.

А СКОЛЬКО НАС?

✻ Нас много: более 132 миллионов мужчин и 149 с лишним миллионов женщин. Так что на 113 «девчонок» приходится, по статистике, всего 100 «ребят».

✻ Мы больше всего любим жить в городах — именно городская прописка стоит в паспортах 47 мужчин и 52 женщин из каждых 100.

✻ Наш средний возраст — 33,2 года, что называется «золотой»! Самые важные жизненные решения, самые грандиозные планы выполняются как раз в таком возрасте.

✻ Средний вес мужчины примерно 76 килограммов, рост — 176 сантиметров.

✻ Средний рост женщины — 160 сантиметров, вес — примерно 62 килограмма.

✻ Женщины живут дольше мужчин. Даже в конце прошлого века средняя продолжительность жизни «слабого пола» была 33,4 года против 31,3 — у мужчин. Этот перевес в долголетии сохранился до сих пор: средняя продолжительность жизни у мужчин — 65 лет, у женщин — 73,8.

✻ В ноябре 1987 года в народном хозяйстве работали 21,6 миллиона женщин — специалистов с высшим и средним специальным образованием. И пусть мужчины не задаются: все-таки названная цифра составляет 61 процент от всех специалистов с высшим и средним образованием, занятых работой.

✻ Наша «сильная половина» терпеть не может ночных смен. В промышленности это — удел женщин. И еще немного грустной статистики: 4 миллиона женщин работают в условиях, не соответствующих нормам охраны труда.

✻ Среднемесячная зарплата рабочих и служащих составляет примерно 202,9 рубля, а у колхозников — 170,2 рубля.

✻ В женских профессиях и отраслях труда (повара, сиделки, няни, подсобные рабочие и т. д.) средний уровень зарплаты на треть ниже, чем в мужских.

И тем не менее по выборочным опросам видно: только двадцать женщин из ста хотели бы посвятить себя семье, остальные предпочтение отдали работе. Наверное, это из чувства «белой зависти» к работающим мужчинам...

✻ Оказывается, мы очень «любим» нашу сферу обслуживания: только за год теряли в походах в различные мастерские, ателье и т. д. примерно 14 миллионов человеко-дней. Это все равно, что целый год не будут выходить на работу 60 тысяч человек. Причем наиболее частые посетители сферы услуг — женщины.

✻ Чтобы добраться до работы, мы тратим в среднем 32 минуты в сутки. Столько же — и на обратный путь. А в столице и в Ленинграде — 60 минут в один конец.

НЕМНОГО О БРАКЕ И МНОГО — О СЕМЬЕ

✻ Семей в нашей стране немало — около 72 миллионов! И каждый год образуется примерно 3 миллиона супружеских пар. Чтобы было понятно, как мы «растем», скажем: в 1950 году браков было зарегистрировано около 2 миллионов.

✻ Социологи предложили юношам и девушкам выбрать одно из утверждений:

«Любовь, как основа брака — главное и определяющее».

«Брак может состояться и без любви».

«Роль любви в браке преувеличена».

Мнения разделились. Первый тезис выбрали 88,9 процентов девушек, второй — 1,4, а третий — 9,7! Юноши оказались скромнее в суждениях: только 86,5 процента предпочли первое утверждение, 1,1 — второе, 12,4 процента — третье.

✻ На вопрос «Верите ли вы, что ваша любовь продлится всю жизнь» — единодушно сказали «Да!» 98 процентов опрошенных.

✻ Начинать объяснение в любви до сих пор в 80 случаях из ста приходится традиционно мужчине. Примерно две трети будущих жен сразу не дают согласие, предпочитают «подумать».

✻ Браки у нас молодеют: еще двадцать лет назад к 25-летнему возрасту в брак вступало 70 женщин и 60 мужчин из ста. Сегодня — 80 женщин и 70 мужчин, тоже из ста.

✻ Семейными ценностями мужчины считают: состоять в браке, хорошо зарабатывать, иметь дачу, больше заниматься с детьми, иметь несколько детей, часто общаться с родственниками, проводить свободное время с семьей, быть хозяином в доме.

Женщины предпочитают: больше заниматься с детьми, иметь несколько детей, часто общаться с родственниками, проводить свободное время с семьей, быть хорошей хозяйкой.

✻ Доход на члена семьи — вещь малопредсказуемая, но все-таки в семьях рабочих и служащих он примерно 1700 рублей, а у колхозников — 1370 рублей в год. Тем не менее в сберкассах хранится 280 миллиардов рублей, то есть средний вклад сейчас около 1,5 тысячи рублей на человека. Специалисты, правда, добавляют к этому еще примерно 50 миллиардов рублей, которые хранятся в домашних «банках».

✻ Почти тридцать миллионов семей располагают денежными сбережениями для помощи детям, 23,3 миллиона — для того, чтобы поддержать сложившийся жизненный уровень на пенсии. Вообще: «помогать детям заранее» — привычка, похоже, только наших семей.

✻ По примерным расчетам, сегодня всего 3 миллиона семей имеют наполовину и более необходимые суммы сбережений на строительство, ремонт и покупку жилых домов, дач и т. д., 700 000 — для вступления в жилищно-строительные кооперативы, 5,1 миллиона — на покупку мебели, столько же — одежды, 2,1 миллиона — автомобилей, 3,2 — для организации отдыха. Не так много, верно?

✻ Из каждых ста рублей в 1987 году семьями было потрачено в среднем 33 рубля 30 копеек на питание, 31 рубль — на промтовары (из них — 8 руб. 10 коп. на одежду и т. д.), на налоги, сборы, платежи — 9 р. 50 коп. То есть питание сегодня у нас «съедает» треть семейного бюджета. Зато оплата квартиры, коммунальных услуг — всего 3 процента. 0,7 процента семейного дохода превращается в дым. Табачный. 2,6 — отдается в распоряжение Бахуса.

✻ Средний житель нашей страны съедает в год 272 яйца, 64 килограмма мяса, 132 килограмма хлеба. Для сравнения: средний француз потребляет в год 67 килограммов хлеба. Американец — 120 килограммов мяса и мясопродуктов. Житель ГДР съедает в год 299 яиц.

✻ Средняя семья у нас имеет: 0,9 телевизора, 0,15 — магнитофона, 0,69 — холодильников, 0,05 — фотоаппаратов. Автомобилей — 0,12 на семью.

✻ «Сильная половина» семьи тратит в выходной день на работу почти на три часа меньше, чем их жены.

Но, оказывается, мужчины чуть больше занимаются с детьми: 23 минуты в день против 17 минут у хозяек дома.

✻ Сакраментальную фразу «Кто в доме хозяин?» оценивают женщины и мужчины по-разному: 20 процентов женщин ответили, что хозяева в доме они. Мужчины же считают себя хозяевами в 9 семьях из ста.

✻ Говорят, мужчины не слишком покладисты. Но именно они в первый период брака при спорах уступают более чем в 2,5 раза чаще женщин. При этом в стабильных семьях муж уступает вообще в 21 случае из ста, жена — только в 9. В нестабильных семьях — 14 против 7!

✻ В год у нас рождается примерно 2875 тысяч мальчиков и 2723 тысячи девочек.

✻ В 1986 году 296 раз рождались у нас в стране «тройняшки», «двойняшки» — 44 657 раз; больше всего — в России, но не отстают Украина, Белоруссия, Таджикистан и Армения.

✻ За 33 года (с 1944 по 1987) звание «Мать-героиня» присвоено 414 тысячам женщин.

Рекорд по деторождению до сего дня принадлежит жене крестьянина Федора Василета (видимо, Васильева), жившей в XIX веке в Московской губернии. Она имела 69 детей.

НЕ О САМОМ ПРИЯТНОМ

✻ 95,6 процента всех беременностей у 16—17-летних матерей происходит вне брака. У 25—29-летних матерей этот процент ниже — 50.

✻ В 1986 году число абортов на 1000 женщин в возрасте от 15 до 49 лет достигало 101,2. Правда, это не самая большая цифра. Например, в 1976 году она была равна 107,4!

✻ Ежегодно на 2,7 миллиона браков у нас в стране приходится примерно 950 тысяч разводов.

✻ Более трети супружеских пар расходятся в первые 3—4 года после свадьбы.

✻ Инициатива разводов в основном принадлежит женщинам.

✻ Сегодня каждое седьмое дело о расторжении брака заканчивается примирением супругов еще до суда.

✻ Спустя десять лет после развода или овдовения в новый брак вступает половина мужчин и четверть женщин.

✻ Небольшая деталь: уровень образования женщин, оказывается, серьезно влияет на частоту разводов. Реже всего разводятся женщины с высшим образованием. Чаще — с неполным средним и средним.

✻ Наибольшей прочностью отличаются браки, заключенные женщинами в возрасте 20—24 лет, наименее — если невесте 15—19 и 30—34 года.

✻ Из-за разводов ежегодно более 700 тысяч детей в возрасте до 18 лет остаются без одного из родителей.

✻ Печальный факт: в 1987 году самоубийством покончили жизнь 54 тысячи мужчин и женщин. 19 человек на сто тысяч — это больше, чем в США (12), но меньше, чем во Франции (22). Увы, среди мужчин самоубийства происходят более часто, чем у женщин, причем в три раза, а в возрасте 25—39 лет — в шесть раз.

НАШ ДОСУГ

✻ 199 миллионов наших соотечественников посещают ежегодно музеи, театры — 123 миллиона. Наиболее преданными театралами являются мужчины.

✻ В наших квартирах — более 20 миллионов телефонов. И хотя рекорд по непрерывной продолжительности разговоров принадлежит женщинам, чаще пользуются телефоном все-таки мужчины.

✻ Каждый год мы отправляем примерно 255 миллионов посылок, 832 миллиона денежных переводов, 449 миллионов телеграмм...

✻ Мужчины — непоседы. Только половина из них в выходные сидит дома. Женщин же — 78,5 процента.

Любимое занятие мужчин: сходить в гости, на рыбалку, покопаться на садовом участке и т. д.

У женщин — побывать у родственников, съездить на экскурсию. Если, конечно, позволяют домашние заботы...

✻ Своею внешностью мужчины любуются чаще, чем женщины: во всяком случае, они реже проходят мимо зеркал, не бросив в них взгляда.

✻ Половина женщин считает свою жизнь сложившейся счастливо. Мужчины оптимистичнее — среди них так считают 60—70 процентов.

Конечно, многие данные изменятся уже в ближайшее время: в этом году прошла Всесоюзная перепись населения. Будем ждать новых фактов, цифр, а значит, нового нашего автопортрета.

**Подборку подготовил
Андрей ДЯТЛОВ**

ВОЗРАЖЕНИЯ ПРИНИМАЮТСЯ

Возможно, я просто глуп и наивен, но все-таки я никак не могу понять очевидных для всех вещей. Как наши экономисты, так и их зарубежные «оппоненты» дружно утверждают, что для введения конвертируемого рубля необходима какая-то подготовка, приведение цен «в соответствие» с чем-то.

Насколько я понимаю, «конвертируемость» — это, в сущности, основное свойство денег, из-за чего они, собственно, и являются деньгами. Все эти талеры, гульдены, франки и т. д. с момента своего возникновения (и без всякой подготовки) были конвертируемы. Знаменитая формула Маркса, где холсты приравниваются к сюртукам и так далее, может спокойно рассматриваться и как формула «конвертируемости». Затраты (и немалые!) нужны не для введения конвертируемой валюты, а для ограничения ее конвертируемости. Так, у нас существует огромный аппарат по определению разницы между рублями в нашей стране и такими же рублями за границей. И таможенники и пограничники — все прикладывают усилия к тому, чтобы сдержать самостоятельную «конвертируемость» рубля. Потому что рубль, несмотря ни на что, все-таки конвертируем! Он будет куплен за определенную сумму на западном рынке, он имеет вполне определенную стоимость в долларах для наших родных фарцовщиков. «Реальный» курс рубля существует (и всегда существовал!), в каждый момент он может быть вычислен достаточно точно — разумеется, при наличии сведений о реально происходящих обменных операциях. Если государство (и экономисты) знать ничего не хочет о конвертируемости рубля, то это не значит, что ее не существует. Цены приводит «в соответствие» сам рынок. Какая же связь между конвертируемостью рубля и ценами внутри страны? Пока существуют обычные таможенные барьеры, сколько бы бумажек ни бегало через границу, товары не изменят своей цены. Пока наше государство платит рабочим в рублях и не разрешает вывоз купленных товаров за границу, никакие изменения курса рубля не вызовут колебания цен на внутреннем рынке. Конвертируемый рубль (при прочих неизменных факторах) на первых порах просто сделает безработными многочисленный штат при таможне, «Интуристе» и т. д., погубит (реально) пресловутые «Березки», даст государству солидную экономию, сделав ненужной целую армию посредников.

По-моему, проблемы тут того же порядка, что и, например, при глушении иностранных радиопередач. Что тут было «подготавливать»? Просто прекратили глушение, и все! Доллары начнут ходить на внутреннем рынке? Что за беда! Пока не изменен характер собственности и производственных отношений, эти доллары только помогут рублю выполнять свои функции.

Исторически «неконвертируемость» появилась как еще одна система тоталитарного контроля и хозяйственной централизации. Если мы хотим децентрализации и хозяйственной самостоятельности, надо, видимо, снять все запреты на передвижение валюты и рублей. «Конвертируемость» установится сама!

Или я в чем-то ошибаюсь?

В. ФОМЧЕНКО
Ленинград

В последние десятилетия в медицинских учреждениях широко используются ампулы с радиоактивными веществами, применяются они и в промышленности, и в сельском хозяйстве.

Все мы помним, сколько беды причинила всего одна такая ампула, выброшенная на свалку в одной из стран Латинской Америки. Были такие случаи и у нас. Совершенно очевидно, что землетрясение в Армении временно похоронило многие ампулы с радиоактивными веществами, причем нарушив их упаковку. Расчистка завалов усугубляет проблему их сохранности. Ясно, что в подобной ситуации все ампулы обнаружить просто невозможно. Однако примерные места их нахождения известны, и необходимо сейчас принять действенные меры. А на будущее разработать четкие правила хранения, которые обеспечивали бы полную безопасность этих материалов даже в экстремальных ситуациях.

Е. Мешалкин, академик АМН СССР, директор Научно-исследовательского института патологии кровообращения Минздрава РСФСР; В. СЕРГИЕВСКИЙ, профессор
Новосибирск

Наш сын, 28 лет, по образованию юрист — помощник прокурора района, получает 180 рублей. Работа, известно, беспокойная, нервная. Женат. Жена сейчас не работает. Ребенку два с половиной года, неясельный — врожденный порок сердца.

Так вот, если бы не мы, они бы нищенствовали при наших ценах и пустых прилавках. А мы себе во многом отказываем. У меня, например, оклад 115 рублей, через год пойду на пенсию, а сбережений на книжке — 290 рублей. У мужа оклад стал недавно 230 рублей (был 200). Он высококвалифицированный специалист. Нам с мужем, конечно же, ничего не жалко для наших молодых, но все же... Страна-то наша богатая, а как порой нелегко сводить материально концы с концами.

Г. СОКОЛОВА
Горький

Выберем директора — решили в тресте «Ишиммежрайгаз». В предвыборную кампанию вступили семеро претендентов, борьба шла нешуточная — к моменту голосования осталось двое кандидатов. Коллектив ознакомился с биографией и программой действий каждого. Но на конференции, куда собрались выборщики из двенадцати районов области, вдруг обнаружилось, что один из двух кандидатов отсутствует, и делегация рабочих вынуждена была отправиться искать пропавшего. Претендент не мог явиться по одной причине: его задержали в горкоме партии, заставляя отказаться баллотироваться. А когда все же состоялось голосование и запоздавший, но появившийся наконец претендент был избран большинством голосов, руководитель объединения заявил, что он... не утверждает решение конференции.

История псевдовыборов на этом не кончилась. Ишимский горком партии наложил вето на публикацию в местной газете. «Редактор вызвал меня и приказал: ни слова, ни полслова об этом»,— рассказывает корреспондент А. Бучинский.

Остается добавить, что разгласить эту «засекреченную» историю решилась областная газета «Тюменский комсомолец», которая и напечатала корреспонденцию «Вне игры».

Архангельский обком комсомола подготовил тезисы «О первоочередных задачах обкомов ВЛКСМ в области политической работы с учетом итогов XIX Всесоюзной партийной конференции», где выделен особый раздел «Принципы взаимодействия со средствами массовой информации». Цитируем: «Редакция газеты «Северный комсомолец» не подотчетна в своей работе аппарату обкома ВЛКСМ... Правомерность подготовки и публикации того или иного материала определяют редактор газеты и члены редколлегии. Вопрос об их партийной, комсомольской ответственности за принятое решение может рассматриваться только после выхода газеты в свет».

Этот документ (его поддержал пленум обкома комсомола) опубликовала газета «Северный комсомолец».

В один прекрасный день в скупочный пункт драгоценных металлов вошел посетитель. Он выложил из карманов три серебряных слитка общим весом в килограмм и... был тут же задержан милицией. Однако вел себя спокойно и волнения не проявлял. «Серебро я не воровал, а добыл собственным трудом»,— пояснил посетитель. И указал место «добычи» — свалку недалеко от своего дома с выброшенными реле, электрощитами, электромагнитными пускателями... Опытный электрик из совхоза «Кирбай» Виктор Герасимов в течение года насобирал электроконтактов и выплавил из них три слитка в килограмм весом. Для электрика эта история закончилась относительно благополучно: серебро было ему возвращено, в чем он получил на руки расписку (принимается в скупку лишь «лом» с проставленной пробой). Но вот проблема! Спрос на серебро растет, в нем нуждаются современное машиностроение, медицина, электроника, следуют призывы к предприятиям сдавать серебро, им даже спускается план... А драгоценный металл валяется на свалках. «Я так хотел помочь государству» — так назван материал «Ташкентской правды», где и рассказана эта история.

Почему ни один из трех прежних секретарей Новобелицкого райкома партии Гомеля не вошел в новый состав районного комитета?

Вот какие оценки прозвучали, например, в адрес одного из секретарей, который накануне партконференции отчитывался перед коммунистами района. Члены райкома советовали своему бывшему секретарю «не бояться ходить в трудовые коллективы, особенно туда, где очень «жарко». Предлагали сломать стереотип партийного работника, всегда готового к выдаче директив по любому поводу. Заявляли, что нужно «быть более принципиальным и открыто высказывать свою точку зрения, а не поддерживать всегда только вышестоящих руководителей». Все это, вместе взятое, положенное на весы общественного мнения, и подвело итог карьеры секретаря в районе. Не выдержали испытания новым временем и остальные партийные руководители района. Об этом рассказала «Советская Белоруссия» в корреспонденции с многозначительным заголовком «Закономерный финал».

На живописном холме во Всеволжске стоит часовня-усыпальница князей Всеволжских. Спустя сто лет со времени ее возведения в часовне решил разместиться кооперативный ресторан-кабаре. Дискотека на месте захоронения? Местные жители также считают такое соседство кощунственным. Но...

А ведь прежде в часовне, неподалеку от которой находится братское кладбище погибших в войну людей, хотели сделать музей «Дороги жизни». Но хозяина, который выделил бы на это деньги, не нашлось. А тут подоспели предприимчивые кооператоры. Рассказано об этом печальном факте в «Ленинградском рабочем».

Школьники Дмитриевской средней школы Панинского района Воронежской области во главе со своим директором, энтузиастом краеведческой работы Татьяной Васильевной Чикиной провели настоящее исследование. Беседовали со старожилами, изучали исторические документы в государственном Воронежском архиве, встречались с учеными-краеведами. Было обнаружено, что первое упоминание о Дмитриевке относится к 1791 году. И вот сход граждан решил отметить двухсотлетие родного села, подготовить и провести праздник, посвященный этому событию. Рассказу о народной инициативе посвятила материал «Будет у Дмитриевки юбилей» воронежская «Коммуна».

Подготовила Кира ЛАВРОВА

Не нам одним каяться

Виктория ЧАЛИКОВА

АВТОРЫ, ПИШУЩИЕ О СТАЛИНЕ, В ОСНОВНОМ НЕ ВЫХОДЯТ ЗА РАМКИ ТЕМЫ «СТАЛИН И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ», ХОЧУ ОБРАТИТЬ ВНИМАНИЕ НА ДРУГУЮ ТЕМУ, ПОКА ЧТО ОСТАВЛЕННУЮ В ТЕНИ: СТАЛИН КАК ЯВЛЕНИЕ МИРОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ. ИМЕЕТСЯ В ВИДУ ТОЛЬКО ОДНА ХАРАКТЕРИСТИКА ЭТОЙ КУЛЬТУРЫ, УСЛОВНО НАЗЫВАЕМАЯ МАКИАВЕЛЛИЗМОМ.

Сформулированное некогда Аристотелем представление о политике как об особой форме этики шесть веков назад сменилось представлением о внеэтичности политики, более того — о противоположности политики и морали. Изменились не обычаи, а именно научные тезисы. Практическая аморальность политиков, став предметом анализа одного из блестящих интеллектуалов итальянского Возрождения, была возведена в логически обоснованную норму поведения.

Значение этого духовного переворота прекрасно сформулировал французский философ Жак Маритен в статье «Конец макиавеллизма» в сентябре 1941 года (дата, разумеется, не случайна): «Не Макиавелли научил королей и завоевателей вероломству, лжи, жестокости и преступлениям. Ради власти они всегда были готовы на все. Макиавелли исторически ответствен только за легализацию политической аморальности. Именно он разъяснил, что хорошая политика, политика, отвечающая своей природе и целям, не может быть моральной».

Я никак не посягаю на интерпретацию личности и творчества Макиавелли исследователями Ренессанса. Но не могу не согласиться с мнением лорда Актона, что «самый лучший интерпретатор Макиавелли — вся последующая история».

Макиавеллизм в европейской истории сложился в двух формах: умеренной и абсолютной. Умеренный, допуская применение дурных средств для достижения цели, мыслил эту цель как общее благо и, не избегая зла, стремился контролировать его масштабы. Представителями умеренного макиавеллизма Маритен считает кардинала Ришелье и отчасти канцлера Бисмарка. Абсолютный макиавеллизм выразил себя в отмене каких бы то ни было запретов на зло. Понятно, что в статье 1941 года абсолютным макиавеллистом Маритен называет Гитлера, цитируя известный его отзыв о «Государе» Макиавелли: «Эта несравненная книга очистила мой мозг, освободила меня от массы ложных идей и предрассудков. Только после нее я понял, что такое политика».

Оценить степень влияния на Сталина идеи Макиавелли нам, видимо, мешает нежелание понять, что в лице «отца народов» мы имели не просто деспота, но деспота-интеллектуала. Кстати, так оценивали его такие крупнейшие исследователи тоталитарной идеологии, как Ноам Хомски, Алвин Голднер, Джордж Оруэлл. У нас существует смешение понятий «интеллигентность» и «интеллектуализм». Сталин не был интеллигентом, но при всех

Фото Александра ЗЕМЛЯНИЧЕНКО и Владимира ЛАГРАНЖА

своих преступных склонностях, при всей своей безыдейности (отличавшей его, например, от Бухарина) он был интеллектуалом. Интеллектуал не означает благородный, порядочный, ни даже талантливый или умный. Интеллектуал — это человек, воспринимающий мир как нечто доступное его анализу, синтезу и прогнозу, требующее его вмешательства и руководства. В отличие от большинства людей он живет ради прямой или косвенной власти над миром. Интеллектуализм вовсе не исключавт добродетели и благородства, но не исключает в равной мере и низменных страстей. Но это особая тема. Да и разговор не о макиавеллизме Сталина, а о макиавеллизме того мира, который принял, легализовал и поддержал, пусть и с большими оговорками, его политику.

Первый исследователь сталинского террора Роберт Конквест писал, что «без усвоения сути сталинизма нельзя понять до конца, как вообще устроен современный мир». По мнению Конквеста, разделяемому большинством серьезных политологов Запада, поддержка мирового общественного мнения — «это один из факторов, сделавших возможным проведение массовых репрессий в СССР. Суды в особенности были бы малоубедительны, если бы какие-нибудь иностранные и посему «независимые» комментаторы не придавали им юридического значения».

После 1935 года, когда политика Сталина начала ориентироваться на союзничество, возможности морального давления на него стали очевидны. Но и до поворота в отношениях с Западом они существовали. Об этом свидетельствует, например, история с французским писателем-коммунистом Виктором Сержем, арестованным в СССР в 1932 году. На международном конгрессе писателей в Париже в 1935 году Магдалена Паз, Андре Жид и Сальвемини потребовали его освобождения. В конце года Серж был освобожден. «Этот случай,— замечает Конквест,— дает основание предположить, что если бы процесс Зиновьева был бы во всеуслышание и более или менее единодушно осужден на Западе, то Сталин, возможно, не действовал бы так беспощадно. ...Те, кто «проглотили» тогда советские процессы, стали до некоторой степени соучастниками дальнейших репрессий».

Слово «проглотили» здесь не случайно. Именно так отвечал Сталин на высказанные ему опасения по поводу реакции Запада: «Ничего, проглотят!» Не «ну и пусть!», не провозглашение своей независимости от общественного мнения, а расчет, построенный на знании... Знании — чего? На этот вопрос у нас существуют самые разные, в том числе и фантастические ответы, вплоть до всемирного масонского заговора против России. Существует также убеждение, что сталинский тврров поддержали только западные левые, социалисты. Между тем масса самых разнообразных фактов свидетельствует о том, что расчет Сталина был не на идеологию, нв на агентуру (хотя и она своя дело сделала), а на глубокую, почти физиологическую реакцию общества, поддержанную научно обоснованной солидной платформой. Когда Джордж Оруэлл написал в 1944 году антисталинскую сатиру «Ферма животных», ее не приняли к изданию ни крайне просталинский Виктор Голланц, ни правый католик Т. Элиот. Сказано ведь у классика: «Кто что ни говори: хотя животные, а все-таки цари!» Из писем Оруэлла той поры видно, в какое отчаяние приводили его упорные попытки писателей и журналистов разных политических ориентаций оправдать сталинские процессы. Из этого отчаяния родилось убеждение, высказанное им в предсмертном интервью о романе «1984»: «Тоталитарная идея живет в сознании интеллектуалов везде».

Допущенные на судебные заседания иностранные журналисты не были ни заговорщиками, ни продажными людьми. Они были просто людьми культуры, отделившей политику от морали. Поэтому они не видели очевидного.

Каждому, кто читал стенограммы процессов, бросаются в глаза белые нитки, которыми они шиты. Особо можно выделить три момента:

государство, на всех командных постах которого (включая армию и разведку) стояли агенты иностранных держав, просто не могло существовать 20 лет;

состав преступлений фантастичен и напоминает грошовый детектив (гвозди, подсыпанные в масло; шторы, опрысканные ядом и т. п.);

в качестве мест тайных встреч подсудимые называют физически нереальные объекты: сгоревшую много лет назад гостиницу, закрытый в это время года аэропорт...

Эти частные случаи западные газеты отметили, что не изменило общего настроя.

Да что там частные случаи! Общественное мнение располагало и системно упорядоченным материалом, разоблачающим фальсификацию. Представительная Комиссия во главе со знаменитым американским философом Дьюи, изучив тщательнейшим образом материалы одного из процессов 30-х годов, пришла к выводу о полной его несостоятельности. «Не виновны!» — назывался опубликованный этой Комиссией отчет. Но и он не повлиял на общественное мнение. (Кстати, ведущим адвокатом Комиссии был социалист Джон Финерти, до этого защищавший Сакко и Ванцетти.) Беспощадный анализ процвссов дал в своей брошюре социалист Адлер. Опубликованная в лейбористской прессе вго статья произвела впечатление, но, увы, недостаточное. Открыто обличал сталинский суд лидер шотландских левых Э. Хьюз в своей газете «Форвардс». Конквест, человек далекий от левых взглядов, пишет: «В действительности некоторые группировки левых (не только троцкисты, непосредственно в этом заинтересованные) смотрели на вещи трезво. Но другие круги, несогласные с теорией коммунизма, приняли официальную сталинскую версию».

Несогласные с теорией приняли практику! Ибо в основе принятия лежала глубоко иррациональная установка, вполне, впрочем, соединимая с политическим расчетом. Когда Черчилль слушал рассказ о миллионах загубленных русских крестьян, когда после второй мировой войны он отдал на растерзание Сталину сотни тысяч советских военнопленных — что здесь было от политики, а что от обожания силы, от вековечного: «Победителей не судят»? И мог ли не склоняться перед силой человек, воспитанный в колледже, где, по его воспоминаниям, процветало то, что у нас называют «дедовщиной»,— в формах не столь грубых и грязных, но достаточно жестоких?

Общественное мнение Запада не проснулось по-настоящему и в 1948 году, когда вышла книга Д. Далина и Б. Николаевского о принудительном труде в лагерях, проиллюстрированная репродукциями документов. Фактически отметились и показания бывших узников ГУЛАГа. Неужто потребен могучий художественный дар, чтобы назвать черное черным? Нельзя без содрогания читать книги и статьи литераторов-туристов и общественных деятелей Запада, посещавших ГУЛАГ. «Это достижение, свидетельствующее о полном устранении эксплуатации человека человеком»,— восхищался Пьер Дэ. Правда, надо отдать должное сталинской режиссуре: на создание «потемкинских деревень» не жалели сил и средств. Для иностранных посетителей в Болшеве держали специальную показательную исправительно-трудовую колонию, о которой с восторгом отзывались такие ученые люди, как Гарольд Ааски и супруги Уэбб. В некоторых обычных тюрьмах для той же цели заводили «показательные блоки» (зеки их называли «тюрьмами Интуриста»). Когда в 1944 году Магадан посетил вице-президент США Генри Уоллес, всех заключенных заперли в бараках, сторожевые вышки срыли, сотрудниц ГУЛАГа переодели свинарками...

Попустительствуя то Гитлеру, то Сталину, Запад просто придерживался принципов «реальной политики». Этот эвфемизм аморальной политики возник в XX веке, что и позволило гуманистам типа Ж. Маритена заговорить о «конце макиавеллизма» — по крайней мере о его теоретической дискредитации.

Новые горизонты естественных наук, новое представление о научности и логичности подорвали «железную логику» Макиавелли. Оставался соблазн приписать макиавеллизм одной нации или стране. Но «победителей не судят» — лозунг не нации, не формации, не идеологии. Это лозунг всей цивилизации, признающей неизбежность войн, видящей в войне одно из высших проявлений жизни. «Есть упоение в бою»,— это написал не агрессивный студент-инородец. Родовитый русский аристократ Андрей Болконский готов был отдать все: и старого отца, и беспомощную сестру, и жену на сносях — за военную удачу, «за минуту славы, торжества над людьми». В этом мире, прекрасном и зловещем, жили все мы. Жил в нем и Сталин. Он был сыном этого воюющего, хмельного от побед мира. Худшим из сыновей, позором, проклятьем, но — сын есть сын... Он родился в стране, сама география которой позволяла ему довести господство над людьми до гвноцида. На огромных пространствах между Европой и Азией было легче править сатанинский бал...

Сталинизм — чудовищная реализация макиавеллианской аморальной политики. В цивилизации, исповедующей культ силы и эффективности, он неизбежно появляется в том или ином обличье. Сама целостность человеческой цивилизации обеспечивает сохранение недемократических элементов в части целого до твх пор, пока идея господства содержится в этом целом.

Не хочу, чтобы это рассуждение было воспринято как вызов беспощадному самоанализу и покаянию, которым мы свгодня заняты. Искать конкретные причины и последствия сталинизма именно у себя — святое дело. Но думать, что, исправив себя, мы исправим мир,— значит впасть в смирение паче гордости, в новый мессианизм.

Соображения эти представляются мне неотложно практическими. Без всестороннего сотрудничества в десталинизации мы не првестанем быть «группой риска» для тоталитарных эпидемий. Запад для нас не учитель и не ученик, а партнер, сознающий свою ответственность за всв происшедшее в XX веке. Полвека назад он не помог антисталинскому сопротивлению (а оно было, и я надеюсь, что еще будет написана его история). Вопрос нв снят с повестки дня и сегодня, когда антисталинское движение, начатое героями и мучениками эпохи застоя, приобрело статус государственной политики.

Фото Александра ГРЕКА

ИЗ ЗАБВЕНИЯ

ПАРТИЯ НОВОГО ТИПА.

В первом номере нашего журнала были опубликованы заметки о книгах, посвященных первому съезду РСДРП, которые вышли из спецхрана и находятся ныне в открытом фонде Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Сегодня мы знакомим вас с изданиями, посвященными II съезду РСДРП.

М. ЛЯДОВ.
История Российской социал-демократической рабочей партии.
Часть вторая.
Создание Российской социал-демократической рабочей партии (1897—1903). Спб. 1906.

1906 год. После II съезда РСДРП не прошло и трех лет. Но что еще важнее, годы эти — резкого подъема революционного движения в России, обострение классовой борьбы, пробуждение национальных окраин и как результат — создание целого ряда политических партий от эсеров в 1901-м до кадетов в 1905-м.

РСДРП была провозглашена на I съезде в Минске в 1898-м. Но практически неоформленная организационно, в девятисотых годах, по словам В. И. Ленина, партия переживает период «разброда и шатания». Она не имела ни своей программы, ни устава. «Манифест», принятый на I съезде, только ставил вопрос о необходимости создания программы. А тем временем в социал-демократии уже наметилось несколько противоречивых течений.

Книга М. Лядова, одного из старейших социал-демократов России и первого по времени историка партии, вводит читателя в круг полемики, развернувшейся в канун созыва II съезда. Автор — очевидец и участник дискуссии, особо акцентирует внимание на той огромной работе, которую проводила в это время ленинская «Искра», выдвинув проект программы партии.

Может показаться странным, но внимательный исследователь найдет, надо полагать, в этой книге немало животрепещущих вопросов сегодняшнего дня. Споры вокруг внутрипартийной демократии, вокруг структуры партии, по многим принципиальным вопросам программы (об аграрной политике, о национальном вопросе) разгорелись еще в самом начале века, на втором съезде РСДРП, проходившем в Брюсселе и Лондоне с 17(30) июля по 10(23) августа 1903 года, в котором участвовал и автор книги.

А. НИКОЛАЕНКО.
Краткая история рабочего класса в России.
Под редакцией и с предисловием И. Флеровского.
М.-Л., 1926.

Если книга М. Лядова практически первая история РСДРП, свидетельство очевидца, участника II съезда и революции 1905 года, то работа А. Николаенко представляет собой попытку осмыслить путь рабочего сословия в России. И тут стоит, наверное, напомнить о том, что на протяжении многих лет, как это ни парадоксально, история рабочего класса страны оставалась в своеобразной зоне забвения, подменялась во многих случаях историей партии. А ведь рабочий класс далеко не сразу и не до конца понял идеи социал-демократии, далеко не все рабочие поддержали большевиков даже в революцию 1917 года. Это, казалось бы, совершенно закономерное обстоятельство игнорировалось, замалчивалось, затушевывалось. А без этого непонятны многие исторические процессы, происходившие в тот период.

Современные читатели книги откроют для себя много неизвестного. Скажем, для большинства, наверное, будет в новинку тот факт, что в те дни, когда в Лондоне работал II съезд РСДРП, в Петербурге открылась чайная для рабочих и молодой священник Гапон собрал здесь небольшой кружок, который получил название «Собрание русских фабрично-заводских рабочих города С.-Петербурга». Да, со школьной скамьи мы помним рассказ о «кровавом воскресенье» 9 января 1905 года. Отсюда же знаем и фамилию Гапона, но, наверное, мало кто знаком с уставом гапоновского «Собрания», который полностью напечатан в книге А. Николаенко. Скажем, пункт первый устава, утвержденного тогдашним министерством внутренних дел, гласит, что «Собрание» учреждается для трезвого и разумного препровождения членами «Собрания» свободного от работы времени с действительной для них пользой как в духовном, так и в материальном отношении...»

Уже в декабре 1904 года гапоновская организация имела в столице империи 11 отделений с 8 тысячами членов...

И, наконец, трагическое шествие с хоругвями и портретами самодержца всероссийского к Зимнему дворцу, со слезной петицией, текст которой также целиком приводится в книге.

Столь же подробно и документированно рассказано в книге о других рабочих организациях дореволюционного периода. А для истории II съезда она дает очень подробную и широкую панораму состояния организованного и стихийного движения рабочего класса страны за свободу и социальное равенство в начале XX века.

К. И. ШЕЛАВИН.
Рабочий класс и его партия.
Вып. первый.
От возникновения партии до 1905 г. Л., 1924.

Книга эта принадлежит к тому довольно обширному пласту компилятивных, популярных пособий и учебников по истории партии, которые стали выходить особенно широко в 20-е годы. Первейшая цель подобных изданий — дать развернутую картину рабочего, социал-демократического, а как следствие, и коммунистического движения в России, показать роль партии в истории этого движения. В основном эта литература была адресована слушателям и преподавателям сети политпросвета. Авторы подобных книг пытались дать новый или малоизвестный широкой публике материал. Рекомендуя читателям книгу К. Шелавина, мы хотели бы предложить ее в основном тем, кто интересуется механизмом создания культа личности Сталина и, в частности, создания образа «выдающегося теоретика марксизма-ленинизма». А поэтому предлагаем сравнить ее с книгой

К. РОЗЕНБЛЮМ.
Второй съезд партии.
Л., 1933.

Этот общедоступный в 30-х годах труд неоднократно переиздавался и буквально весь пронизан цитатами из работ И. Сталина. Особо обширно цитируются «Вопросы ленинизма». Уже тогда складывался тот тип примитивного, но непререкаемого учебника (годного для читателей всех уровней — от академика до плотника), который в конечном счете привел к «Краткому курсу истории ВКП/б».

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

ИСТОЧНИК РАДОСТИ МОЕЙ

Нил ГИЛЕВИЧ,
первый секретарь Правления Союза писателей БССР, депутат Верховного Совета БССР

Сегодня миллионы белорусов говорить на своем языке уже не могут — разве что отдельные слова. Человечество недосчитается еще одного славянского языка — прекрасного, богатого, самобытного языка, который, по мнению специалистов, в наибольшей мере сохранил подлинно славянские черты...

«Но самое главное, что ныне нужно понять,— это то, что разнообразие, непохожесть наших наций друг на друга обогащает человечество в целом...» Эти слова замечательный русский писатель Дмитрий Михайлович Балашов сказал на международном симпозиуме в Италии, посвященном 1000-летию крещения на Руси.

Никогда, начиная еще со студенческих лет, не было у меня сомнений в истинности этой мысли, этого взгляда на многонациональное устройство человеческого общежития. И однако же всю жизнь собираю, выписываю или подчеркиваю в книгах мысли, созвучные только что процитированной. Зачем, если давным-давно убежден в этом и моих убеждений уже ничто не поколеблет? Может быть, затем, чтобы видеть и чувствовать: ты в своих убеждениях не одинок — вон сколько людей думали и думают точно так же и отстаивают эту позицию. А может быть, делаешь это потому, что почти каждый день встречаешь воинственное неприятие «разнообразия и непохожести» наций? Потому что так много людей, требующих унификации, слияния национальных языков и культур, самих народов? И потому что именно об этом так трудно вести с ними спор — доказывать очевидную абсурдность, то есть противоестественность и бессмысленность такого требования? Вопрос не из тех, что «между прочим»...

Прочитал в газете беседу с эвенкийским писателем Алитетом Немтушкиным о положении языков и культур малых народов на Севере и северо-востоке страны. Так стало грустно и тяжело на душе, что лучше бы и не читал! Хлопали-хлопали мы в ладоши, приветствуя расцвет национальных культур, да и прохлопали кое-что... Если не опомнимся, не задумаемся, не устыдимся — прохлопаем еще больше. Не только язык эвенков. Но и язык белорусов, несмотря на тысячелетний опыт письменно-книжных традиций.

Вот о чем заставляет нас думать жизнь, конкретная реальность.

Известный публицист Ф. Бурлацкий рассуждает о подлинных и неподлинных ценностях в сфере художественного творчества: «А судьи кто? Читатели, зрители, потребители этих ценностей, словом, народ. И судит он, народ, самым простым способом: читает или не читает книги, посещает или не посещает театры...» Как будто все правильно. И однако же... не совсем. Давайте глянем на ситуацию конкретно — например, в Белоруссии. Почему не читает или мало читает белорусские книги белорусский народ — это еще надо разобраться. Писатели Икс, Игрек и Зет написали замечательные произведения — несомненные художественные ценности, и народ хотел бы их прочитать, но в значительной своей части он не может этого сделать по очень простой причине: люди не знают белорусского языка. Не знают, ибо не учили. В школе от этого «ненужного» предмета великие просветители «эпохи развитого социализма» их освободили. Так что правильность формулы «судья — народ, читатель» относительная. Есть исторические ситуации, когда народ или большая часть его лишены возможности... судить. Он проходит мимо книг на полках — независимо от того, какой они ценности. Потому что прочитать их он все равно не сможет. Какой смысл говорить о профессиональных вопросах развития литературы, если остается вопрос вопросов: что будет с нашим языком? Что будет с нами, белорусами, как нацией?

«Я люблю Россию до боли сердечной». Это сказал не лирик и вообще не поэт, а великий, если не самый великий русский сатирик Салтыков-Щедрин. Никому из нас, белорусов, также не возбраняется сказать: «Я люблю Беларусь до боли сердечной». И кто скажет или напишет так — публично, открыто, осужден за это не будет. Но я знаю товарищей, которые, прочтя такое признание белоруса, где-то внутри души отреагируют неудовольствием и непременно скривят личико. «Ну зачем?» — запротестует кисло скривленная физиономия.— Зачем так подчеркивать свою любовь к Белоруссии? Это нескромно. И вообще... Это может привести к уклону». О том, что Салтыкова-Щедрина его признание ни к какому уклону не привело, товарищи не думают. Надо ли добавлять, что эти знакомые мне кислолицые товарищи — сами белорусы? Конечно, белорусы! В том-то и вся печаль наша!

Перерождается, чтобы не сказать вырождается, народ. Вот социальная и национальная проблема огромного масштаба и сверхактуального значения. Народ как национально-этническая единица со своим лицом, характером, душой, своим художественно-нравственным обликом. На наших глазах, даже в разговорах с нами, хорошие деревенские люди — доярки, механизаторы, специалисты — отрекаются от родного слова и стараются потрафить угодливому волапюку чиновников, стараются приобщиться к индустриальному ширпотребу массовой культуры, уступая этому ненасытному чудищу — чтобы проглотили! — духовно-художественные ценности своей земли. Не думать, чем все это может кончиться для судьбы самого народа,— непростительно.

И уже появилось новое теоретическое обоснование национального нигилизма: зачем сегодня, когда мир почти висит на волоске, держаться родного языка, дескать, перед лицом угрозы всеобщего самоуничтожения не все ли равно, какой в твоих устах язык? Нет, не все равно, уважаемые теоретики! Не для гибели-смерти, а для сохранения мира и жизни — не все равно! Чем сильнее я люблю свою землю, вот эту, на которой стою, тем дороже мне жизнь и тем более самоотверженно я буду бороться за мир! Любовь к родной земле, а следовательно, и к ее культуре, к родному языку — это могучая сила, она дает смысл моему человеческому существованию; она — источник моей радости наиглубокой, и именно с нею в сердце я чувствую себя борцом за мир, за жизнь, за счастливое будущее новых поколений. Если же произойдет самое страшное и неповторимое, то и тогда я хочу умереть сыном своей земли.

Заметки на полях нашего бюджета

Борис ПИНСКЕР,
экономист

Наша пресса как-то уж очень скромно осветила сенсационное событие: 11 сессия Верховного Совета СССР 11-го созыва приняла на 1989 год дефицитный бюджет. Запланировано (!), что в 1989 году расходы государства будут превышать доходы на 36,3 млрд. рублей, или на 7,9 процента.

История советского государственного бюджета в высшей степени загадочна. Известно, что наша экономика всегда была дефицитной и инфляционной. Всегда тратили больше, чем имели. Всегда расходовали то, что не заработали. Чем платили? Снижением жизненного уровня, голодом и холодом, теснотой и безобразием барачной и казарменной жизни. Расплачивались благосостоянием потомков — широкая и дешевая распродажа сырьевых ресурсов, художественных ценностей и т. п. началась уже в 20-е годы. Как же при этом получали сбалансированный бюджет?

Есть предположение, что все эти годы основным инструментом уравновешивания бюджета был печатный станок. Из всех секретов данные о денежной эмиссии и денежном обращении всегда были самыми охраняемыми. Директор Института экономики АН СССР академик Л. Абалкин как-то пожаловался корреспонденту «Литературной газеты», что даже ему закрыт доступ к данным о денежном обращении. Недаром всего лишь за 70 лет мы пережили уже три радикальные реформы денежной системы: 1922—1924, 1947, 1961. (Для сравнения: английские деньги (фунт стерлингов), отпечатанные 100 и 150 лет назад, и сегодня в обращении, так же как и доллары США, выпущенные 100 и 120 лет назад.)

Помня об этом, можно было бы только приветствовать признание дефицитности бюджета, как шаг в сторону гласности и контролируемости денежной политики, если бы...

По утверждению министра финансов Б. Гостева, «на протяжении многих лет расходы государства опережали доходы», и в результате «рост доходов населения превышал возможности удовлетворения его спроса, что вело к экономически неоправданной эмиссии денег и инфляционным процессам» («Правда» от 28. 10. 88). Непонятно, как это «рост доходов населения» может быть причиной инфляционной эмиссии денег. Обычно, да еще и в плановом хозяйстве, бывает все наоборот: избыточная эмиссия денег дает возможность наращивать непроизводительные расходы.

Но не будем придираться: раз ученых не пускают к этим проблемам, неизбежна определенная ведомственная неграмотность. Главное-то в докладе Б. Гостева сформулировано правильно: «Дефицит бюджета — не сегодня возникшая проблема, а следствие несбалансированности экономики, большой дотационности, огромных потерь».

В чем причина несбалансированности экономики? Министр указывает на систему централизованного планирования и безответственного бюджетного финансирования. Чрезмерные, несбалансированные вложения средств в тяжелую промышленность, в новое строительство привели к тому, что сумма денежных доходов населения росла быстрее, чем сумма товаров и услуг. Дисбаланс уравновешивался, с одной стороны, ростом цен, с другой — обострением товарного голода, ростом очередей и спекуляции.

Отмечены и экстраординарные источники дефицита, усугубившие «традиционную» диспропорциональность экономики: потеря косвенных налогов от продажи спиртных напитков — в размере 36 млрд. рублей (за год или за три года — из доклада неясно); экстренное наращивание инвестиций в жилищное строительство; увеличение расходов на здравоохранение, просвещение и на социальные нужды — более чем на 18 млрд. рублей; 8 млрд. потребовалось на ликвидацию последствий чернобыльской аварии. Теперь вот больше пяти миллиардов потребуется на ликвидацию материальных последствий землетрясения в Армении. К тому же сократились на 40 млрд. рублей бюджетные доходы — из-за падения мировых цен на нефть и другие сырьевые товары.

Можно ли на основании этих данных понять природу наших современных финансовых проблем? Увы, нет. Сам бюджет, вынесенный на сессию Верховного Совета для обсуждения и принятия, запутан так, что его анализ и понимание невозможны. Я уж не говорю о том, что расходы на оборону оценены совершенно невероятной цифрой в 20 млрд. рублей — в 15 раз меньше, чем расходы США. Одна эта цифра, на мой взгляд, делает опубликованные оценки размера бюджета и национального дохода заведомо недостоверными. Б. Гостев сообщает, что сверхнормативные запасы материальных ценностей в народном хозяйстве превысили 50 процентов валового национального продукта (ВНП) и равны 480 млрд. рублей. Следовательно, ВНП равен примерно 950 млрд., а бюджет государства составляет 52 процента от ВНП. Заместитель главного редактора «Правды» Д. Валовой в интервью для «Огонька» сообщает, что размер валового общественного продукта ныне превысил 1400 млрд. рублей, то есть через бюджет перераспределяется 35 процентов ВНП. Так какова величина нашего бюджета и нашего ВНП? И можно ли всерьез обсуждать в Верховном Совете такой бюджет? Но это не единственные «пропуски и недочеты» в принятом плане бюджета.

В смете доходов, например, отсутствует такой необходимый пункт, как доходы от эмиссии новых денег. Как же так? Масштабы хозяйства растут, валовое производство товаров и услуг растет, товарооборот увеличивается. Нужны новые деньги для обслуживания этого роста? Любой учебник скажет, что нужны. Но ведь нету их. А может быть, они скрываются в рубрике «доходы от промышленности»? Станок для печатания денег тоже ведь некоторым образом отрасль промышленности. И очень доходная...

Еще пример. В смете доходов казны в рубрике «поступления от народного хозяйства» общая величина сборов (355,6 млрд. руб.) на 38,9 млрд. превышает совокупные поступления по статьям, расшифровывающим эту рубрику. Откуда берется эта цифра? Нет, так не скрывают тайны. Скорее всего — просто небрежность исполнителей проекта по отношению к будто бы контролирующему их собранию народных представителей.

По логике вещей, от правительства, которое выносит для утверждения несбалансированный бюджет, следует ожидать как анализа факторов неравновесия экономики, так и предложений о возможных путях выравнивания бюджета. Следует наметить пути сокращения государственных расходов, обозначить возможные источники новых доходов. И кое-что об этом в докладе министра финансов есть. Гостев перечисляет следующие источники пополнения бюджета: «...новые виды денежно-вещевых лотерей, добровольные виды страхования, самообложение (?), аукционы, выпуск целевых облигаций на местные нужды, развитие кооперативного движения при соответствующем контроле». Очень характерный перечень рецептов. Политика увеличения национального дохода, расширения базы налогообложения — на последнем месте, и то при «соответствующем контроле» (развитие кооперативов). Зато впереди — самообложение: известный в нашей истории вид грабежа (другого слова просто не подберу), возведенного в ранг государственной политики. В 1927—1928 годах, в период обострения финансового и зернового кризиса, чрезвычайно похожего на нынешнюю ситуацию, правительство Сталина — Бухарина — Рыкова использовало «добровольное самообложение» кулаков и торговцев (под угрозой полной конфискации имущества и высылки в Сибирь) для смягчения бюджетного дефицита и сокращения покупательной способности населения. Тогда же в жизнь страны вошли «добровольные» займы (здесь — новые виды денежно-вещевых лотерей?), «добровольные» формы принудительного страхования и т. п. Интересно, в каком объеме Минфин предполагает воспроизводить эту политику?

А вот что предлагает Б. Гостев для сокращения темпов прироста денежной массы в обращении. «С будущего года будет усилен банковский контроль за соотношением производительности труда и средней заработной платы, он станет ежеквартальным». Это значит, что под шумок разговоров о социалистической предприимчивости и самоокупаемости идет возврат к самым жестким и самым пагубным формам контроля. Решено конфисковывать всю дополнительную прибыль, возникающую при инициативном ведении дела на дефицитных рынках. Тем самым, по моему мнению, сводятся на нет даже те небольшие стимулы хозяйственной предприимчивости и независимости, которые начали вводить в последнее время.

Министр финансов таинственно намекает, что «государство вынуждено нести большие затраты на инвестиции в материальную сферу, неотложные социальные и экологические программы, поддержание... обороноспособности страны. Многие из этих расходов просто так нельзя отложить или ограничить». То, что многие расходы необходимы и неизбежны,— это понятно. Но ведь какие-то можно было бы отложить? Какие? Ответа нет.

Несмотря на все разговоры о повороте промышленности, в том числе оборонной, к выпуску товаров народного потребления и машин для переработки сельхозпродуктов, в следующем году все останется в основном так, как было всегда. По-прежнему самые большие и жирные куски достанутся отраслям, которые уже многие десятилетия поглощают значительную часть ресурсов страны. Почти две трети ресурсов — около 62 процентов — направляется в металлургию, машиностроение, химию и энергетику. Расходы на эти направления форсируются — рост примерно на 30 процентов. Некоторые наметки выглядят просто опасными. Наша страна производит минеральных удобрений больше, чем США и Западная Европа, вместе взятые. При этом продовольствия мы получаем меньше, чем каждый из этих регионов в отдельности. А значит, на каждый килограмм зерна, овощей и фруктов мы уже сейчас используем удобрений чуть ли не вдвое больше, чем в США и Западной Европе. И тем не менее в течение двух последних лет заключены контракты на модернизацию и расширение заводов по производству удобрений. Действительно ли в стране нет более настоятельных нужд?

Продолжается проигранная стратегия ускорения, разработанная академиком А. Аганбегяном и уже публично отвергнутая им же. Накачиваются средства в промышленность до начала самых первых шагов экономической реформы — перехода к оптовой торговле, децентрализации управления предприятиями, децентрализации банковского механизма и перевода его на коммерческий режим работы. До сих пор все изменения в управлении экономикой ограничены сменой руководителей отраслевых министерств. В достаточной ли степени смена министров гарантирует эффективное использование новых бюджетных вложений?

Под разговоры о приоритете социальных расходов, о преимущественном росте производства потребительских товаров расходы на образование, здравоохранение, на социально-культурные нужды будут расти в 1989 году в 2—3 раза медленнее, чем на химию и металлургию. 10—16 процентов — таков рост вложений в социально-культурные отрасли. С учетом запланированной инфляции (минимум 8—10 процентов) действительного роста почти не будет. Если же учесть и запланированную традиционную несбалансированность между денежными ассигнованиями на строительство и реальными возможностями строительной промышленности, можно предположить, что произойдет реальное сокращение вложений в эти отрасли.

В самом деле, каждый год мы узнаем, что недоиспользованы сотни миллионов рублей, отпущенные на культурное и жилищное строительство. Не хватает людских ресурсов, нет в должном количестве материалов и техники. Что же, на этот раз все будет иначе? Об этом и речи в докладе Минфина не идет. Председатель Госплана СССР Ю. Маслюков отмечает, что в 1989 году удастся только «снизить уровень сверхнормативного незавершенного строительства за счет замораживания ряда строек». Достаточно ли этого сокращения? Будут ли строители заинтересованы в обслуживании мелких и мельчайших заказчиков вроде учреждений медицины и просвещения? Думается, что и на этот раз у них в конце года окажутся «недоиспользованные денежные фонды». А значит, разрыв между вложениями в промышленность и в соцкультбыт еще возрастет.

Вот еще сюжет нашей бюджетной драмы. При фиксированных ценах производство детских товаров и продовольствия невыгодно для производителей. Бюджет дотирует производство этих товаров, покрывая расходы накидкой на цену других товаров. На 1989 год запланировано увеличить дотации на 12,6 процента. Запланировано нарастание убыточности? Гостев полагает, что дотирование выполняет важную социальную функцию: «...оно обеспечивает поддержание стабильного уровня розничных цен на продовольственные товары при росте затрат на производство». Но ведь в условиях дефицита все видов товаров держаться за стабильность цен на некоторые — занятие,

плодящее только спекуляцию и злоупотребления. И общего роста цен при этом все равно не избежать — растущие затраты должны быть оплачены. И другого источника, кроме кармана потребителя, природа не создала. Но главное, что дотации надежно сохраняют низкий уровень эффективности производства и рост потерь. Ведь по общему правилу при стабильных розничных ценах **чем выше уровень себестоимости, тем выше дотации,** тем привольнее живется слабым и плохим производителям и тяжелее — хорошим работникам.

Обещание покончить с распущенностью производителей, перестать подкармливать плохие предприятия за счет хорошо работающих прозвучало еще в 1985 году. Думаю, что рано или поздно принимать решение придется и здесь. В 1987 году 78 процентов национального дохода страны перераспределялось через бюджет («Вопросы экономики» 1988, № 10, с. 71). Осталось совсем немного, и национальный доход будет целиком поглощен бюджетом. Где тогда правительство найдет резервы для удержания на плаву отраслевой экономики?

Судя по принятому бюджету, пока что открываются инфляционные клапаны. Что будет дальше?

Очень многое в динамике нашей перестройки зависит от способности правительства видеть конечную цель преобразований. По всем прежним заявлениям ведущих экономических экспертов можно было представить себе, что цель преобразований — переход к менее политизированной, более децентрализованной экономической модели. Логика коммерческого расчета должна вроде бы вытеснять логику централизованного руководства экономикой.

Принципиально такая политика несложна. Следует шаг за шагом устранять промежуточные, посреднические звенья между производителями и потребителями, расширяя на каждом шагу свободу тех и других. Тем самым правительство смогло бы «освободить» само себя, сделать свою работу более простой и выполнимой. Вместо детального «руководждения» всеми предприятиями страны оно могло бы сосредоточиться на задаче обеспечения общих условий равновесия и помощи тем, кто действительно без помощи пропадает.

Условием «брежневского» равновесия в политике и экономике было накачивание денег в народное хозяйство. Не это ли, по сути, продолжается и теперь? Инфляционная бюджетная и денежная политика сопровождается успокоительными заявлениями, которые должны свидетельствовать, что правительство видит проблемы и принимает меры. Ю. Маслюков, например, приводя россыпь плановых индексов на 1989 год, заявляет: денежные доходы населения вырастут на 6,2 процента, розничный товарооборот — на 6,1 процента. Все это создает условия для «смягчения накопленной несбалансированности платежеспособного спроса и предложения, смягчения товарного дефицита». Видимо, докладчик просто забыл привести одному Госплану ведомые цифры, из которых действительно следует смягчение товарного голода. Или же их попросту не существует. Из приводимых же им расчетов и оценок такого вывода сделать нельзя. Из них следует, что в нынешнем году острота товарного голода может еще возрасти. Разве что крупные западные кредиты смогут на некоторое время разрядить обстановку. Но разве это выход? Да и чем мы потом расплачиваться-то будем?

При такой экономической политике чем дальше, тем сильнее — народное хозяйство будет уподобляться больному водянкой: распухать на глазах и слабеть день ото дня. А есть ли лечение у этой болезни? По счастью — да. И оно превосходно отработано в разных странах, в разных экономических и политических системах. Необходимо: 1) взять под жесткий контроль выпуск новых денег и безвозвратных кредитов и 2) максимально ограничить государственные расходы только тем, что жизненно необходимо (оборона, пенсии, пособия инвалидам и т. п.). Все остальные граждане могут и обязаны зарабатывать себе на жизнь самостоятельно.

Первым признаком того, что лечение начало действовать, бывает развитие дефляционного шока — массовое банкротство слабых и нежизнеспособных предприятий. Тем самым в экономике начинается высвобождение ресурсов для последующего здорового роста. Для облегчения последствий дефляционного шока государство должно устранить все, по возможности, препятствия к росту экономически сильных производителей, к созданию новых предприятий, способных без льгот и дотаций работать с прибылью — создавать полноценные, самофинансируемые рабочие места.

Как один из образцовых примеров такого рода политики можно привести опыт нашей страны в 1921—1925 годах, когда благодаря твердой политической воле и отчетливому пониманию своих задач правительство сумело в сравнительно короткий срок вывести страну из глубочайшего хаоса и разрухи. Нелишним кажется напомнить, что в последние месяцы эпохи военного коммунизма у нас не хватало рабочих рук (сверхзанятость), а совзнаки стоили не дороже бумаги, на которой их печатали.

Что же сделало правительство, поднявшееся до осознания опасности и неотложных нужд момента? За два с небольшим года государственный аппарат был сокращен втрое — примерно до 1,5 млн. человек. Армия в безоружной, по нынешним меркам, бессильной перед всяким решительным агрессором стране была сокращена более чем в семь раз. (И ведь не побоялись тогда ни афганской монархии, ни белополяков, ни нападения финских империалистов.) Все избыточные (в тех условиях — не обеспеченные сырьем и энергией) предприятия были либо закрыты, либо переданы в аренду. Торговцам и производителям было гарантировано право заниматься своим прямым делом: производить и торговать. Результаты, как известно, были самые положительные. К несчастью, политика эта была слишком быстро свернута.

Есть и совсем недавние примеры. В конце 70-х годов Великобритания и США страдали от довольно сильной инфляции, которая вызвала прекращение роста производительности труда, падение конкурентоспособности, качества товаров, обесценивание валюты, рост регулирующего аппарата и т. п. Основные направления политики Рейгана и Тэтчер чрезвычайно напоминают политику Совнаркома в 1921—1925 годах. Те же усилия по сокращению государственных расходов, по сокращению численности и обузданию притязаний бюрократического аппарата. Та же свирепая решимость избавить экономику от неконкурентоспособных предприятий — даже ценой массовой безработицы и сильного недовольства правительственным курсом со стороны населения. Те же усилия по расчистке рынков от препятствий, создаваемых неправданным и излишним регулированием и централизацией. И, добавим, тот же успех в деле преодоления инфляции. Инициатива двух правительств сумела в основном погасить опасный разбег мировой инфляции.

Возможности у страны только две: либо двигаться по пути к кризису, либо спасти целое, пожертвовав старым, больным и негодным.

Уже после написания статьи мне в руки попала подборка сообщений ТАСС, живописующих трудный путь формирования бюджета США.

Процедура началась 18 февраля 1988 года, за шесть с половиной месяцев до начала бюджетного года (1 октября), с того, что президент доложил конгрессу свой план бюджета. С марта по май эти предложения обсуждались в палатах конгресса. Основной вопрос тот же, что и у нас, тот же, видимо, что и для любого другого бюджета: как свести концы с концами? Перепробованы почти все варианты: увеличить налоги (на кого, на сколько, как их собирать, как это отзовется на самочувствии экономики, как отреагируют избиратели); сократить расходы (на строительство, на транспорт, на помощь фермерам, на оборону...).

Согласованный вариант федерального бюджета — отнюдь не образец финансового здравомыслия. Предусмотрен дефицит в размере 134 млрд. долларов, что составляет 12,2 % расходов и 13,9 % доходов правительства. Но дефицит 1989 года меньше, чем был в прошлом, позапрошлом и других годах вплоть до 1983 года.

Главное, пожалуй, в том, что как процедура обсуждения бюджета, так и сам он чрезвычайно отчетливы. Публике известны позиции депутатов в ходе обсуждения, их аргументы. Прилежный читатель легко узнает, сколько именно намерено тратить государство, скажем, на образование: начальное, среднее, высшее. Больше это или меньше, чем в предыдущем году, чем в других странах. Сколько средств расходуется на одного школьника, студента... То же самое относительно расходов на здравоохранение, на помощь фермерам, на помощь другим государствам.

Думается, что на нашем пути к правовому государству умение искать бюджетные компромиссы, не прибегая к покрову служебной и государственной тайны, не запутывая счетов и не подтасовывая цифры, когда речь идет о расходовании народных денег, может очень пригодиться. Это, на мой взгляд, именно тот случай, когда не следует пренебрегать чужим опытом.

БЮДЖЕТ ПРАВИТЕЛЬСТВА США НА 1989 ФИНАНСОВЫЙ ГОД

(начался 1 октября 1988 года)

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ РАСХОДЫ — 1100 миллиардов долларов

ПОСТУПЛЕНИЕ В ФЕДЕРАЛЬНУЮ КАЗНУ — 966 миллиардов долларов

ДЕФИЦИТ БЮДЖЕТА — 134 миллиарда долларов

ПОСТУПЛЕНИЯ В БЮДЖЕТ СОСТОЯТ ИЗ —

38% индивидуальный подоходный налог;
32% взносы по социальному страхованию;
11% налоги с корпораций;
12% займы;
3% акцизные сборы;
4% другие поступления.

РАСХОДНАЯ ЧАСТЬ:

военные расходы — 294 миллиарда долларов (сюда не включены расходы министерства энергетики и НАСА на военные цели)

выплаты и пособия пожилым, инвалидам, безработным и семьям с низким уровнем доходов — 135,5 миллиарда долларов

образование, обучение — 37,3 миллиарда долларов (из них на начальное и среднее образование — 9,3 млрд. долл., на высшее — 11,8 млрд. долл., остальное — подготовка кадров, исследования)

наука, космос, технология — 13,1 миллиарда долларов

здравоохранение — 37,3 миллиарда долларов

сельское хозяйство (помощь фермерам, сельскохозяйственные исследования) — 21,7 миллиарда долларов

внешнеполитические программы (в том числе помощь иностранным государствам) — 18,1 миллиарда долларов

На борьбу со СПИД — 2 миллиарда долларов

ВОПРОС — ОТВЕТ

СЧИТАЕТ ЛИ СОВРЕМЕННАЯ НАУКА БОРИСА ГОДУНОВА ВИНОВНЫМ В СМЕРТИ ЦАРЕВИЧА ДМИТРИЯ?

Н. М. Карамзин, восхваляя Бориса Годунова, написал: «Сей мудрый Властитель, достойно славимый тогда в Европе за свою разумную Политику... должен был вкусить горький плод беззакония и сделаться одною из удивительных жертв суда Небесного». С тех пор с легкой руки Пушкина и Мусоргского в общественном сознании прочно укоренилось мнение о том, что Годунов — убийца маленького царевича. Государственные таланты и мудрость Бориса уже не кажутся столь блистательными при мысли о совершенном злодеянии.

Однако ученые вновь и вновь возвращаются к личности Годунова и, естественно, к вопросу об убийстве Дмитрия. Высказывалось мнение о том, что ребенок во время эпилептического припадка мог задеть, например, сонную артерию и тогда даже небольшая ранка неизбежно привела бы к смерти. Такую версию, в частности, подробно обосновал в своей книге «Борис Годунов» Р. Г. Скрынников. Он придерживается того мнения, что следствие велось достаточно объективно, так как жестокие гонения на угличан «имели место не в дни работы следственной комиссии Шуйского, а несколько месяцев спустя».

Однако Годунова нельзя считать полностью оправданным. Так, например, А. А. Зимин в своей книге «В канун грозных потрясений», проанализировав ход и материалы следствия, все же склоняется к мысли об убийстве царевича. Мало того, в последнее время злосчастному царю все чаще предъявляется еще одно обвинение — в убийстве Ивана Грозного. Известно, что Грозный скончался при не очень ясных обстоятельствах, окруженных множеством легенд и слухов. Достоверно только одно: при его последних минутах присутствовал только Богдан Бельский.

Итак, кем же был Годунов? Великим и мудрым государем с незаслуженно трагической судьбой или же холодным, расчетливым убийцей? Пока вопрос остается открытым, но увы... Для XVI (да и не только для XVI) века совсем не диво объяснение в одном человеке величия и жестокости, государственной мудрости и изощренного коварства.

Гавриил ПОПОВ,
доктор экономических наук

КАК ПИСАРЬ В РОССИИ ВЕЛИКУЮ СИЛУ ВЗЯЛ

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕФОРМЫ *

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ АППАРАТ НА МЕСТАХ

Очень своеобразной была реформа правительственной власти на местах.

Прежняя, дореформенная система была простой. Она исходила из идеи единства интересов царского правительства и местных помещиков. Правительство назначало губернаторов, а в уездах губернии дворянское собрание избирало исправников.

Роль дворянских собраний была вообще велика. Возникало своеобразное сочетание власти центра и самоуправления помещиков на базе единства их интересов.

Если бы после 1861 года вводилась реальная демократия, то система по идее тоже должна была бы возникнуть ясная и простая. Центр по-прежнему назначает своего представителя, а все местные власти по-прежнему избираются, но уже не только дворянами, а всеми жителями. Но такая система явно давала бы перевес крестьянам.

Поэтому пошли по пути создания сложных, запутанных, чрезмерно усложненных и даже переусложненных систем.

С одной стороны, нельзя было сохранить власть помещиков — тогда от реформы ничего не осталось бы. С другой стороны, нельзя было их отстранить, так как тогда власть центра оставалась бы без опоры, ей пришлось бы поставить себя в зависимость от всех избирателей, то есть от крестьян как подавляющей части населения.

С одной стороны, надо опираться на помещиков. С другой — давить на них, чтобы заставить идти на реформу. В итоге возникли совершенно своеобразные гибриды политических механизмов.

По словам Ленина, «губернатор в русской провинции был настоящим сатрапом, от милости которого зависело существование любого учреждения и даже любого лица...».

И хотя, согласно реформе, в аппарате губернии были созданы присутствия по крестьянским делам, а также местные сенаты, реально вся власть по-прежнему концентрировалась в одних руках.

Независимо действовала только жандармская власть: на каждую губернию выделялся один офицер. Ему вменялось в обязанность следить за всем происходящим в губернии, в том числе и за самим губернатором. Подчиненные офицеру жандармские части на местах также отвечали за все (например, были обязаны присутствовать на народных празднествах, гуляньях и ярмарках).

Губернии состояли из уездов. В уезде до реформы главой исполнительной власти был уездный исправник. Его избирало дворянское собрание всей губернии, но из дворян этого уезда. При исправнике создавались уездные комиссии и присутствия. После полицейской реформы 1862 года исправник не избирался, как до реформы, а назначался губернатором. Однако при нем ввели двух выборных заседателей, избираемых уездным дворянским собранием; оторвать полностью местную власть от интересов местных помещиков правительство не хотело, но интересы защиты реформы требовали большей независимости исправника от местных дворян. В целом после проведения реформы в руках уездных и губернских дворянских собраний (как сословных органов дворянского самоуправления) сохранилась значительная власть, хотя их полномочия сократились.

Главными действующими лицами по делам реформ на местах стали мировые посредники. Первые три года их еще выбирал губернатор, правда, из списка, составленного уездным предводителем дворянства и просмотренного уездным дворянским собранием. Однако до официального собрания губернатор получал этот список и проверял его якобы для того, чтобы исключить лиц, состоящих под судом. Потом избранных губернатор представлял на утверждение Сената, без которого их нельзя было отстранить от должности. В губернии обычно было от 30 до 50 посредников, по одному на 3—5 волостей.

Документами реформы оговаривалось, что мировым посредником можно стать, лишь имея не менее 500 десятин земли, либо не менее 150 десятин и право на чин не ниже чем XII класса. Это еще одна лазейка для давления на посредников, что подтверждал и циркуляр губернаторам (22 марта 1862 года), изданный министром внутренних дел,— мировые посредники не могут быть «сторонниками интересов одного сословия». Объективно это требование означало необходимость учета интересов крестьян, ибо интересы помещиков и так оберегались. Например, рекомендовалось избирать лиц, «известных своим сочувствием к преобразованиям и хорошим обращением с крестьянами». Для губернаторов, воспитанных в духе полного выполнения воли Петербурга, это был явный приказ. Поэтому под их давлением (не зря же списки кандидатов просматривались!) среди посредников оказались и прогрессивные помещики, в том числе и Л. Н. Толстой.

В соответствии с решениями 1861 года вначале мировой посредник контролировал составление добровольных соглашений помещика и крестьян, но спустя два года сам принудительно составлял такие документы. Эта добровольность— в установленных правительством временных пределах и под контролем правительственного чиновника, недействительная без одобрения сверху,— характерная черта механизма реформы. Правительственные интересы, интересы абсолютизма как таковото — на первом месте, а уже затем — учет конкретной воли местных помещиков.

Все местные помещики стремились в соглашениях урезать своих крестьян, а контроль мирового посредника объективно в чем-то защищал крестьян.

После составления уставных грамот именно мировые посредники призваны были разрешать все конфликты между помещиками и крестьянами. Несогласные могли апеллировать к съезду мировых посредников. Интересно заметить, что съезды были созданы по инициативе самих посредников, стремившихся иметь какую-то свою опору. Их заседания с публичными сообщениями в печати оказали определенное влияние на ход реформы. И позиции, и речи мировых посредников на съездах становились хорошо известными.

Такой сложный механизм, с одной стороны, обеспечивал решающий голос центрального правительства, с другой — допускал учет мнения местной правительственной власти, с третьей — представлял интересы местных дворян (посредник выбирался под полным контролем сверху, но все же из их среды и из одобренного ими списка).

Механизм зависимости мировых посредников от местной и правительственной власти был столь сложным, что позволял посредникам балансировать между властью и местным дворянством, при этом оставалась какая-то возможность учитывать частично и интересы крестьян. Это, впрочем, зависело от личного желания посредника, ибо нередко для подобного рода деятельности требовалось большое личное мужество.

Известно, что сторонник решительных реформ князь Черкасский принял должность посредника, зная о ненависти к нему дворян, и, отправляясь в дворянское собрание, составил духовное завещание. В Калужской губернии дворяне называли посредников шайкой разбойников. Напротив, были среди посредников и защитники крепостников. Во Владимирской губернии сенатская ревизия рекомендовала привлечь к суду группу посредников за явный саб진 решений 1861 года.

В значительной мере именно мировые посредники первого набора обеспечили успех дела: всего за два года 90 процентов крестьян приняли уставные грамоты. Из них менее половины помещиков и крестьян договорились «добровольно», остальные соглашения составлялись под нажимом правительства. Это — свидетельство того, что реформа прежде всего отвечала интересам абсолютизма и его аппарата. Одна треть крестьян по уставным грамотам осталась на барщине, две трети выполняли свои повинности перед помещиками в форме оброка.

Крестьяне сообразили, что работать на помещика все еще надо, а вот прежней власти и жестоких рычагов наказания у него уже нет. В итоге весьма небрежно отбывали барщину. Более того, даже выгоднее было выбрать в качестве платы за освобождение «ленивую» барщину, чем оброк. Ведь при оброке надо будет на своем поле вкалывать, а оброк все равно отберут.

Заменивший Ланского новый министр внутренних дел Валуев намеревался усилить заботу о помещиках. При нем появилось право устранять неугодных посредников. Конечно, быстро изменить что-то в российской бюрократической машине было так же трудно, как и ввести что-то новое. Поэтому, не имея возможности упразднить саму должность посредника, Валуев уменьшил им жалованье с 1500 до 1000 рублей в год, чтобы отсеять «неимущих».

Систему посредников самодержавие ввело, когда оно еще переоценивало и силу меньшинства, представленного либеральными помещиками, и опасность потенциального недовольства крестьян. Но, почувствовав себя «на коне» и увидев, что реальная сила у крепостников, правительство стало стремиться к испытанному и наиболее приемлемому для него варианту — абсолютной зависимости чиновников от губернатора. Окончательно институт мировых посредников упразднили и заменили земскими начальниками в 1874 году.

Прогрессивно настроенные посредники Тверской губернии прямо заявляли, что реформу невозможно осуществить, «если делом реформ руководит по-прежнему бюрократия». Но и они не считали себя вправе решать судьбу народа: требовали созыва народного представительства с равным участием в нем всех классов. На губернской сессии дворянского собрания эта позиция была одобрена большинством голосов. Потом наиболее радикально настроенные 13 посредников собрались под предводительством Алексея Бакунина и заявили, что отныне в проведении реформы они не связаны распоряжениями бюрократического правительства и все истолкования реформы осуществляют в соответствии с голосом общества в лице дворянского собрания. Вскоре все 13 посредников были арестованы и отвезены в Петропавловскую крепость. После пятимесячного заключения Сенат приговорил их к двум годам заключения. Петербургский либеральный генерал-губернатор А. Суворов просил за них, и царь «милостиво» отменил тюрьму. Но некоторые до конца жизни были лишены права заниматься государственной службой и общественной деятельностью. Царю требовалась не самостоятельная общественная активность, а только та, которая служила усилению бюрократической машины.

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА

До реформы 1861 года именно суд в наибольшей степени отражал несоответствие феодальных институтов интересам буржуазного развития. Последнее требовало формального равенства, а суд оставался сословным: для помещиков, для местных чиновников, для служащих двора, для офицеров, для высших чиновников и т. д.

Эти учреждения полностью зависели от исполнительной власти. Они организовывались средствами и силами полиции. Все приговоры уездных судов предварительно представлялись губернатору «на ревизию». Само судебное обсуждение шло без присутствия сторон, через канцелярию. В таких условиях бесконтрольно за одни и те же проступки выносились различные взыскания. Главными аргументами в судебных спорах были взятки. Не охрана собственности, а ее грабеж — такова была цель суда. Гоголь в описании ссоры Ивана Ивановича с соседом хорошо это показал.

Уездный суд при исправнике включал 4—5 заседателей от дворян и двух заседателей от государственных крестьян. Но крестьянам милостиво разрешалось не отрывать себя от земли и работы, поэтому они могли избрать «крестьянским представителем» и дворянина. Обычно оба заседателя от крестьян были дворянами.

Судебная реформа 1864 года ввела независимость судей от администрации и их несменяемость, публичность заседаний в судах и гласность. Появился институт присяжных заседателей, адвокатов. И, наконец, введена выборность мировых судей.

Мировые судьи избирались органами местного самоуправления. Для уезда — земским уездным собранием, для города — городским.

От кандидата в судьи для получения права на избрание требовали ценз: собственность не менее чем в 15 тысяч рублей, образование и т. д.

Мировые судьи рассматривали уголовные и гражданские дела. Могли заставить платить штраф до 300 рублей или осудить на срок до 1,5 лет.

Контроль за мировыми судьями осуществлял уездный съезд мировых судей. На своих сессиях он рассматривал апелляции на мировых судей. Над съездом стоял Сенат.

Более сложные дела вел окружной суд, он создавался для нескольких уездов. Все окружные суды подчинялись Судебной палате.

В суд входил председатель, его заместители, члены суда. Присяжные заседатели должны были решать вопрос о том, виновен или не виновен обвиняемый, а суд определял меру наказания.

Присяжными заседателями могли быть лица с цензом: возрастным, оседлости и имущественным (не менее 10 десятин земли или имущество на сумму 500—2000 рублей). Список присяжных заседателей требовал одобрения с точки зрения ценза «благонадежности». Он составлялся земскими уездными или городскими управами.

При всех этих ограничениях введение присяжных заседателей резко усилило независимость суда. Например, в Петербургском окружном суде дело о покушении Веры Засулич, а во Владимирском окружном суде дело ткачей были решены в пользу обвиняемых. Поэтому правительство уже в 1878 году изъяло из ведения суда присяжных дела «о явном восстании против власти».

Выборность судей оказалась наиболее неприемлемой для самодержавия. И уже в 1880-е годы губернатор получил право просмотра списка для голосования при избрании в мировые судьи, контроля за списком кандидатов в присяжные заседатели. А в 1889 году выборность мировых судей вообще была отменена.

* Окончание. Начало в № 1.

Так закончилась попытка ввести один из элементов буржуазной демократии в систему абсолютизма. Чуждые всей системе самодержавного управления, мировой и окружной суды постепенно «доводились» до критериев бюрократического аппарата самодержавия.

РУССКАЯ МОДЕЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА ОТМЕНЫ КРЕПОСТНОГО ПРАВА

По-разному социальные силы России искали путей к отмене крепостного права.

Помещичий вариант был прост: крестьяне получают свободу, но вся земля остается у помещиков. Впоследствии Ленин этот вариант назвал «прусским».

Крестьянский вариант: крестьяне получают всю землю и свободу. Смысл такого решения выражен в названии организации «Земля и воля», а сам вариант Ленин определил как «американский».

Но реализован был другой, особый, русский вариант. Его идея состояла прежде всего в том, чтобы выбрать такой подход к освобождению крестьян и наделению их землей, который бы позволил сохранить не просто класс помещиков, а еще и царя, и всю его абсолютную монархию с ее бюрократичвской машиной. Как и почему появился, а потом и победил именно этот вариант?

Объективная необходимость реформы крепостного права содержалась в самом феодальном строе России, но непосредственной ее причиной стало внешнее обстоятельство — поражение в Крымской войне, угроза новых поражений и потери престижа. Поэтому инициаторами реформы выступили те, кого это прежде всего касалось,— император и его ближайшее окружение, опасавшиеся за личные позиции лидеров своего класса.

Против реформы было значительное большинство помещичьего класса, защищавшее крепостничество, а также те из помещиков, кто отстаивал наиболее выгодный для себя «прусский» вариант реформы — освобождение крестьян без земли и за выкуп. Меньшинство дворянского класса (состоящее из помещиков, ведущих хозяйство уже «по-буржуазному») отстаивало либеральный вариант реформы — освобождение крестьян с землей и с умеренным выкупом.

Так как класс дворян оказался расколотым, а крестьянство самостоятельно и активно не выступило, это резко усилило роль самодержавия. Поэтому не только инициатором реформы, но и ее главной силой оказалась монархия, лично царь и бюрократический аппарат самодержавия. Они подготовили и реализовали особый, русский вариант отмены крепостничества.

Напомню общие положения реформы.

Крестьянину предоставлялись бесплатно личная свобода и право на свое личное имущество.

Помещик сохранил право на всю землю, но был обязан предоставить крестьянину в постоянное пользование усадьбу с участками, а крестьянин — принять надел, от которого девять лет не имеет права отказываться. В этот период за пользование наделом он платит оброк или отбывает барщину. Помещик в любое время имеет право предложить ему выкупить надел. И крестьянин обязан это сделать.

Но не крестьянин лично берет, выкупает, платит, а от имени всех крестьян это делает крестьянская община. И платит помещику она сама только часть выкупа, основную часть выкупа он получает от государства. Государство жв на эту сумму дает общине кредит, и община 50 лет выплачивает принудительно выданный ей крвдит с процентами.

Призраком надела и перспективой его выкупа самодержавие отвлекало крестьянина от борьбы за землю. Оно получало «своего» плательщика налогов и оставалось достаточно независимым от помещиков; получало солдата, всегда помнившего о том, что у него есть какая-то земля и хозяйство, их надо защищать и к ним вернуться после службы.

От помещиков царизм потребовал признать эту уступку крестьянину. Это была плата за сохранение абсолютизма как главного защитника помещичьего класса.

Такой вариант отвечал интересам только тех помещиков, которые не были готовы к капиталистическому хозяйствованию или вообще не хотели его. А реальностью этот вариант стал только потому, что он соответствовал интересам самодержавия и вго аппарата: появилась возможность медленно перестраиваться, превращаясь из монархии феодальной в монархию буржуазную. Абсолютизм выиграл время и получил возможность с минимумом потерь для себя попытаться найти новые формы существования.

Платить за эту медлительность пришлось крестьянству. Реформа 1861 года обрекла его на растянутую на десятилетия бесперспективную медленную агонию, все чаще повторяющиеся неурожаи и голод, апатию, пьянство, забитость и темноту.

Самодержавие получило главный выигрыш — осталось у власти. Оно взялось вести страну по пути, который был ему глубоко чужд, которого оно не хотело, но оно шло, вынуждаемое ходом истории. Неудивительно, что каждому шагу вперед предшествовало долгое топтание на месте, отклонение вправо и влево, а порой и назад. Выбирались и самые невероятные, самые уродливые решения, лишь бы сохранить и при новом строе старых хозяев, чего бы это ни стоило стране, как бы это ни затрудняло ее развитие.

Дорого заплатила Россия за то, что несколько столетий она привыкла отождествлять романовскую монархию с отечеством.

Одной из важнейших черт реформы 1861 года была ее комплексность. Ее создатели ясно сознавали, что изменения в экономическом механизме не могут произойти без соответствующих изменений в политическом механизме, во всех звеньях администрации. Чем радикальнее были предложения в области экономики, тем радикальнее виделись политико-административные новации.

Сторонники сохранения всей земли у помещиков (прусский путь) логично настаивали на сохранении всей местной власти, прежде всего полицейской, в руках помещиков.

Сторонники передачи земли крестьянам (американский путь) настаивали на полной передаче местной власти в руки демократически избираемых местных органов. При равном праве это давало победу крестьянам как самому многочисленному классу.

А сторонники правительственных вариантов в области политико-административной искали свой, особый путь. Предполагалось провести политико-административные реформы, которые бы соответствовали главной цели экономического развития: сохранить в целом господство класса помещиков, и прежде всего самодержавие, аппарат его администрации. Именно эта идея и была реализована на практике. Поэтому экономическую реформу 1861 года органически дополняла реформа местных органов государственной власти, реорганизация крестьянского самоуправления, введение всесословного местного самоуправления (земства), изменение судебной системы (судебная реформа).

Изменения в суде и местном самоуправлении создали своего рода политическую отдушину, сняли на ряд лет остроту многих проблем, мобилизовали резервы местного самоуправления на службу интересам правительства и, наконец, избавили самодержавие от непосильной и нереальной для русской бюрократии задачи — в условиях гигантских пространств и плохих путей сообщения и средств связи определять всю жизнь на местах и контролировать ее из центра.

Самоуправление на местах осталось подчиненным бюрократической машине самодержавия, но приобретало весьма своеобразные формы.

Однажды местный барин выступал в суде в роли адвоката. Было заметно, что присяжные — крестьяне и мещане — ведут себя неспокойно. Когда он закончил речь, старшина присяжных встал, поклонился и сказал: «Помилуйте, батюшка, Петр Наркизович, да напрасно и трудиться изволили. Как прикажете, так и осудим». Эта неготовность крестьян даже к роли присяжных гораздо полнее, чем крах «хождения в народ», говорит о том, насколько массы были не готовы к активной борьбе за свои политические права и не осознавали потребность в этих правах, не увязывали их со своими материальными интересами. Для этого понадобилась целая эпоха.

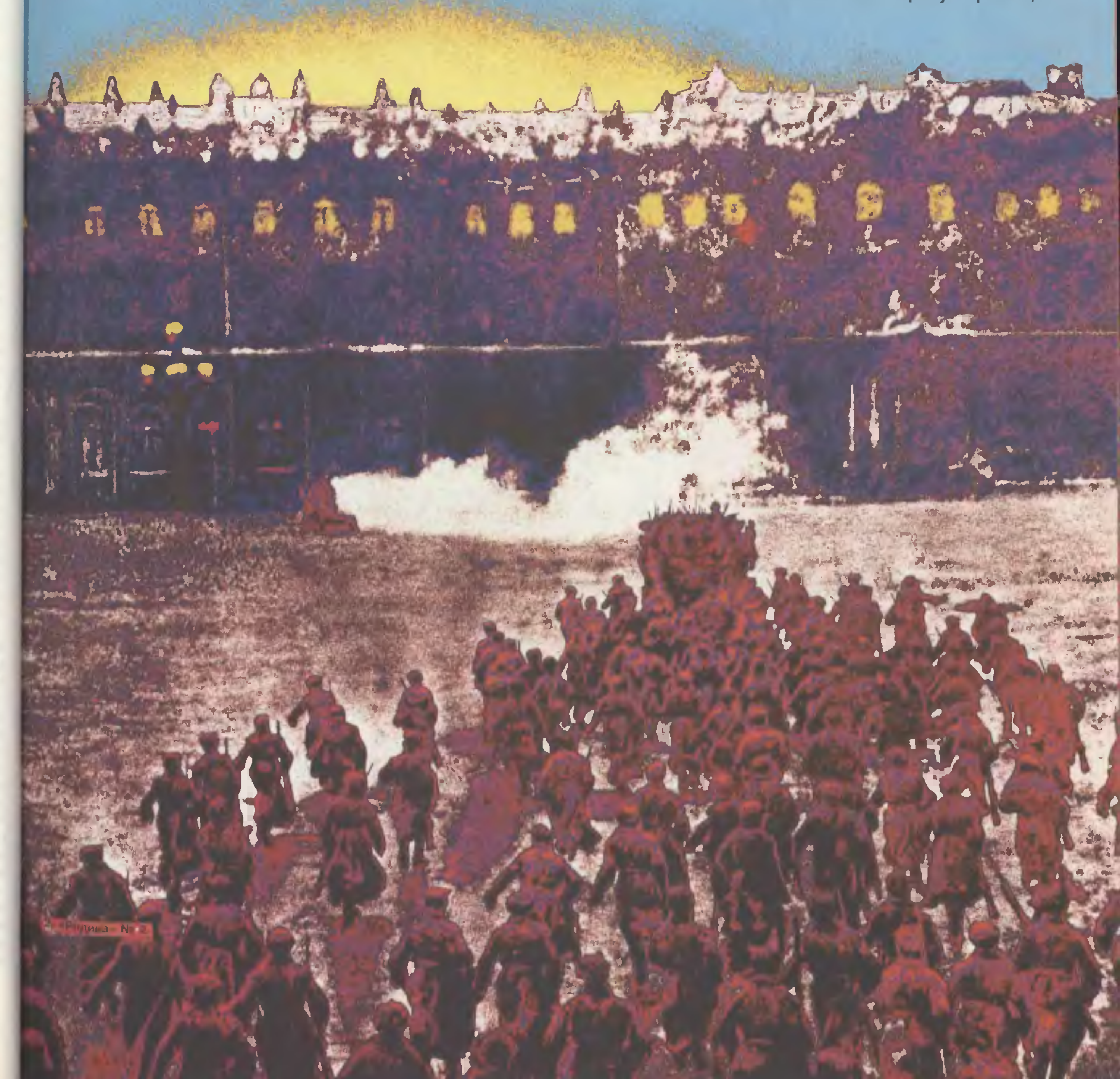
И если царизму удалось задержать рост политического сознания масс на десятилетия, то не последнюю роль тут сыграла «демократия», введенная по приказу сверху, контролируемая чиновниками, принудительно навязанная массе крестьян. Эта «учиненная» казенная демократия явилась лучшим противоядием от демократии подлинной, усиливая отвращение у крестьян и к «выборам», и к своим «избранным» руководителям. Розги — худшее следствие крепостничества — остались неприкосновенным атрибутом самоуправления. Даже неприкосновенность человеческого тела освобожденному от крепостных оков крестьянину еще предстояло добыть.

В МАСШТАБЕ РЕВОЛЮЦИИ

В архиве газоты «Правда» обнаружен уникальный исторический документ — «Схема операции по взятию Зимнего дворца». На сегодня это — единственное графическое свидетельство событий 25 октября 1917 года, составленное участником штурма. Комментируют этот документ доктора исторических наук Геннадий Соболев и Виталий Старцев.

Воспоминания об Октябрьском вооруженном восстании оставили многие его руководители — В. А. Антонов-Овсеенко, П. Е. Дыбенко, В. И. Невский, Н. И. Подвойский, Ф. Ф. Раскольников, Г. И. Чудновский и другие. И, казалось бы, нет недостатка в реконструированных современными исследователями планах Октябрьского вооруженного восстания, однако на сегодня «Схема операции по взятию Зимнего дворца» — единственное графическое свидетельство событий 25 октября 1917 года, исходящее от участника восстания. В ее верхнем левом углу стоит подпись ее создателя — К. Еремеева. Имя этого большевика, члена Полевого штаба Петроградского Военно-революционного комитета Константина Степановича Еремеева (1874—1931), хорошо известно историкам.

В октябрьские дни 1917 года он руководит правым флангом революционных сил при взятии Зимнего дворца. Во время мятежа Керенского — Краснова партия назначает его комиссаром штаба обороны Петрограда, а позднее командующим Петроградским военным округом. В июле 1918 года во время левоэсеровского мятежа в Москве он отвечает за охрану Кремля;

силы достаточно. Вокзалы, телефоны, телеграфы — наши...»

Итак, операция по взятию Зимнего дворца в Полевом штабе ВРК разрабатывалась на плане Петрограда. Это подтверждает и комиссар ВРК в Петропавловской крепости Г. И. Благонравов: «Около 12 часов дня отправляюсь на бывшем комендантском автомобиле в Смольный с твердым намерением предложить Военно-революционному комитету наступательный план действий — атаку Зимнего, в котором засело Временное правительство под охраной юнкеров и ударников. Первый, кто попался мне на глаза при входе на первый этаж, был Антонов-Овсеенко. Он втащил меня в помещение Военно-революционного комитета, где у карты Петрограда, покрытой флажками, оживленно беседовали Подвойский и Чудновский».

Дальнейшие события 25 октября 1917 года разворачивались с такой быстротой, как это видно из воспоминаний самого Еремеева, что на составление детальной схемы просто не было времени. Лишь 10 лет спустя Константин Степанович воспроизвел эту стремительно спланированную и блестяще осуществленную рабочими, солдатами и матросами боевую операцию по захвату Зимнего дворца. Разумеется, при составлении схемы он также пользовался старым планом Петрограда, подобным тому, над которым мудрили они в октябре 1917 года в Полевом штабе.

Посмотрите, какие ценнейшие детали отражены на этом документе: районы оцепления, участвовавшие в нем отряды, заставы, сторожевые охранения, цепи, патрули и часовые, установленные или запланированные баррикады. Обратите внимание на баррикады. Обычно эта тема ускользает из поля зрения исследователей по той простой причине, что она не вяжется с принятой историками традиционной интерпретацией — наступательной тактикой восстания 25 октября 1917 года. Однако, как вспоминает Еремеев, Полевой штаб ВРК, принимая решение «во всех удобных местах устроить баррикады и к ним поставить охрану», исходил прежде всего из того, что «наступающие будут уверены, что сзади не нападут».

Кольцо революционных войск, опоясавшее 25 октября Дворцовую площадь, как вспоминают многие о тех днях, было плотным и многослойным. Один из членов делегации городской думы, направлявшейся в Зимний дворец, свидетельствовал: «Мы прошли через 15 застав, нас на каждом пункте опрашивали, рассматривали документы».

Но вернемся к самой схеме и рассмотрим ее повнимательнее. Она выполнена от руки простым полужирным карандашом. На листе (68 × 82 см) полупрозрачной папиросной бумаги с водяным знаком (чередующиеся светлые полоски шириной в один миллиметр — такая бумага-калька была в ходу еще до революции и в годы нэпа) показана переведенная с крупномасштабного плана, выпущенного до февраля 1917 года, центральная часть Петрограда. В соответствии с планом на схему перенесены контуры важнейших сооружений города — Зимний дворец, Адмиралтейство и пр., а также места многих государственных, общественных и военных объектов — городская дума, почтамт и т. д. Реки подчеркнуты растушевкой у берегов синим карандашом, силуэты Зимнего дворца и ряда других зданий заштрихованы коричневым карандашом, а Зимний, кроме того, обведен еще синим. Масштаб — 50 сажен в одном английском дюйме. (Одна сажень равна 84 дюймам или 2,13360 м, 1 английский дюйм — 2,54 см).

Все названия улиц, площадей, рек, каналов и зданий написаны от руки простым карандашом, тем же почерком, что и пояснительные тексты легенды в верхнем левом углу, иначе говоря, сделаны самим К. С. Еремеевым.

Рассматривая схему, лишний раз убеждаешься, что центральная часть Ленинграда мало изменилась с тех пор. И тем не менее есть ряд мелких несоответствий, которые ставили в тупик современных историков, пытавшихся реконструировать события 24—25 октября 1917 года в Петрограде. Например, известно, что 25 октября в течение двух часов (18—20 час.) был захвачен Штаб Петроградского округа. В многочисленных воспоминаниях говорится о том, что к Штабу двигались только через Зимний мост № 1 по Миллионной улице (ныне — улица Халтурина). До сих пор некоторые из нас недоумевают, почему нельзя было сразу окружить Штаб с двух сторон, используя для этого первый и второй Зимние мосты через Зимнюю канавку. Но посмотрите на схему, и сразу станет ясно: Зимнего моста № 2 тогда просто не существовало. Его построили только в тридцатые годы. Слева проникнуть в Штаб было невозможно — со стороны набережной реки Мойки и Зимней канавки его защищала водная преграда. Единственный путь вел через Миллионную и Зимний мост № 1.

Другой пример. В письмах бывшего канонира-воспламенителя Петроградской отдельной крепостной роты В. Н. Смолина, который производил знаменитый сигнальный холостой выстрел как сигнал для выстрела «Авроры» в половине десятого вечера 25 октября 1917 года, рассказывалось, что трехдюймовые пушки для обстрела Зимнего выкатили на приплесок Невы поздно вечером 25 октября, потом их перевозили из Арсенала по мостику через Заячью протоку. (Мостик находился напротив Арсенала.) Сейчас этого мостика (он был деревянным) нет, а на схеме Еремеева он прекрасно виден. Так разрешается еще одно недоумение историков.

Но главную ценность представляют, конечно, условные знаки и их расстановка на схеме. Благодаря им мы имеем возможность зримо представить план подготовки и проведение самой операции по штурму Зимнего дворца. Этих условных знаков много: прямоугольник, закрашенный красно-коричневым карандашом,— «рота, часть»; квадрат, тоже закрашенный,— «отряд, застава»; пунктир из одного ряда точек красно-коричневым карандашом — «часовые и патрули»; двойной пунктир — «сторожевое охранение» (и здесь же приписано — «цепь»); стрелка — «направление движения»; линия со стрелками, направленными в противоположные стороны,— «движение туда и обратно»; параллельные линии — «баррикада». Центральная часть города по левому берегу Невы буквально испещрена ими. Меньше всего значков на Петроградской стороне и на Васильевском острове. И все же у входа на мост через Заячью протоку перед Иоанновским равелином Петропавловской крепости отмечена застава и патрули войск ВРК; три заставы — на Троицком мосту и указано направление движения революционных отрядов по этому мосту. В самой Петропавловской крепости две стрелки показывают, как двигались отряды к Нарышкинскому бастиону (там стояла батарея из 11 орудий). На Васильевском острове застава поставлена у въезда на Дворцовый мост и баррикады на левом берегу Невы у съезда с моста.

Схема отражает лишь то, о чем знал сам ее составитель. Он не претендует на воссоздание всей обстановки, ибо сам находился в основном в Павловских казармах на Марсовом поле и в районе Дворцовой площади, а в остальных районах не был. Эти данные полностью согласуются и с воспоминаниями Еремеева, в них, кстати говоря, ничего не говорится, например, об обстреле Зимнего дворца боевыми снарядами из Петропавловской крепости, о проникновении матросов с набережной в Детские подъезды, об обстреле Зимнего из пулеметов через Неву от стрелки Васильевского острова и пр. Поэтому на схеме не отмечено и место стоянки крейсера «Аврора» у разводной части Николаевского моста (рядом с Васильевским островом).

Разметка схемы на Адмиралтейском острове, а затем в районе между Мойкой и Екатерининским каналом, между Екатерининским каналом и рекой Фонтанкой существенно уточняет наши знания о глубине и эшелонированности тыла войск, наступавших с этой стороны на Дворцовую площадь. Самые дальние посты и сторожевое охранение были выставлены на восточном берегу реки Фонтанки к Прачечному мосту и Сергиевской улице, а также на Пантелеймоновской улице (ныне ул. Чайковского и Пестеля). По Пантелеймоновской и Марсову полю тоже двигались революционные отряды; у Лебяжьего моста была застава войск ВРК. На набережных Екатерининского канала от его начала у реки Мойки до Невского проспекта показаны патрули, заставы, направление движения войск, а также баррикада у храма Спаса-на-крови со стороны Невского проспекта.

Множество новых подробностей. В районе, ограниченном рекой Мойкой, Екатерининским каналом и Невским проспектом до Полицейского моста, располагалось семь застав и пять отрядов или рот. Баррикадами перекрыт проезд от Большой и Малой Конюшенной улиц (ныне — ул. Желябова и Софьи Перовской), часовые и патрули значатся на всех важнейших перекрестках, особенно на Невском проспекте, пушки — на Полицейском мосту через Мойку и под аркой Главного штаба.

На левом фланге оцепления у Консерватории, Морских казарм, рядом с Поцелуевым мостом через Мойку, у Конногвардейского бульвара (ныне — бульвар Профсоюзов) отмечено сосредоточение революционных отрядов. У Николаевского моста — застава. Отсюда же начинается движение войск в сторону Дворцовой площади.

Схема отразила две операции Октябрьского вооруженного восстания, проведенные до начала штурма Зимнего: взятие Центральной телефонной станции и Мариинского дворца, где размещался Временный Совет Российской республики («Предпарламент»). И вместе с тем тут нет сведений о том, как брали гостиницу «Астория» и Дом военного министра (Мойка, 67).

Баррикады были на Вознесенском мосту через Екатерининский канал (об этом факте историки ничего не знали), вокруг Мариинского дворца, на Красном мосту через Мойку. Однако сравнение с сохранившимися в архивах фотографиями показывает, что место последних трех баррикад указано не совсем точно: они находились на Красном мосту у правого по течению, а не левого берега Мойки, на Вознесенском проспекте и в Новом переулке (ныне — пр. Майорова и пер. Антоненко), у самого Мариинского дворца, а не в глубине улицы. Направление движения революционных войск показано с левого фланга по набережной реки Мойки, по Адмиралтейскому проспекту, а также по улицам Гоголя и Морской. О последних двух историки также не знали.

На схеме нет сведений о действиях матросов Кронштадтского десанта, который высадился на пристанях Васильевского острова, ниже Николаевского моста, затем перешел мост, чтобы занять Адмиралтейство и сосредоточиться на Дворцовой набережной перед Дворцовым мостом и в Александровском саду.

Наконец, в районе Дворцовой площади Еремеев отметил схему движения к Зимнему дворцу — со стороны Дворцовой набережной, Миллионной улицы (ныне — ул. Халтурина), Певческого моста, арки Главного штаба, Адмиралтейского проспекта и из-за ограды Дворцового сквера. Но могло ли быть движение со стороны Певческого моста? Ведь проезд здесь чрезвычайно широк и легко простреливался.

И в своих воспоминаниях, и на публикуемой схеме Еремеев выделяет в качестве главного пути проникновения революционных войск в Зимний дворец правый, так называемый Комендантский подъезд. Это не в полной мере соответствует реальным событиям. После того как казаки и полурота 1-го Петроградского женского батальона покинули Зимний, через этот подъезд солдаты и красногвардейцы стали действительно проникать внутрь здания. Это было после 22 часов. Во дворце их «ждали» юнкера; когда же число арестованных превысило число стражей, началось обратное — разоружение юнкеров. Комендантский подъезд в 1917 году вел только в служебные частные квартиры и в помещения госпиталя. И с апартаментами Временного правительства он не был связан, туда входили только с левого подъезда — подъезда Ее Величества. Именно через этот подъезд начался штурм Зимнего дворца около часу ночи 26 октября 1917 года.

Напомним еще раз, что эти неточности и неполнота информации объясняются тем, что составитель схемы отвечал в 1917 году не за всю операцию по штурму Зимнего, а только за ее часть, связанную с деятельностью Полевого штаба в Павловском полку. И, следовательно, не всегда исчерпывающе мог осветить обстановку. Это, разумеется, нисколько не умаляет значения такого важного документального источника для изучения истории Октябрьского вооруженного восстания, как обнаруженная в правдинских архивах схема. Она содержит ценнейшие уточняющие детали, связанные с заключительным этапом исторических событий 25 октября 1917 года в Петрограде.

От редакции. *Коллектив газеты «Правда», в архиве которой обнаружена «Схема операции по взятию Зимнего дворца», принял решение передать этот уникальный документ в музей Октябрьской революции.*

ЗДЕСЬ НАШ ДОМ

Один вечер провели корреспонденты журнала в семье поляка Яна Соколовского из литовского колхоза «Кабишкес»

Николай ЛАШКЕВИЧ

Фото Александра ЗЕМЛЯНИЧЕНКО

Двухлетний Кшиштоф Соколовский, когда мы его спросили: «Ты кто, Кшись?», гордо ответил: «Поляк». Он уже довольно бойко разговаривает по-польски, теребит свою прабабку Марию Соколовскую, которую просто зовет «бабтей».

О бабушке Марии разговор особый. Обычно в польских семьях почитают людей преклонного возраста. Об этом полякам постоянно напоминают в католических костелах (большинство поляков в Литве — верующие), и не следовать этому библейскому закону великий грех. Так вот, «бабте» Марии уже за восемьдесят, хотя на вид ей никак не дашь столько лет. Всю жизнь, сколько себя помнит, прожила в здешних местах. Тут прошла молодость. Тут она вышла замуж за деревенского почтальона

Адама Соколовского. Вырастила шестерых детей, четырнадцать внуков и десять правнуков. Одной из первых вступила в колхоз, получивший имя Жданова. Отдала в него все имущество, лошадь, а вот корову «выторговала». Здесь, в деревне Кабишкес, дожидалась того часа, когда колхозники на общем собрании отказались от имени Жданова. «Люди зря не передумают»,— строго говорит она нам. Польский язык у нее звучит мягко и напевно: Родзи́на, уро́дзился...

Как появились поляки в Литве? По мнению историков, поляки служили советниками еще при дворе знаменитого князя Литовского, Витаутаса Великого. История накрепко соединила судьбы славян — поляков и балтов — литовцев. С образованием в XIV веке единого Польско-Литовского государства началась активная полонизация Литвы. До сих пор сохранились шляхетские усадьбы-дворцы, фольварки, разбросанные по всей Литве, с парками, прудами, каменными хоромами, конюшнями, псарнями. Кто знает, может, еще в то время предки Марии Соколовской пустили польские корни на литовской земле?

Колхоз «Кабишкес», как и многие хозяйства Вильнюсского края, считается польскоязычным. Из пятисот работников только одиннадцать человек — литовцы. Большинство молодых колхозников-поляков свободно изъясняются на литовском языке. Людям старшего поколения сложнее. Бабушка Мария, например, так и не выучилась хорошо говорить по-литовски, а дети и внуки разговаривают практически без акцента.

В семье Соколовских мы видели и литовские газеты, но главная семейная газета — это «Червоны штандар» («Красное знамя»). Бабушка Мария даже продемонстрировала, как она умеет читать ее без очков... Примечательный факт: «Червоны штандар» — единственная в СССР газета национального меньшинства, которая является органом ЦК Компартии союзной республики. Практически каждая польская семья в Литве (в республике проживает около 280 тысяч поляков) выписывает это издание.

— Вот уже полгода,— с гордостью говорит нам бабушка Мария,— как по воскресеньям мы смотрим польскую программу по литовскому телевидению. Я все дела на кухне бросаю — смотрю. Раньше такого не было...

И то верно. Передачи литовского телевидения на польском языке — истинное дитя перестройки, в них затрагиваются сложные проблемы жизни поляков в Литве. А проблем этих в последнее время накопилось более чем достаточно.

Марьяну Соколовскому, можно сказать, повезло, он окончил Каунасский политехнический институт, хотя групп с преподаванием предметов на польском языке там нет. У выпускников школ, которые желают продолжить учебу в вузе на родном языке, пока есть одна возможность: поступить на отделение полонистики Вильнюсского педагогического института. Еще одна внучка бабушки Марии, Регина, как раз оканчивает его, будет педагогом. В институте учится более 200 студентов-поляков.

Повезло и Тересе, маме маленького Кшиштофа, которую еще в школе приняли в ансамбль песни и танца «Виленщизна». Желающих участвовать в нем обычно хоть отбавляй, а ансамбль-то один на весь Вильнюсский район... «Виленщизна» прописалась в небольшом городке Неменчине — рукой подать от деревни. Репертуар ансамбля полностью основан на местном фольклоре. На репетиции, на которую нам посчастливилось попасть, как раз оттачивали сложную танцевальную композицию программы «Вильнюсская свадьба», премьера которой в Вильнюсе прошла при переполненных залах, на «бис».

Несомненно, велика тяга польского народа, проживающего в Литве, к сохранению своей культуры, обычаев, традиций. Увы, эта потребность не всегда находила, да и сейчас порой не находит, реального воплощения. Нам с нескрываемой радостью показывали небольшого формата книгу стихов на польском языке, подготовленную местными поэтами. Но ведь это капля в море! «Помогите достать книжку»,— чуть ли не слезно просили нас Марьян и Тереса. Тираж всего 1500 экземпляров — днем с огнем не сыщешь... До сих пор в издательствах нет отделов для выпуска книг на польском языке.

И все же дело понемногу сдвигается с мертвой точки. На факультете журналистики Вильнюсского государственного университета выделены два места для будущих журналистов, пишущих на польском языке. Расширились связи с Польской Народной Республикой, сняты ограничения на поездки к родственникам, живущим в Польше. Намечается открыть консульство ПНР в Вильнюсе. Открываются в колхозах и совхозах польскоязычные детские сады. В республике уже действует около ста школ с классами, где преподавание ведется на польском языке.

Что интересно: возрождению национального самосознания проживающих в республике поляков способствовала деятельность литовского Движения за перестройку («Саюдис»), которое буквально всколыхнуло тихую заводь общественной жизни.

В семье Соколовских, как и в каждой семье колхоза «Кабишкес», нынче ведутся жаркие споры на животрепещущие темы. Сохранится ли польский язык в условиях государственного литовского языка? Каковы правовые гарантии защиты родной речи? Почему нет центра польской культуры Вильнюсского края? Чем объяснить молчание историков по вопросам, касающимся исторических судеб поляков в Литве?

«Саюдис» пытается честно ответить на эти вопросы, не прячется за эквилибристикой демагогических слов. И все же недоверие — как с одной стороны, так и с другой — остается. Случается, нагнетаются ненужные страсти, воздвигаются барьеры подозрительности, раздаются крики об ущемлении национальных прав, проявляется нежелание внимательно выслушать друг друга — словом, национальный вопрос, вспыхнул с новой силой.

Многие поляки живут на древней литовской земле с давних времен. Корни их родословной уходят в глубь столетий. И как важно сейчас для них спокойно, без надрывов разобраться в сути происходящих в республике перемен, понять свое место в обновляющейся общественной жизни Литвы.

ВЕПСЫ, АККИНЦЫ, НГАНАСАНЫ...

Лев БЫСТРОВ,
заместитель председателя научно-общественного совета Советского фонда культуры по сохранению и развитию культуры малых народов СССР

У всех народов своя история, своя культура, своя боль. Но в целом все сводится к законному требованию обеспечить минимальные условия существования на родной земле с правом пользоваться собственным языком, учить на нем своих детей, жить вместе и неподалеку от родных погостов.

Положение малых народов, населяющих нашу страну, давно уже стоит укором нашему общественному развитию. В условиях сплошной грамотности угасают многочисленные бесписьменные народы, исчезает их культура.

Культура, как выясняется, нуждается в попечительстве.

Вепсы, аккинцы, шорцы, нганасаны, ногайцы, ливы и т. д. Десятки народностей и отдельных этнических групп оказались на грани исчезновения. Им нужны буквари на родном языке, музеи отчего края и курс родной истории. Но если не будут построены дороги, не будет работы, тогда не возродится жизнь и некого будет учить родному языку даже при наличии готовых пособий. Самыв разнородные интересы национальных общин должны быть услышаны. И наш совет стал таким общественным попечителем.

«Исчезновение культуры любого народа, как бы он ни был малочислен,— говорится в Уставе совета,— отрицательно сказывается на судьбе мировой культуры, в развитии которой значим вклад каждого этноса». И в самом деле, можно ли говорить о больших или малых народах, имея в виду большие или малые культуры, когда речь идет о едином генофонде цивилизации?

«Каждому народу принадлежит право альтернативного выбора в сфере культуры, включая использование собственных ресурсов, организацию образа жизни, формирование систем образования и воспитания, определение языковой политики». Курьезов в этой области непочатый край. Оказывается, например, что карелы, давшие название автономной республике, на сегодняшний день не имеют письменности. Подготовить каждому народу алфавит не бог весть какая задача. Затраты, скажем, на составление азбуки и на ее основе учебных пособий — это сущие пустяки в сравнении с многомиллиардными программами, которыми занимается иногда с призрачным эффектом государство. Право на родной язык — одно из главных, которое должно быть гарантировано каждому. В чем же тут проблема?

Вероятно, надо говорить о назревшей коренной перестройке общественного сознания в области национальных отношений, в том числе и с правовой точки зрения. Права, которые утверждают современные конституции, относятся либо к народу в целом и сливаются с представлениями о национальном суверенитете, либо касаются непосредственно личности. На наш взгляд, здесь отсутствует промежуточное звено — личность в ее этнической принадлежности. И это все больше будоражит общественное мнение. Подобно тому, как государство гарантирует право человека на труд, отдых и образование, оно должно обеспечивать также право пользоваться родным языком, включая письменность, жить на родной земле и иметь доступ к ее ресурсам, развивать культуру для своего народа.

Эта проблема носит всеобщий характер. Ее обострение вызвано ростом национального самосознания во всем мире. И здесь требуются смелые законодательные меры, может быть, вплоть до дополнений к Декларации прав человека, которые ввели бы новые элементы правосознания в культуру. В этом смысле наше общество должно взять на себя труд первопроходца в те дали, куда неизбежно устремится человечество.

Мы попытались разработать систему мер, которая помогла бы приостановить дальнейшую деградацию культуры вепсов. Судьба этого народа достаточно типична, и на ней просматривается вся проблематика малых народов СССР.

Летописные упоминания об этом маленьком народе, проживающем в Вологодской, Ленинградской областях и на юге Карелии, восходят к временам Киевской Руси. В настоящее время вепсы не имеют письменности. За последние десятилетия численность этого народа сократилась втрое. Пустеют деревни, зарастают тропы, истари связывавшие людей друг с другом.

Судьбой вепсов пытались заняться и раньше, но лишь усилиями совета дело двинулось вперед. На региональном межведомственном совещании осенью прошлого года в Петрозаводске была составлена долгосрочная комплексная программа развития районов проживания вепсов, тут учтено все — от написания букваря до строительства дорог, включая вариант районной автономии, с поправками на местные особенности. Эта программа мыслится как некое типовое решение проблем малых народов.

Потребуются большие вложения, будут огромные трудности, но положено начало, многое будет зависеть и от самого народа. В ходе прошедших переписей вепсов записывали русскими, месхетинцев — азербайджанцами, шугнанцев — таджиками, самих таджиков — узбеками, татар — башкирами, литовских татар — просто татарами, ливов — литовцами и т. д. Доходило до того, что три поколения в одной семье записывались как три разные национальности.

Раз в десять лет проводится перепись населения. В январе 1989 года состоялась очередная. Сотни тысяч переписчиков, проходивших специальные курсы с обязательными зачетами, десятки тысяч ответственных на местах, тысячи ответственных в центральных органах власти, сотни экспертов, десятки, а то и сотни миллионов рублей. И вся эта махина двинулась по старым накатанным рельсам, которые для нее проложила высокая наука — экспертная группа Института этнографии АН СССР. И не вина ли ученых и Госкомстата, что до сих пор за безликой рубрикой «и др.» переписного листа остались десятки этнических групп и народностей, миллионы людей?

НЕ ТОЛЬКО ПЛАМЕННАЯ СТРАСТЬ

Всю жизнь Жюль Верн собирал кроссворды и головоломки, придумывал их сам, страстно пропагандировал. Собрание, состоящее более чем из двух тысяч «единиц хранения», служило писателю верой и правдой, помогало при разработке увлекательных сюжетов. Жорж Сименон, автор детективно-психологических романов о полицейском комиссаре Мегрэ, добывал телефонные справочники различных городов мира. Оказывается, они тоже помогают в писательском труде: из книг Сименон черпал редкие и запоминающиеся имена и фамилии для действующих лиц своих произведений. Дюма-отец, большой гурман, записывал кулинарные рецепты. Сначала он готовил по ним сам, пробовал качество и вкус блюд, а под конец жизни даже составил большую кулинарную книгу.

Приятно узнать, что и наши отечественные писатели не чурались подобных увлечений. Максим Горький собирал восточные статуэтки, Илья Эренбург — курительные трубки, Галина Серебрякова — фигурки трубочистов, а Валентин Катаев увлекался кепками. Да-да, обыкновенными головными уборами.

Каталог человеческих пристрастий столь разнообразен, что со временем я завел специальную тетрадь, куда заносил все новые и новые имена. Потом пришлось их систематизировать. Скажем, вас интересуют короли? Пожалуйста. Они имели самые необыкновенные склонности. Современники свидетельствуют, что английский монарх Георг VI увлекался посудой, точнее, чайниками. Он собрал их свыше тысячи. Эдуард V интересовался тростями. А чего стоит известная сокровищница марок, которую вот уже второе столетие пополняет английская королевская семья! А вот канцлер Бисмарк имел множество... градусников.

Почетное место в моем списке заняли выдающиеся ученые. Фредерик Жолио-Кюри имел прекрасную библиотеку по ихтиологии, а его познания о рыбах, как утверждают современники, можно было сравнить с его познаниями в области физики. Нильс Бор постоянно подбирал наиболее интересные публикации, посвященные спорту, сам прекрасно играл в футбол. Именно в качестве футболиста великий физик и был известен у себя на родине. Дело дошло до курьеза, когда в 1922 году датские газеты сообщили: «Известному футболисту Нильсу Бору присуждена Нобелевская премия».

Особняком стоит в этом ряду академик Иван Петрович Павлов, не только собиравший марки, но и много размышлявший о природе собирательства. Ему принадлежит, пожалуй, единственное научное объяснение этого человеческого феномена. «Из всех форм обнаружения рефлекса цели в человеческой деятельности самой чистой, типичной и потому особенно удобной для анализа и вместе с тем распространенной является коллекционная часть — стремление собрать части или единицы большого целого или огромного собрания, обыкновенно остающееся недостижимым».

Поистине нет предела человеческой фантазии и страсти к собирательству. Мой необычный каталог все пополнялся, и невольно напрашивался вопрос: сколько же существует в мире человеческих увлечений? В одном из журналов встретилась заметка о некоем Войцехе Тыррале из польского города Катовице. По его подсчетам, в мире распространено 1019 видов собирательства. Самые популярные — филателия, нумизматика, филокартия, фалеристика (речь идет о значках). Немало людей заполняют свой досуг разыскиванием старинных предметов быта и искусства, минералов, растений, чучел морских рыб, кораллов и раковин, вымпелов футбольных клубов и газетных сообщений о близнецах и долгожителях, вееров, шпаг и даже... образцов колючей проволоки (представляете себе, ассоциация существует в Калифорнии, в ней состоят 662 любителя).

Есть и такие, кто собирает старые кирпичи, анекдоты, радиодетали, печные колосники и самые скучные романы. Норвежец Кнут Йонсон увлечен историями необычных дуэлей. Таких он набрал около тысячи. За свою честь люди сражались не только на земле, но и под землей, в воздухе и в море, кишащем акулами. Оружием дуэлянтам служили незрелые яблоки и торты, автомобили и сосиски (одна из которых была отравлена). Американский генерал Исаак Путнам решил спор чисто по-военному. Он предложил своему противнику поставить на бочку с порохом горящую свечку, сесть рядом и ждать, пока порох не взорвется. Побежденным должен считаться тот, кто первым побежит от бочки. Да, фантазия, кажется, неисчерпаема!

Рисунки Игоря Суслова

И все-таки есть и ей предел. «Международный справочник коллекционера» Ж. К. Бадо (его издает во Франции издательство «Сток») называет 15 тысяч видов увлечений. (И среди них такие, как собирательство надгробных памятников, зубочисток и железнодорожных костылей.) Думаю, что эта цифра точна и вполне реальна.

Обратили ли вы внимание, что до сих пор в нашей статье еще не встречались слова «коллекционирование», «коллекция»? (Если не считать цитаты из Павлова, который приводит это слово как эвфемизм, а не как термин.) Ведь, как ни странно, именно эти слова употребляют сегодня наиболее часто. Чем же они лучше понятия «собирательство»?

Вопрос не простой. Слово «коллекция» заимствовано русским языком. Относительно недавно оно было мало распространено. Например, в словаре Брокгауза и Ефрона начала нынешнего века его не найдешь. Значит, обходились без него, да еще как! Помните у А. С. Пушкина — «Мое собранье насекомых открыто для моих знакомых». Поэт употребил точное русское слово. Его же приводит и В. Даль в своем словаре. «Сбирать или собирать, собрать, сбирывать что; сносить, свозить или созывать в одно место; отыскивать и соединять, совокуплять, приобщать одно к одному; скоплять. «Он собирает древности и собрал много хорошего».

И поныне эта словесная семья занимает прочные позиции в языке. Мы говорим: «Собрание картин Эрмитажа», «Из собрания Третьяковской галереи», «Из частного собрания»... Говорим не только потому, что так сложились эти словосочетания, но и потому, что они являются литературной нормой.

А как же быть с терминами «коллекция», «коллекционирование»? Думаю, что и они имеют право на существование. Скажем, «коллекция моделей одежды Диора» или «коллекция старинных автомобилей». Четкий водораздел здесь провести трудно. Он зависит от исторических, общественных, языковых особенностей, но в общем его можно сформулировать так: термин «коллекция» скорее применим к неким потребительским вещам — платьям и костюмам, предметам техники, реалиям, связанным с материальным миром. В практике духовного общения людей, в области культуры и искусства более, на мой взгляд, точное понятие «собирательство».

Но вернемся к Далю. Выстроенный им синонимический ряд, по сути дела, определяет всю программу собирательства: отыскивать, соединять, приобщать одно к другому, свозить в одно место. Главное здесь поиск, в любом деле связанный с окружающим миром. Он приводит не только к справочникам, словарям, книгам, но и заставляет работать мысль.

Совсем недавний пример. Клуб филателистов Ворошиловского района города Москвы «Серебряный бор» занимался историей своего района. Было известно, что здесь, в селе Троице-Лыково, в марте 1922 года почти три недели прожил В. И. Ленин. Он работал над известной статьей «О значении воинствующего материализма». В юбилейных ленинских марочных листах 1970 года есть даже специальная марка, посвященная этому периоду его жизни. Адрес был известен, но без подробностей. В частности, считалось, что дом, в котором проживал В. И. Ленин, неизвестен. Следопыты принялись за дело, и благодаря настойчивым исследованиям и поискам был найден дом, считавшийся прежде

утраченным. Ребята, увлекшиеся филателистической Ленинианой и одержимые огнем собирательства, совершили подлинное научное открытие.

«Собиратель — труженик. И энтузиаст. И знаток, который может поспорить с ученым, специалистом. А часто и сам ученый специалист,— писал Ираклий Андроников.— Он сохраняет ценности от распыления и гибели. Опознает и изучает их. Он в ответе перед историей. Потомки не станут вникать в обстоятельства, при которых владельцам пришлось расстаться с частью коллекции. Уже не о них — обо всех нас будут говорить с осуждением: «Не могли сохранить», «потеряли».

Цитата обширная, но она о самом главном — о великой ответственности собирателя перед обществом. Конечно, он посвящает порой всю жизнь любимому делу, тратит деньги, время, здоровье, копит и собирает. Все отысканное принадлежит ему лично. Но частное собрание не должно умирать вместе с хозяином. Оно должно принадлежать всем людям. Что бы ни было собрано, это всегда ценно.

Приведу несколько цифр. Наша страна занимает 29-е место в мире по количеству музеев. А среди европейских стран — членов СЭВ она стоит на последнем месте. У нас нет ничего похожего на грандиозные культурные центры имени Кеннеди в США или Жоржа Помпиду в Париже. Несопоставимы масштабы музейной сети у нас и, например, во Франции или в Англии. Этот перечень можно продолжить. И очень важно, что сегодня в огромной созидательной работе по культурной перестройке, ведущейся в стране, нашлось место для собирателей и их дела. Я имею в виду решение о создании специальных музеев для размещения ценных частных собраний и коллекций, завещанных или подаренных гражданами народу.

Год назад на выставке дарений Советскому фонду культуры нас ждало поистине величайшее открытие. Оказывается, произведения целых периодов советской живописи и графики оказались в личных собраниях только потому, что они не отвечали духу официального искусства. И здесь, в частных руках, они сохранились для музеев, для истории нашего искусства. Впрочем, только ли о советской живописи идет речь? Открываются заново целые пласты. Феликс Вишневский всю жизнь искал и приобретал произведения русских художников. Он собрал их столько, что теперь все желающие могут их увидеть в замечательном музее «В. А. Тропинин и московские художники его времени». Феликс Евгеньевич отдал свою коллекцию государству и стал первым хранителем нового музея. Нас еще ждет знакомство с собранием живописи и графики Ильи Зильберштейна, с многочисленными дарениями из-за рубежа.

На страницах «Родины» мы постараемся рассказать о многих коллекциях и собирателях. Приглашаем к поиску неизвестных сокровищ всех наших читателей.

Председатель «Клуба коллекционеров» Лев СТРЖИЖОВСКИЙ

Тысячи лиц и сотни красок

Китай — самое крупное из государств, соседствующих с нашей страной. Это одна из причин нашего интереса, поскольку от настроений соседа, все равно, в квартире или на арене мировой политики, зависит благополучие, мир среди людей и стран.

И еще многие видят в истории Китая и СССР немало похожих черт, что тоже возбуждает любопытство, тем более сегодня, когда явно просматривается тенденция к сближению двух держав, двух великих народов в самых разнообразных сферах экономики и культуры.

Мы все чаще поглядываем на Китай. Вместо недавней неприязни новый интерес и симпатии. Снова советские люди — специалисты, ученые, социологи, экономисты, политики, представители молодежных организаций — появились на улицах китайских городов и сел, на заводах и фабриках. Сегодня мы учимся сопоставлять с другими странами не только вал, выдаваемый промышленностью, и считать не только военный потенциал. Сегодня нас интересует насыщенность торговли продуктами и товарами широкого потребления, длина

Жилье китайца — государстаенная тайна. Иностранцам эту тайну не открывают. Для зарубежных гостей строят супергостиницы, как праaило, с участием иностранного капитала.

Самый «туристский объект» — Великая Китайская стена. Перед ее фантастическими масштабами бледнеют даже египетские пирамиды.

Несмотря на многие изманения а идеологии современных китайцав, даосизм, осаещенный авторитетом Конфуция, остается одним из оснoаных религиозных аоззрений а Китае, и а даосских храмах асегда можно увидеть молящихся.

Занятие физкультурой — массoaое уалечение городских жителай, поэтому такая сцена в Пекине на редкость.

очередей и тому подобные «мелочи». У нашего соседа, хотя и отстал он от Советского Союза в экономической мощи, есть о чем спросить: например, каковы практические результаты внедряемого товарно-денежного многоукладного социализма?

В этом смысле Китай проводит далеко не безынтересный для нас крупномасштабный эксперимент.

Но существуют, конечно, и другие, не столь утилитарные поводы для интереса советских людей к Китаю — уникальная древняя культура, национальное и современное искусство, великолепная литература с многовековыми традициями и, конечно, трудолюбивый и талантливый народ, с которым хотим мы жить в мире и согласии, как добрые соседи.

Фотоочерк корреспондента издательства «Планета» Виктора КОРНЮШИНА знакомит наших читателей с сегодняшним Китаем, каким видит его человек, впервые открывающий для себя эту удивительную страну.

Мао умер в 1976 году, оставив стране отсталую промышленность и разоренное сельское хозяйство. Сегодня Китай, напрягая все силы, старается выбраться из бездонного болота этого наследства, но портрет «великого кормчего» по-прежнему занимает главное место на площади Тяньаньмэнь.

Еще один великолепный древний памятник столицы страны — Пагода тысячи Будд.

В Шеньчжене.

Сегодня на продовольственных рынках Китая можно купить самые немыслимые продукты: от экзотических лягушек до вполне съедобных питонов. Но главное, конечно, — это изобилие овощей, фруктов и других плодов земли и мастерства знаменитых китайских огородников.

Сила этой великой страны всегда заключалась в трудолюбии ее народа, и сегодняшние крестьяне, освоившие семейный подряд, — главные производители земных благ Китая.

В 1987 году 32,3 миллиона супружеских пар приняли обязательстео по прогрвмме «одна семья — один ребенок». Это на 1,8 миллиона больше, чем в 1986-м. На второго ребенка отменяются льготы, родителей же ждут различные финансовые санкции.

И тем не менее Китай — страна веселых, жизнерадостных людей. Проходят здесь массовые костюмированные праздники. А китайские девушки не уступят в нарядах ни европейским, ни американским любительницам моды.

Пекин. Час пик на Тяньаньузе.

О чем шумит „Зеленая волна“

Предотвратить экологическую катастрофу — это значит сделать все для того, чтобы наши дети не просто выжили, а процветали в мире и благоденствии.

Фото Сергея КОСТРОМИНА

Юрий МАКАРЦЕВ,
обозреватель
журнала «Родина»

БАНАЛЬНЫЕ МАКСИМАЛИСТЫ

Все-таки среда нашего обитания — неутомимый педагог. Как-то я замедлил шаги: молодая девушка, с виду студенточка, воодушевленно «воспитывала» мальчишек, дворовых хоккеистов — те на глазах у прохожих демонстративно слизывали со своих варежек языком «природное мороженое». Снег. В продолжение лекции я ожидал услышать из уст неравнодушной гражданки слова об ангинах, бронхитах и пневмониях, но ошибся.

— Не ешьте снега! — укоряла детей девушка.— Он в нашем городе грязный, токсичный. Понаблюдайте — его даже собаки в рот не берут.

Не ешьте снега! Не пейте сырой воды! А помню времена... Когда с ребятами уходили на целый день по грибы в подмосковный лес, термосов нам с собой не давали. Мы запивали горбушку хлеба вкусной влагой прямо из дождевых луж на лесной поляне.

Будьте разборчивы с фруктами! Наслышанные о нитратах, москвичи стали предпочитать румяному да ладному яблоко с червоточиной. Червяк не побрезговал — переварит и человек.

Не купайтесь в неустановленных местах! А где можно? В ушедшем году, вспомните, санврачи «опечатывали» знаменитые курортные пляжи. Черное, Азовское, Балтийское моря перестали справляться со сбросами, их способность к самоочищению на последнем пределе.

И, наконец: не выходите на улицу без противогаза! Преуаеличение, конечно, однако и по этой статье окружающую среду давно уже нельзя считать доброкачественной. Дымят трубы! Дымят, родимые! Ежегодно в атмосферу выбрасывается около 100 млн. тонн вредных веществ, в том числе такие опасные по степени воздействия на человеческий организм, как ртуть, свинец и его соединения, хлор, фтористые соединения, сероуглерод и сероводород.

Печально. Природы-матери, родя-

щей, кормящей, воспроизводящей наши физические и нравственные силы, люди стали опасаться, как злой мачехи. То страх, сотворенный нашими собственными руками. Откройте любую газету! А когда же мы в периодике прочтем: спасен Байкал! Рыба в Москве-реке уже не пахнет нефтью. На улицах Нижнего Тагила благоухает цветами и мятными пряниками. Согласитесь, велика общественная ностальгия по примерам неотложной и удавшейся кому-то природотерапии. Где наши светлые умы? Стратеги? Экологические доктора? За 1981—1986 гг. государством вложено в охрану природы и по статье — рациональное использование природных ресурсов — 53 миллиарда рублей. Куда утекли эти деньги? Уж не в «черную ли дыру»?

Накануне Нового года я позвонил академику Б. Н. Ласкорину и услышал:

— А знаете, минувший год, на мой взгляд, можно считать «урожайным». Контролируется ход выполнения постановления по Байкалу. Общественная дискуссия по Аралу выяснила: то не единичный в южном регионе случай разрушения природной среды в результате ошибочной политики Минводхоза СССР. Подобная ситуация,— продолжал Борис Николаевич,— и на Иссык-Куле, Балхаше, еще раньше она возникла на Севане. Закрыт Приозерский целлюлозный завод, и создана Программа экологического оздоровления Ладоги. Родилось развернутое постановление по Аралу, которое, я уверен, изменит в лучшую сторону экологию в бассейне самого моря, а также Амударьи и Сырдарьи.

— Вы согласны, что 1988 год существенно подвинул нас к рубежу, где мы определенно добьемся перелома всей экологической обстановки в стране? — обратился ко мне академик и после небольшой паузы добавил: — Тяжелых проблем, правда, пока остается тоже достаточно. Мы в долгу у Балхаша, надо спасать Волгу и Каспий. Идет настоящая война против необоснованного строительства каналов Волга — Чограй и второго Волго-Донского — их проекты явно устарели и требуют пересмотра. Взывает к переосмыслению и политика развертывания гидроэнергетики. Было дело, Минэнерго и Минводхоз, объединившись, попытались протолкнуть свою программу экстенсивного развития гидроэнергетики — опять нам предлагалось перегородить многие реки плотинами. Мы дали этим замыслам отпор, заставили министерства сверить свои планы с современными требованиями экологии и хозяйственной практики. Но и это далеко не все. Надо задуматься о правомерности размещения в тех или иных районах страны атомных станций...

В мире ничего не меняется, подумал я, выслушав интересный монолог. Когда, допустим, начинает идти кислотный дождь, одни бросаются в укрытие, другие пытаются выяснить — откуда в небе эта «пакость» взялась. Спокойному оптимизму Б. Н. Ласкорина доверять можно, и нв только потому, что Борис Николаевич — председатель Комиссии по разработке проблем охраны природных вод при Президиумв АН СССР и председатель Комитета по защите окружающей среды Союза научных и инженерных обществ и еще государственный эксперт. Он ученый «вневедомственный», его голос мы слышали в полемике против переброски рек, в борьбе против Ржевского проекта или в долгоиграющей акции по спасению Байкала. Доверенный ученый общественности, он всегда на нее и опирался...

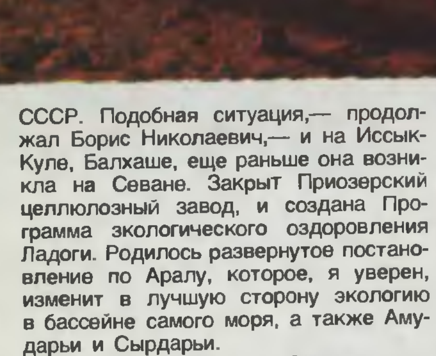
Позвонил я, собственно, Борису Николаевичу для того, чтобы узнать, как он относится к появлению у нас на местах общественности с новой социальной окраской. Распознают ли в ней ученые «подмогу себе» в своей трудной экологической борьбе?

В прошлом году волной по стране прокатились экологические митинги и демонстрации: Иркутск, Ленинград, Нижний Тагил, Уфа, Красноярск, Рязань... Пресса «зарегистрировала» Байкальское движение, по страницам иных газет загулял взятый у Запада напрокат термин «зеленые». Кто они и что они?

«Зеленые»? Академик не торопился с суждениями и оценками. Прежде всего он вспомнил свою недавнюю поездку по Дунайским странам: Болгария, Венгрия, Чехословакия, Австрия, ФРГ, СССР — встреча ученых и общественных деятелей в рамках международного форума «Эко-Дунай-88». Природоохранная активность населения, к примеру, в Австрии, ничего не скажешь, боль-

ЧТО ИМЕЕМ — НЕ ЖАЛЕЕМ. 25—30 млрд. рублей — столько ежегодно, по оценке экспертов, составляют чистые потери от ущерба природе в нашей стране.
ЧЕМ ДЫШИМ. 65 млн. тонн — такое количество вредных веществ выбрасывается в атмосферу городов и населенных пунктов из стационарных источников загрязнения. 40 млн. тонн — выбросы автотранспорта.
КАКУЮ ВОДУ ПЬЕМ. 15 млрд. кубических метров — столько загрязненных, промышленных и бытовых стоков ежегодно попадает в реки и озера РСФСР, что составляет 80 процентов таких стоков по стране.
ЧТО ЕДИМ. В результате усиленного использования азотных удобрений в целом по стране в среднем более 30 процентов сельхозкультур имеют содержание нитратов, превышающее допустимый уровень.

Фото
Александра ЗЕМЛЯНИЧЕНКО
и Василия МИШИНА

шая. Но группа-то пестрая, в ней и экстремисты, националисты, реакционные элементы, для иных борьба за природу — прикрытие. Приоритеты — собственные политические цели.

— Нечто подобное есть, пожалуй, и у нас,— подытожил Борис Николаевич.— Хотя подавляющая часть молодежи, не сомневаюсь, искренне желает наведения порядка в своем доме.

Пожалуй, так оно и есть. В моменты межнациональных волнений «экология», случалось, получала непредсказуемую «трактовку». Зачем, мол, нашей республике такой-то завод?! Продукция — на общесоюзный рынок, а выбросы в атмосферу и загрязнения — коренному населению? Однако, думается, не этот «банальный максимализм» определяет сегодня погоду в экологической активности граждан.

«ЗЕЛЕНЫЕ» ВСЕХ МАСТЕЙ

В застойные годы экологическая борьба нередко носила характер одностороннего действия и происходила обычно в кабинетах и аудиториях за закрытыми дверьми. Там «атлеты разума», «народные» академики и профессора мужественно сражались с ведомственными учеными, с министрами и должностными лицами, со всякого рода экологическими экстремистами и авантюристами, обладавшими реальными рычагами воздействия на власть. Там, в споре, нередко и погибала истина. Действие происходило в Москве и других крупных городах. Задавленная бюрократами, бесправная провинция в этом кабинетном противостоянии почти не участвовала, она была внимающим, но молчаливым партером — чем-то все закончится на главной игровой сцене, «в верхах»?

Академики и профессора не могли спасать малые реки — водотоков у нас в стране 150 тысяч, не в силах были квалифицировать опасность выбросов каждой заводской трубы, не стоило их ждать и в колхозах: сажайте лесополосы, братцы! У них сил хватало лишь на то, чтобы постоять за природные объекты «звездной» величины, такие, как Байкал, Волга, Ладога... Но вот, слава богу, и у провинции стал прорезаться голос взволнованного хозяина своей земли, по стране пошла-загуляла «зеленая волна». Где ее начало? На Байкале? Я отправился в Иркутск.

В гостинице «Ангара» меня навестили Павел Малых, конструктор по профессии, и Ирина Шишкина, преподаватель политехнического института,— оба члены «Общества защиты Байкала». Летом-осенью 1987 года весь Иркутск поднялся против безнравственного замысла Минлеспрома СССР — протянуть от Байкальского комбината трубопровод и качать по нему зловонные стоки в реку Иркут. Люди сплотились и, может быть, благодаря этому многие впервые ощутили себя гражданами. Ведь, бесспорно, 100 тысяч подписей «против» трубы в условиях неразвитого демократического самосознания — это ровно такое же количество поступков: человек направляется к пикету, думает, берет в руки шариковый карандаш, наклоняется к листку бумаги... Когда памятное событие ушло в историю, в городе, по сути дела, образовались две самостоятельные самодеятельные организации.

Учредителем «Общества защиты Байкала» стал Лимнологический институт СО АН СССР. Он ли заказывает музыку? Во всяком случае, Павел, Ирина, другие сделали полезное дело: провели анкетирование работников Байкальского целлюлозно-бумажного комбината. Этот монстр-загрязнитель беспокоит всю страну, в 1993 году, согласно постановлению ЦК КПСС и Совмина СССР, будем иметь в его корпусах мебельно-сборочное производство — конечно, интересно знать, как целлюлозники видят свое будущее после перепрофилирования БЦБК. Потом на анкету общества в разговоре со мной ссылался директор ЛИНа, член-корреспондент АН СССР М. А. Грачев.

«Общество» — организация небольшая, да и молодая, о ее популярности у населения мне судить трудно. «Проблема авторитета» и совместимости маленьких общественных экологических образований всплыла своей неожиданной стороной, когда я обратился к людям, составляющим, так сказать, «вторую половину участников Байкальского движения». Представитель «тех других» А. Сосунов был категоричен: «Это мы собрали 107 тысяч подписей иркутян, мы проводили митинги и демонстрации, что, в конце концов, привело к запрещению строительства «трубы». «Общество защиты Байкала» — наш «карикатурный двойник». Они пытаются присвоить себе чужой успех.

Но делить нам с ними нечего. В те дни, когда наше движение набирало силу, П. Малых себя не проявил и в состав нашего организационного комитета не вошел. Тогда-то он и создал собственную организацию»...

Раскол? Нет, просто экологическое движение пока не сложилось в зрелой форме — ни в Иркутске, ни в целом по стране. Общественность в силах решать лишь частные задачи. Потребуется, убеждал меня А. Сосунов, мы снова позовем патриотов под свои знамена, как это было с «трубой».

В чем-то он прав. Нельзя отрицать, общественное движение в защиту природы на местах сегодня только формируется. «Зеленые» митинги и демонстрации нередко возникают стихийно, без глубокой предварительной подготовки, вызывают, как правило, взрыв эмоций и страстей и завершаются обычно компромиссами. Бюрократы, чиновники, руководители не в своей тарелке, ведь они привыкли к определенной норме поведения добропорядочных граждан. А тут незнакомый им коллективизм толпы, микрофон, радикальные требования: вызывайте министра! закрывайте «вредное» предприятие! наводите порядок! Как вести диалог с такими?

Их можно называть «горлопанами», «максималистами», «реформаторами»,— как угодно можно называть. В глаза и за глаза. Они уже стали реальностью, не считаться с которой нельзя. «Новые зеленые» — это нарождающаяся в городах и областях, регионах «специализированная» экологическая общественность. Та «третья сила», которой не хватало в старой социальной схеме. Местные власти вяло сопротивлялись природоразрушительной политике ведомств или находились с министерствами в «сговоре» — за обещанные ими блага в виде жилья, дорог и объектов соцкультбыта. А ныне экологические митинги собирают тысячи людей, гремят так, что министры и их замы немедленно срываются в командировку. Откуда что берется?

Разговор с профессором из Каунаса В. В. Антонайтисом подсказал простой вывод: появление организации «зеленых» в Литве во многом спровоцировано бездеятельностью и бесхребетностью «традиционных» природоохранных организаций. Неплохо вписываясь в бюрократическую структуру, они «спали». Их, пожалуй, можно даже отнести к пассивным соучастникам разрушения природы — наряду с другими ведомствами. Природа плачет. Леса республики в плохом состоянии, а тут еще кислотные дожди, пущено на самотек дело регуляции численности животных — лоси и олени безжалостно уничтожают молодые посадки. Может быть, гости Литвы, бывая здесь наездами, ее внешнюю чистоту и аккуратность переоценивали? В том же Каунасе, к примеру, до сих пор нет очистных сооружений. Профессиональный глаз обнаружит там и тут загрязнения и превышение концентраций сбросов. Профессора Антонайтиса мне рекомендовали как консультанта «зеленых». Нет, он своих друзей «освободителями» не называл. Определил им более скромное, но более точное место: «Они вскрыли общее тревожное положение с охраной природы в республике и выступают как сила, формирующая у населения новое экологическое сознание».

О закономерном происхождении «новых зеленых» мы долго и обстоятельно размышляли в беседе с крупным «экологическим начальником» И. Ф. Баришполом: он первый заместитель председателя президиума ЦС ВООП. Командарм «старых зеленых» из огромного Всероссийского общества охраны природы. Иван Федотович был самокритичен: «Где слабы наши организации на местах, там и появляются неформальные экологические образования. Но ведь и не нужно стараться загонять всех «под одну крышу»? Зачем? Просто надо искать пути консолидации групп различных экологических оттенков».

В Подмосковье работники ВООП нашли общий язык с рокерами, и ребята охотно согласились помогать инспекторам в контроле за санитарным состоянием садовых товариществ. В другом месте, в северном городке, договорились о контактах «в пользу природы» с молодежью из «Демократического союза содействия перестройке». Все это хорошо. А как быть с тем, что пресса давно уже пишет о провалах и анахронизмах в работе ВООП?

— Вот ваши «свадебные генералы»...— говорю я.

— Правильно,— соглашается И. Ф. Баришпол.— Так уж сложилось, что во главе наших советов стояли в основном зампреды облисполкомов или председатели облагропромов. А теперь видим — кругом конфликты. В Уфе председателем совета ВООП стал зампред Совмина Башкирии, председатель Госплана республики И. К. Мироненко. Не понимает его общественность. «Как

быть?» — спрашивают меня. Менять на следующей же отчетно-выборной конференции! Сегодня время не только компетентных специалистов, но и людей с твердой позицией.

«Бьют» ВООП и за гигантоманию. Из 38 миллионов членов только 20 миллионов человек платят членские взносы, а остальные — так, активисты, юные и «не опознанные никем» друзья природы. Мишеней для критики достаточно. Расходы на содержание 1800 штатных работников-управленцев, а также специалистов, занятых торговой и прочей деятельностью, в бюджете на 1989 г. запланированы в сумме 4,8 миллиона рублей. А средства на природоохранные мероприятия — 5,5 миллиона, на озеленение городов, населенных пунктов — еще 2 миллиона рублей. Волевым порядком ВООП рекомендовано сократить штаты до 40 процентов, на местах — от 20 до 70 процентов. Правильно? Думается, нет.

В принципиальных экологических битвах последних лет бойцовский характер общества прорисовывался далеко не всегда. Почему — судить можно по-всякому: обюрократились, увлеклись чтением лекций, просветительством, не умели находить контакты с прессой и другими союзниками. На мой взгляд, сказался тут и процесс неоправданного «огосударствливания» ВООП. Смотрите, в прежние годы его устав обязательно утверждался «наверху». По привычке командуют и сегодня: сократите на столько-то ваши штаты! Минфин и Совмин предписывают: уменьшить число служебных машин на 20 единиц. Кому адресованы эти рекомендации «для обязательного исполнения»: государственному учреждению или добровольному обществу, которое вправе думать своей головой? Парадокс,— говорил И. Ф. Баришпол,— мы разработали Положение о переводе ВООП на принципы полного хозрасчета, однако нужна масса согласований с Минфином, Госпланом, с комиссиями по совершенствованию системы управления.

Новые «зеленые», «старые», «неформалы», «общества в защиту» — эти экологические образования и создают живую практику природоохранного движения молодежи в стране. Куда и как двигаться — готовых формул нет. Утверждают, что мы взяли у Запада «взаймы» не только термин, но и копируем сам процесс. В иных западных странах на федеральном (государственном) уровне действуют десятки экологических формирований, а, например, в ФРГ «зеленые» вошли в парламент. Будет ли повтор у нас?..

ПОД ЗНАМЕНА ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ДРУЖИН

Это сообщество единомышленников, собранных в один кулак по принципу совместимости гражданских представлений о месте человека в современном обществе. Списочный состав рязанской экологической дружины — человек пятьдесят. Инженер Михаил Панов — командир, инженер Александр Гаврилов — комиссар, журналистка Ирина Жукова — «человек по связям с общественностью», инженер Володя Денисов — «кинопропаганда», ученый секретарь Рязанского отдела Географического общества СССР Юрий Карелин — «советник» и т. д.

Народ основательный, квалифицированный, «со связями», если иметь в виду консультировавших их специалистов по экологии в Рязани и в Москве. В практике у дружины, хочу подчеркнуть, последовательное чередование задач, долговременных и «горящих», имеющих особое значение в данный момент. Давно и настойчиво добиваются они вместе с общественностью присвоения Мещере статуса национального парка. Мещера — их любовь, надежда и полигон, где проходят субботники и проводятся природоохранные экспедиции. Окская пойма — боль.

В 1986 году в числе других Рязань была включена в список «исторических городов» страны. Что из этого следовало? Поторопиться бы руководителям с переделкой старых коммунальных проектов! А они упустили время. И вот противостояние. Почти готов городской канализационный коллектор, который, безусловно, экологическую обстановку в Рязани улучшит. Осталось доделать «кусочек» участка. Власти доказывают: в силу необходимости, когда затрачены миллионы рублей, трубы надо провести через водоохранную зону — Окскую пойму. Не страшно, мол, в порядке исключения нарушить закон. Дружинники и члены ВООПИК тверды: никогда! Разрушить пойму — ума не надо, а ведь это уникальное природное наследие, завещанное поколениям рязанцев их родичами из глубины веков.

Всюду тактику дружинников отличает социальная корректность и уважение к законам, к нашей демократии, аргументированность поступков. Да, они собирали подписи населения в защиту поймы, проводили митинги — это вынужденная крайность. Все традиционные меры были до этого испробованы. Писали письма в центр, публиковали материалы в местной и центральной печати, выступали на сессиях горсовета и облсовета, давали наказы депутатам, побывали на приеме у первого секретаря обкома КПСС тов. Хитруна. «Ну, а если вдруг в пойме начнутся работы?» — спросил я у А. Гаврилова. «Тогда... есть у нас в запасе еще одна идея»,— встрепенулся комиссар.

В стране больше ста экологических дружин, наиболее заметные в Москве, Рязани, Куйбышеве, Горьком. Уфе.

Ниточка от дружин тянется к еще более зрелой форме социального опыта. При московском хозрасчетном объединении «Агентство «Альтаир», созданном летом 1988 года, предлагает свои услуги клиентам лаборатория экологического проектирования. Несколько месяцев ее заведующий выпускник МГУ Сергей Пономаренко сидел без зарплаты, пока в дверь не постучались заказчики. А что за работенка? Экологическая экспертиза проектируемой скоростной железнодорожной магистрали Ленинград — Центр — Юг. С ума сойти, ведомства начали интересоваться объективной экспертизой.

Вроде бы у рязанских дружинников все хорошо. Есть общественное реноме. Их присутствие «нормально» на городских пресс-конференциях руководителей, их визиты в горсовет, в облисполком, в обком партии никого не удивляют. Вот только особой любви чиновников им, видно, никогда не заслужить. Те действуют тонко, допустим, через телефончик: дескать, чего это твой сотрудник, Пал Палыч — Петр Петрович, дурака валяет? Ходит всюду, митингует, пишет. Может, работой не загружен, а?

В октябре прошлого года рязанская дружина вынуждена была обратиться в районный суд с иском о защите своей чести и достоинства, а попросту говоря, попросила помощи против клеветы. В качестве ответчиков ребята требовали привлечь и. о. начальника областного штаба добровольных народных дружин И. П. Суркова, по основному месту работы — зам. начальника отдела юстиции облисполкома. Что случилось? Да вот будто бы на одном из экологических митингов кто-то из дружинников «антисоветчину нес». Ну, разобраться с этим дело нехитрое. Серьезнее другое: областной штаб ДНД «выставил» экологическую дружину за дверь, лишил ее правовой «крыши», сказав: ступайте-ка, ребята, от нас в областную Госкомприроду.

Да, это уже серьезно. Закона об общественных организациях как такового пока не существует, куда приткнуться теперь экологическим бойцам Рязани — сразу и не сообразишь. Может быть, в самом деле толкнуться в Госкомприроду?

Та сама ныне в муках самоутверждения. Как мы о нем мечтали — всесоюзном органе, который создаст концепцию экологической безопасности общества и возьмет в свои руки всю природоохранную политику в стране, отменит диктат ведомств, проведет общегосударственную экологическую паспортизацию объектов природы и всех предприятий, станет поводырем масс. Как мы взывали в прессе: явись, Госкомприрода СССР!

— Как это ни странно,— поделился со мной заместитель председателя Госкомприроды СССР В. Ф. Костин,— формированию комитета оказывают сильное сопротивление те организации, на базе которых комитет должен создаваться. Минводхоз СССР, к примеру, готов нам отдать людей, но без лабораторий и экологического оборудования. В Комитете РСФСР пока не сформированы низовые звенья. По сути дела, Минводхоз, Госагропром, Гослесхоз оставляют себе параллельные службы, которые станут дублировать наши собственные. Сейчас они их «располовинивают». Правда, есть и приятные исключения. Мощный комитет по охране природы создан в Литве: с хорошей базой, с оборудованием, со штатом работников числом свыше 1000 человек. А кого нам рекомендуют для работы!..

К Госкомприроде в Литве — есть у меня такие данные — сразу потянулись «зеленые», в то время как в других регионах, как мне говорили представители экологических дружин, наладить сотрудничество вряд ли скоро удастся — в местные органы Госкомприроды идет «сброс людей», которые до этого оказались несостоятельными на партийной работе или государственной службе.

Опять горькие уроки — задним числом! Гласности, когда утверждался статус Госкомприроды СССР, не было. У тех, кто стоял у истоков решений,

у академиков, профессоров — правоведов, у государственных деятелей не хватило принципиальности и мужества для того, чтобы вопреки давлению ведомств создать дееспособную модель нового государственного органа. Помучаемся мы еще с комитетом! Вместе с начальником юридического отдела Госкомприроды СССР Г. И. Осиповым мы представили себе некоторые последствия свершившегося компромисса.

Неизвестный гражданин выбрал в лесу подходящую елку, поплевал на руки и замахнулся топором. «Стой, злодей!»— выскочил из-за куста инспектор лесной охраны.— Плати штраф». Пока браконьер доставал из кармана бумажник, на месте происшествия возникла еще одна фигура: «Раскошеливайтесь, гражданин!» — «А вы кто?» — «Инспектор Госкомприроды».

О чем, собственно, этот анекдот? Одни замешкались на старте, других увлек пафос отрицания, третьи ищут правового убежища — стыковки, взаимопонимания нет. И потому «много шума» в государстве: «зеленая волна», всплеск экологического сознания населения. Новая ситуация выявляет социальную несостоятельность старых порядков и бюрократов, и те отвечают противодействием, пытаются скомпрометировать движение в защиту окружающей среды, представить его «бурей в стакане воды». Но ведь и руководители, которые сели в кресло недавно, попадают впросак. В Медногорске Оренбургской области дело дошло до конфликта между партийными и советскими органами. Что делать? Закрывать экологически грязный завод — житья от него людям не стало. «Во Львове комсомольцы обиделись на партийных работников: те в целях перестраховки запретили годовую конференцию «Товарищества льва» — общественной организации с перспективным экологическим направлением. Первый председатель «Товарищества», заведующий отделом экологического воспитания Львовского горкома комсомола Орест Шейка выносит логичный вердикт: «Противозаконные действия».

А какие законные? С кем бы я ни беседовал, все, включая специалистов, единодушны: на нынешнем этапе перестройки экологического управления в стране правовые проблемы — самые важные. Для всех общественных формирований — без исключения. Для новых «зеленых», для ВООП, экологических дружин, самой Госкомприроды СССР. Многое в нашем природоохранном законодательстве устарело и обветшало, иные законы, как каучуковые,— содержат много отсылочных норм. За сдачу предприятия в эксплуатацию без очистных сооружений Кодекс РСФСР об административных нарушениях предусматривает для виновных «страшнейшее» наказание: штраф в размере 100 рублей. Прямо-таки «смертная казнь». Поэтому мы с надеждой внимаем той работе, которую ведут Госкомприрода и Министерство юстиции,— создается новый Закон СССР по охране природы. Будут ли учтены в нем чаяния и трудности наших славных экологических борцов?

— На мой взгляд,— говорит Г. И. Осипов,— в структуру и содержание нового закона мы закладываем прогрессивный подход. Есть там положения об экологической информированности общественности, об участии трудовых коллективов в природоохранной работе, о роли населения в принятии решений. Срок сдачи проекта закона в Совмин СССР — октябрь 1989 года. Далее Верховный Совет. Вот только не знаю, будет ли закон дискутироваться в печати...

То есть как это «будет» — не будет»?! «Покрутить» закон надо со всех сторон, обсудить его стоит со всей тщательностью и заинтересованностью, как это уже случалось на различных этапах нашей социально-экономической реформы. А пока наша молодежь проявляет чудеса юридического мышления. Ребята из Координационно-методического совета экологических дружин «выловили» в нормативных актах комитета по народному образованию новое Положение о дружине и утвердили его на своей конференции. Может быть, это выход для рязанцев, которых «выселили» из ДНД? Возможно, теперь им удастся зарегистрировать свою природоохранную когорту как самостоятельное юридическое лицо...

Однако правильно говорят: худо голове без плеч, худо плечам без головы. В последних числах декабря студенческие дружины и группы «зеленых», направив своих представителей в Москву, учредили Социально-экологический союз. В тех же числах и тоже в столице другие природовольцы образовали свою параллельную структуру — Экологический союз СССР.

Фото Юрия КОЗЫРЕВА

ДРУЗЕЙ У ПРИРОДЫ, КАК ВИДИМ, ХВАТАЕТ, ТОЛЬКО ЕЙ ПОКА ОТ ЭТОГО НЕ ЛЕГЧЕ

В подвале театра Анатолия Васильева царила обычная для вернисажей суета. Художники давали интервью на фоне своих полотен, посетители разглядывали картины. Тут было что посмотреть. Но в атмосфере царило какое-то напряжение и было слишком много иностранцев, что у нас всегда служит признаком значительности происходящего события.

Бананы для жюри

Сказать по совести, никаких чувств, кроме ощущения неудобства от духоты и тесноты, у меня не возникло. С таким же успехом можно было бы говорить об эротике в метро в час пик.

Народу все прибывало. Скоро уже яблоку негде было упасть, и опоздавшие устраивались прямо на полу. На импровизированной сцене стоял стол со свечами, шампанским и фруктами. Стол предназначался для хозяев вечера и был частью задуманного действа.

Довольно продолжительное время молодые люди с подведенными глазами ублажали присутствующих томными песнями о «девочке с запахом апельсина», «нервном мехе», лимузинах и прочих изысканных вещах.

Это была группа «Оберманекен». Она, как сообщалось в программке, существует с 1985 года, играет «музыку для дорогих ресторанов и интимных оргий».

Для дорогих ресторанов это было чересчур шумно и непрофессионально, тем не менее именно «Оберманекен» создавала звуковой фон первого у нас в стране вечера эротического искусства.

Кульминацией шоу стал номер под названием «Женщина-торт». Юноши из «Оберманекена», с трудом протискиваясь сквозь толпу, заполнившую проходы, внесли в зал сидящую на столе девушку под вуалью и водрузили ее в центре сцены. Художники и музыканты, выдавливая из специальных кондитерских шприцев крем, стали украшать им тело девушки...

Происходящее было явно взято напрокат из фильма «Агония», где в ресторан вносят женщину-змею. Устроители вечера всеми силами пытались создать интимную атмосферу декадентского салона начала века. Правда, шампанское и фрукты (даже бананы) оказались настоящими и в течение вечера безостановочно поглощались членами оргкомитета, вызывая зависть зрителей.

Вечер эротического искусства... Конечно, это событие. Впервые за десятилетия нам был явлен целый пласт культуры, до этого практически закрытый. На вернисаже встретились совершенно разные по стилю работы, так или иначе касающиеся темы вечера. Здесь были и блестящие сатирические листы Вячеслава Сысоева, объединенные в цикл «Электронная любовь», и технически безупречные, даже изысканные, но достаточно иллюстративные картины Анатолия Брусиловского, и импрессионистические полотна Марины Герцовской. Можно было увидеть все жанры: лубок, соцарт, откровенный кич. Все, что угодно, кроме настоящей эротики.

Впрочем, ничего странного — по закрытости эта тема может сравниться у нас разве что с военным или атомным ведомствами. Апофеозом нашего воинствующего ханжества можно считать фразу, произнесенную участницей телемоста с Америкой: «В СССР секса нет!» Но секс есть, и страусиная политика в этой области приводит лишь к росту половых преступлений, к тому, что немало разводов происходит из-за дисгармонии в интимной сфере. Такое же отношение и к эротике — чувственной стороне любви.

Можно было бы в старых добрых традициях замолчать вечер на столичной улице Воровского или разругать его, благо большинство сограждан его не видело.

И все же не будем уподобляться тем парижским обывателям, которых приводила в бешенство знаменитая «Олимпия» Эдуара Мане. Не забудем и о том, что «Олимпия» была выставлена в 1865 году, а сейчас на дворе конец XX века!

Часто приходится слышать, что эротика, изображение человеческой наготы не в традициях отечественного искусства. Уверен, что люди, говорящие это, знают Пушкина в пределах школьной программы. А вспомним народное творчество: песни, сказки, частушки, скоморошество, там «такого» хоть отбавляй.

Уже в двадцатом веке поэзия Блока, Бальмонта, других авторов продолжила эротическую линию культуры, дав нам прекрасные образцы. Потом эта линия была насильственно прервана.

Эротика встречается в работах выдающихся живописцев, в книгах замечательных писателей, фильмах великих режиссеров. Дело не в том, ЧТО изображается, а в том — КАК. Одно и то же может выглядеть совершенным и безобразным. Эротику от порнографии прежде всего и отличает уровень художественного осмысления материала.

К сожалению, художественных открытий среди представленных на выставке эротического искусства работ было мало. В отборе ощущался налет дилетантизма. Хотя устроители вечера вовсе не стремились эпатировать публику, они попытались раскрепостить наше сознание, расширить представления о границах искусства. Ирония, сквозящая буквально во всем, только подтвердила неестественное положение с этим «проклятым» вопросом у нас в стране.

Глупо и дальше отворачиваться, делая вид, что ничего такого нет и быть не может. Нужно учиться принимать жизнь такою, какая она есть.

Андрей АМЛИНСКИЙ
Фото Юрия КОЗЫРЕВА

К Мусоргскому надо идти как в Мекку

РЕШЕНИЕМ ЮНЕСКО 1989 ГОД ОБЪЯВЛЕН ГОДОМ ВЕЛИКОГО РУССКОГО КОМПОЗИТОРА М. П. МУСОРГСКОГО, 150-ЛЕТИЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ КОТОРОГО ОТМЕЧАЕТ В ЭТИ ДНИ МИРОВАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ.

В псковском селе Наумово на берегу живописного озера Жица стоит усадьба, родовое имение Чириковых. Здесь родилась мать композитора Мусоргского, женщина удивительной души и щедрого сердца, нежную любовь к которой Модест Петрович пронес через всю жизнь.

Ныне тут единственный пока в стране музей М. П. Мусоргского.

В полутора верстах от Наумова, в селе Карево, на берегу той же Жицы, находилось поместье Мусоргских. К сожалению, оно не сохранилось. Как и Одигитревская церковь, в которой венчались Петр Алексеевич Мусоргский и Юлия Ивановна Чирикова, а позже крестили маленького Модеста...

Рассказывает директор музея М. П. Мусоргского Татьяна Семеновна Ермакова:

— Однажды, в 1973 году, на улице Неждановой в Москве я встретилась с Козловским. На всю жизнь запомнила его слова: «К Мусоргскому надо идти как в Мекку...»

Двадцать пет назад в старой бревенчатой школе открылась экспозиция, посвященная жизни и творчеству нашего великого земляка. Она и стала началом музея-заповедника, занимающего сейчас площадь в сто десять гектаров. Не все, конечно, было гладко. Когда решался вопрос: быть или не быть музею, компетентная комиссия высказалась вполне определенно, объявив начинание бесперспективным. Теперь наш «бесперспективный» музей принимает десятки тысяч посетителей в год... А «поднимала» музей вся псковская земля: убирались с территории посторонние постройки (гаражи, сараи), по бревнышку перекладывались старые дома. Мы писали сотни писем в разные концы страны, разыскивая потомков Мусоргских, Чириковых, Голенищевых-Кутузовых, Кушелевых, занимались исследованиями архивов, организовывали экспедиции. Если кто-то находил подлинные вещи из Карева или Наумова, они становились достоянием нашего музея. Многое дал контакт с профессиональными музыкантами, просто с любителями искусства. Келдыш, Нестеренко, Архипова, Рихтер, Ширинян — люди в музыкальном мире известные. Ими были переданы в дар музею ценные книги, пластинки, декорации, эскизы, картины, гравюры, фотографии... Теперь в наших фондах более трех тысяч экспонатов.

Музей постепенно расширяет тематические границы, в его планах воссоздать не только уголок, где прошло детство композитора, а показать состояние народной жизни той эпохи. Именно поэтому при музее созданы и действуют молочная, кузница, фольклорный ансамбль.

Мы рассматриваем Наумово как звено в общей цепи: Москва, Новый Иерусалим, село Глебово, где Мусоргский останавливался у Шиловских, тверская земля, древний Торопец, в котором композитор заслушиался колокольным перезвоном более чем двадцати тамошних церквей. Торопчане утверждают, что слышат этот звон в операх Мусоргского и в его «Картинках с выставки...» Необходимо знакомство с историей древнего Пскова, которую изучал композитор, работая над «Хованщиной». И, конечно, с Ленинградом, с Петербургом Мусоргского.

На клавире «Бориса Годунова» М. П. Мусоргский написал: «Я разумею народ как великую личность, одушевленную единою идеею. Это моя задача. Я попытался разрешить ее в опере». Здесь, в этих местах, где прошло детство композитора, становится ясно, что питало его душу. Тут родина музыки Мусоргского.

Марина АНДРУСЕНКО

М. П. Мусоргский (справа) и П. А. Наумов

Здесь был дом, где родился композитор

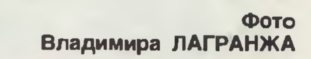

Фото
Владимира ЛАГРАНЖА

ВЕРУЮЩИЙ ЕРЕТИК

СТРОКИ ИЗ БИОГРАФИИ

Николай Александрович Бердяев родился в 1874 году в Киеве в семье отставного офицера. К армии имели касательство и другие его предки. Дед Бердяева был атаманом войска Донского, прадед — генерал-губернатором Новороссийска. Такая родословная в немалой степени способствовала тому, что учебу он начал в Киевском кадетском корпусе.

Еще мальчиком он осознал свое философское призвание. В 14 лет он читал труды Канта, Гегеля, Шопенгауэра. Уже став студентом университета, эту свою тягу к философии развил и направил в самобытное русло.

В 1894 году произошла встреча Бердяева с марксизмом. Он активно посещает студенческие революционные кружки, в одном из которых знакомится с А. Луначарским. Во время поездок за границу встречается с Г. Плехановым. Скоро Бердяева арестовывают как участника большой студенческой демонстрации, а в 1898-м исключают из университета и ссылают на три года в Вологду. В ссылке вместе с ним были Б. Савинков, А. Ремизов, А. Богданов, А. Луначарский. Бердяев держится особняком, потому что мало склонен к политической борьбе. «Моя революционность,— пишет он в духовной автобиографии — была скорее этической, чем социальной. От меня отшатнулись марксисты из-за моего идеализма.., стали считать реакционером. Я глубоко убежден в подлинной революционности личности, а не массы... Я определял свою позицию выражением «аристократический радикализм».

Вскоре Бердяев совершенно отходит от политики. Осенью 1904 года переезжает в Петербург, где редактирует журнал «Вопросы жизни». В нем участвуют Д. Мережковский, В. Розанов, Вяч. Иванов, Ф. Сологуб, А. Блок, А. Белый, В. Брюсов.

Революцию Бердяев не принял, хотя сохранил к ней лояльное отношение. Стал инициатором образования Вольной Академии духовной культуры, которая существовала с 1919 года по 1922-й. В это время Бердяев читает лекции по философии истории и философии религии, встречается с рабочими и интеллигенцией, ведет семинар, посвященный Ф. М. Достоевскому.

Бердяев был верующим человеком, но к ортодоксальной церкви относился критически. Верующий вольнодумец — так часто называл он себя.

В 1922 году Бердяева вынуждают уехать за границу. С 1924 года он поселяется во Франции, здесь редактирует журналы, устраивает философские чтения, публичные лекции, преподает.

В эмиграции Бердяев был самым известным русским философом. Его статьи и книги — всего их около 500 — переведены на многие языки, о нем написаны десятки исследований и диссертаций.

Умер Бердяев во Франции в 1948 году.

Мог ли предполагать Н. Бердяев, страстно веровавший в историческое избранничество России, в то, что придет время и Россия в запальчивости покажет ему на дверь и надолго от него отвернется? Случилось именно так. Десятки лет имя этого самобытного русского философа в лучшем случае не упоминалось вовсе, в худшем — сопровождалось «научной» бранью. «Реакционный философ-идеалист, белоэмигрант», «один из главарей богоискательства», «его мистические бредни приняты на вооружение врагами науки, прогресса и демократии, полны злобной ненависти к социализму». Это из энциклопедии 50-х годов.

Люди бывают несправедливы и ограниченны в своих суждениях о современниках. Но время в конечном счете все ставит на свои места.

О Бердяеве у нас известно сравнительно мало. Существует лишь несколько диссертаций и статей, посвященных этому оригинальному мыслителю. В 1976 году вышла книга В. А. Кувакина «Критика экзистенциализма Бердяева», где проанализированы его основные философские взгляды. Его философское наследие чрезвычайно неоднородно. Бердяев сам не раз подчеркивал, что за всю свою достаточно большую творческую жизнь не создал стройной философской системы. Он любил повторять: «Я живу, я расту» и не случайно одну из своих книг назвал «Самопознание». Саморазвитие и самопознание — это ключ к пониманию такого неординарного русского мыслителя, как Бердяев. Создается ощущение, что он постоянно, без возврата к уже созданным логическим ступеням строит лестницу своего миросозерцания.

Интересна его манера изложения. Он скорее показывает, чем доказывает. Пишу, как говорю,— это для философа в принципе не типично.

В Бердяеве сфокусированы многие традиции русского интеллектуализма, противоречивого, во многом новаторского. Да, он не принял революции. Это исходило из внутренней логики его убеждений. Но он выражал свое несогласие открыто. Его разногласия с марксизмом носили этический характер. Он категорически отвергал всякую организацию, построенную на принуждении. Он не хотел подчиняться никаким уставам — ни светским, ни церковно-ортодоксальным. Абсолютная внутренняя свобода — вот его фундамент...

Во многом Бердяев наш непримиримый оппонент. В его суждениях немало крайнего. Но в том, что у нас пробудился интерес к философу Бердяеву, появилось наконец намерение издать некоторые его труды, есть своя логика. Демократизация нашего общества, широкий плюрализм мнений позволяют нам непредвзято, учитывая все исторические реалии, взглянуть в прошлое, очистить его от наносного, яснее увидеть широчайшую панораму русской философской и общественной мысли, ярким самобытным выразителем которой и был Николай Александрович Бердяев.

Леонид ПОЛЯКОВ,
кандидат философских наук.

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

Николай БЕРДЯЕВ

СУДЬБА РОССИИ

* * *

С давних времен было предчувствие, что Россия предназначена к чему-то великому, что Россия особенная страна, не похожая ни на какую страну мира. Русская национальная мысль питалась чувством богоизбранности и богоносности России. Идет это от старой идеи Москвы, как третьего Рима, через славянофильство к Достоевскому, Владимиру Соловьеву и к современным неославянофилам. К идеям этого порядка прилипло много фальши и лжи, но отразилось в них и что-то подлинно народное, подлинно русское. Не может человек всю жизнь чувствовать какое-то особенное и великое призвание и остро сознавать его в периоды наибольшего духовного подъема, если человек этот ни к чему значительному не призван и не предназначен. Это биологически невозможно. Невозможно это и в жизни целого народа... Но осуществление мировых задач России не может быть предоставлено произволу стихийных сил истории. Необходимы творческие усилия национального разума и национальной воли. И если народы Запада вынуждены будут наконец увидеть единственный лик России и признать ее призвание, то остается все еще неясным, сознаем ли мы сами, что есть Россия и к чему она призвана? Для нас самих Россия остается неразгаданной тайной. Россия противоречива... Душа России не покрывается никакими доктринами...

Подойти к разгадке тайны, сокрытой в душе России, можно, сразу же признав антиномичность России, жуткую ее противоречивость. Тогда русское самосознание освобождается от лживых и фальшивых идеализаций, от отталкивающего бахвальства, равно как и от бесхарактерного космополитического отрицания и иноземного рабства.

* * *

Россия — самая безгосударственная, самая анархическая страна в мире. И русский народ — самый аполитический народ, никогда не умевший устраивать свою землю... Анархизм — явление русского духа, он по-разному был присущ и нашим крайним левым, и нашим крайним правым. Славянофилы и Достоевский — такие же в сущности анархисты, как и Михаил Бакунин и Кропоткин. Эта анархическая русская природа нашла себе типическое выражение в религиозном анархизме Льва Толстого.

* * *

Россия — самая государственная и самая бюрократическая страна в мире; все в России превращается в орудие политики. Русский народ создал могущественнейшее в мире государство, величайшую империю. С Ивана Калиты последовательно и упорно собиралась Россия и достигла размеров, потрясающих воображение всех народов мира. Силы народа, о котором не без основания думают, что он устремлен к внутренней духовной жизни, отдаются колоссу государственности, превращающему все в свое орудие. Интересы созидания, поддержания и охранения огромного государства занимают исключительное и подавляющее место в русской истории... Личность была подавлена огромными размерами государства, предъявившего непосильные требования. Бюрократия развилась до размеров чудовищных. Русская государственность занимала положение сторожевое и оборонительное. Она выковалась в борьбе с татарщиной, в смутную эпоху, в иноземные нашествия. И она превратилась в самодовлеющее отвлеченное начало; она живет своей собственной жизнью, по своему закону, не хочет быть подчиненной функцией народной жизни... Никакая философия истории, славянофильская или западническая, не разгадала еще, почему самый безгосударственный народ создал такую огромную и могущественную государственность, почему самый анархический народ так покорен бюрократии, почему свободный духом народ как будто бы не хочет свободной жизни?

* * *

Можно установить неисчислимое количество тезисов и антитезисов о русском национальном характере, вскрыть много противоречий в русской душе... Россия — самая небуржуазная страна в мире: в ней нет того крепкого мещанства, которое так отталкивает и отвращает русских на Западе... В русском народе поистине есть свобода духа, которая дается лишь тому, кто не слишком поглощен жаждой земной прибыли и земного благоустройства...

* * *

Душа России — не буржуазная душа, душа, не склоняющаяся перед золотым тельцом, и уже за одно это можно любить ее бесконечно...

* * *

Как человек должен относиться к земле своей, русский человек к русской земле?.. Прежде всего человек должен любить свою землю, любить во всех ее противоречиях, с ее грехами и недостатками. Без любви к своей земле человек бессилен что-нибудь сотворить, бессилен овладеть землей. Без стихии земли мужественный дух бессилен. Но любовь человека к земле не есть пассивное в нее погружение и растворение в ее стихии. Любовь человека к земле должна быть мужественной.

* * *

Наши националисты и наши космополиты находятся во власти довольно низких понятий о национальности, они одинаково разобщают бытие национальное с бытием единого человечества. Страсти, которые обычно вызывают национальные проблемы, мешают проявлению сознания. Работа мысли над проблемой национальности должна прежде всего установить, что невозможно и бессмысленно противоположение национальности и человечества, национальной множественности и всечеловеческого единства... Недопустимо было бы принципиально противополагать часть целому или орган организму... Национальность есть индивидуальное бытие, вне которого невозможно существование человечества, она заложена в самих глубинах жизни, и национальность — ценность, творимая в истории, динамическое здание. Существование человечества в формах национального бытия его частей совсем не означает непременно зоологического и низшего состояния взаимной вражды и истребления, которое исчезает по мере роста гуманности и единства... Человечество есть некоторое положительное всеединство, оно превратилось бы в пустую отвлеченность, если бы своим бытием угадало и упразднило бытие всех входящих в него ступеней реальности, индивидуальностей национальных и индивидуальностей личных... Всякая национальность есть богатство единого и братски объединенного человечества, а не препятствие на его пути.

* * *

С необычайной силой вспыхнули в нашем мире древние расовые и национальные инстинкты. Национальные страсти терзают мир и грозят гибелью европейской культуре... Современный национализм есть дегуманизация и бестиализация человеческих обществ. Это есть возврат от категорий культурно-исторических к категориям зоологическим.

* * *

В славянофильстве была своя правда, которую всегда было хорошо противопоставлять западничеству. Она сохраняется. Но много было фальши и лжи, много рабства у материального быта, много «возвышающих обманов» и идеализации, задерживающих жизнь духа... Россия национально самодовольная и исключительная — означает нераскрытость, невыявленность начала мужественного, человеческого и личного, рабства у начала природно-стихийного, национально-родового, традиционно бытового...

Для России представляет большую опасность увлечение органически-народными идеалами, идеализацией старой русской стихийности, старого русского уклада народной жизни, упоенного натуральными свойствами русского характера. Такая идеализация имеет фатальный уклон в сторону реакционного мракобесия.

* * *

Русскую самобытность не следует смешивать с русской отсталостью. Отсталость России должна быть преодолена творческой активностью, культурным развитием. Наиболее самобытной будет грядущая, новая Россия...

* * *

В русском человеке нет узости европейского человека, концентрирующего свою энергию на небольшом пространстве души, нет этой расчетливости, экономии пространства и времени, интенсивности культуры. Власть шири над русской душой порождает целый ряд русских качеств и русских недостатков. Русская лень, беспечность, недостаток инициативы, слабо развитое чувство ответственности с этим связаны. Ширь русской земли и ширь русской души давили русскую энергию, открывая возможность движения в сторону экстенсивности. Эта ширь не требовала интенсивности энергии и интенсивной культуры. От русской души необъятные русские пространства требовали смирения и жертвы, но они же охраняли русского человека и давали ему чувство безопасности. Со всех сторон чувствовал себя русский человек окруженным огромными пространствами, и не страшно ему было в этих недрах России. Огромная русская земля, широкая и глубокая, всегда вывозит русского человека, спасает его. Всегда слишком возлагается он на русскую землю, на матушку Россию... Вопрос об интенсивной культуре, предполагающей напряженную активность, еще не делался для него вопросом жизни и судьбы... И нужно сказать, что всякой самодеятельности и активности русского человека ставились непреодолимые препятствия. Огромная, превратившаяся в самодовлеющую силу русская государственность боялась самодеятельности и активности русского человека, она слагала с русского человека бремя ответственности за судьбу России и возлагала на него службу, требовала от него смирения... Он должен, наконец, освободиться от власти пространства и сам овладеть пространством, нимало не изменяя этим русскому своеобразию, связанному с русской ширью. Это означает радикально иное отношение к государству и культуре...

* * *

Исторический строй русской государственности централизовал государственно-общественную жизнь, отравил бюрократизмом и задавил провинциальную общественную и культурную жизнь. В России произошла централизация культуры, опасная для будущего такой огромной страны. Вся наша культурная жизнь стягивается к Петрограду, к Москве, отчасти лишь к Киеву. Русская культурная энергия не хочет распространяться по необъятным пространствам... В России существенно необходима духовно-культурная децентрализация и духовно-культурный подъем самих недр русской народной жизни, идущая изнутри всякого русского человека, всякой личности, осознавшей свою связь с нацией. Недра русской жизни не где-либо, а везде, везде можно открыть глубину народного духа. На поверхности национальной жизни всегда будут существовать духовные центры, но не должно это носить характера духовной бюрократизации жизни... В России повсеместно должна начаться разработка ее недр, как духовных, так и материальных. А это предполагает уменьшение различия между центрами и провинцией, между верхними и нижними слоями русской жизни, предполагает уважение к тем жизненным процессам, которые происходят в неведомой глубине и дали народной жизни. Нельзя предписать свободу из центра — должна быть воля к свободе в народной жизни, уходящей корнями своими в недра земли.

* * *

Демократию слишком часто понимают навыворот — не ставят ее в зависимость от внутренней способности к самоуправлению, от характера народа и личности. И это реальная опасность для нашего будущего. Русский народ должен перейти к истинному самоуправлению. Но этот переход зависит от качества человеческого материала, от способности к самоуправлению всех нас. Это требует исключительного уважения к человеку, к личности, к ее нравам, к ее самоуправляющейся природе. Никакими искусственными взвинчиваниями нельзя создать способность к самоуправлению. Разъяренная толпа, одержимая корыстными и злобными инстинктами, не способна управлять ни собой, ни другими. Толпа, масса не есть демократия. Демократия есть уже превращение хаотического количества в некоторое самодисциплинированное качество.

* * *

Если русское государство доныне не хотело существовать пассивностью своего народа, то отныне оно может существовать лишь активностью народа... Безумны те, которые связывают русскую самобытность и своеобразие с технической и экономической отсталостью, с элементарностью социальных и политических форм и хотят сохранить русское обличье через сохранение пассивности русской души. Самобытность не может быть связана со слабостью, неразвитостью, недостатками... В зрелый период исторического существования народа самобытность

должна быть свободно выраженной, смелой, творящей, обращенной вперед, а не назад...

* * *

Всю мою жизнь я был бунтарем. Был им и тогда, когда делал максимальные шаги усилия смириться. Я был бунтарем не по направлению мысли того или иного периода моей жизни, по натуре. Я в высшей степени склонен к восстанию. Несправедливость, насилие над достоинством и свободой человека вызывает во мне гневный протест. В ранней юности мне подарили книгу с надписью «дорогому протесташе». В разные периоды моей жизни я критиковал разного рода идеи и мысли. Но сейчас я остро сознаю, что, в сущности, сочувствую всем великим бунтам истории: бунту Лютера, бунту разума просвещения против авторитета, бунту «природы» у Руссо, бунту Французской революции, бунту идеализма против власти объекта, бунту Маркса против капитализма, бунту Белинского против мирового духа и мировой гармонии, анархическому бунту Бакунина, бунту Льва Толстого против истории и цивилизации, бунту Ницше против разума и морали, бунту Ибсена против общества, и самое христианство я понимаю как бунт против мира и его закона.

* * *

...Я пережил русскую революцию как момент моей собственной судьбы, а не как что-то извне мне навязанное. Эта революция произошла со мной, хотя я относился к ней очень критически и негодовал против ее злых проявлений. Мне глубоко антипатична точка зрения многих эмигрантов, согласно которой большевистская революция сделана каки-ми-то злодейскими силами, чуть ли не кучкой преступников, сами же они неизменно пребывают в правде и свете... Я давно считал революцию в России неизбежной и справедливой. Но я не представлял себе ее в радужных красках... Наивным и смешным казалось мне предположение гуманистов революции о революционной идиллии, о бескровной революции, в которой, наконец, обнаружится доброта человеческой природы и народных масс... Я всегда чувствовал не только роковой характер революции, но и демоническое в ней начало. И это нужно сказать и в том случае, когда мы видим правду в революции.

* * *

Годы, проведенные в Советской России, в стихии коммунистической революции, давали мне чувство наибольшей остроты и напряженности жизни, наибольших контрастов. Я совсем не чувствовал подавленности. Я не был пассивен, как в катастрофе, разразившейся над Францией, я был духовно активен. Даже когда была введена обязательная трудовая повинность и пришлось чистить снег и ездить за город для физических работ, я совсем не чувствовал себя подавленным и несчастным, несмотря на то, что привык лишь к умственному труду и чувствовал физическую усталость. Я даже видел в этом правду, хотя и дурно осуществляемую. Одно время жизнь была полуголодная, но всякая еда казалась более вкусной, чем в годы обилия...

* * *

Хотя я не относился довольно непримиримо к Советской власти и не хотел с ней иметь никакого дела, но я имел охранные грамоты, охранявшие нашу квартиру и мою библиотеку.

...Прежде чем был учрежден академический паек, который очень многие получили, был дан паек двенадцати наиболее известным писателям, которых в шутку называли бессмертными. Я был одним из этих двенадцати бессмертных, не совсем понятно, почему меня ввели в число двенадцати избранников, т. е. поставили в привилегированное положение в отношении еды. В то самое время, как мне дали паек, я был арестован и сидел в Чека.

* * *

Высылалась за границу целая группа писателей, ученых, общественных деятелей, которых признали безнадежными в смысле обращения в коммунистическую веру. Это была странная мера, которая потом уже не повторилась. Я был выслан из своей родины не по политическим, а по идеологическим причинам. Когда мне сказали, что меня высылают, у меня сделалась тоска. Я не хотел эмигрировать, и у меня было отталкивание от эмиграции, с которой я не хотел слиться...

* * *

...Вторжение немцев в русскую землю потрясло меня до глубины моего существа... Моя Россия подвергалась смертельной опасности, она могла быть расчленена и порабощена.

Было время, когда можно было думать, что немцы победят. Я все время верил в непобедимость России. Но опасность для России переживалась очень мучительно. Естественно присущий мне патриотизм достиг предельного напряжения. Я чувствовал себя слитым с успехами Красной Армии. Я делил людей на желающих победы России и желающих победы Германии. Со второй категорией людей я не соглашался встречаться, я считал их изменниками. В русской среде, в Париже, были элементы германофильские, которые ждали от Гитлера освобождения России от большевиков. Это вызывало во мне глубокое чувство отвращения. Я всегда, еще со времени моей высылки из России в 1922 году, имел международную ориентацию советскую и всякую интервенцию считал преступной. Я никогда не поклонялся силе, но силу, которая была проявлена Красной Армией в защите России, я считал провиденциальной. Я верил в великую миссию России...

Публикацию подготовил
Владимир ПАНКОВ

Уважаемый читатель, в следующих номерах журнала мы продолжим публикацию философского и духовного наследия наших предшественников. Судьбы и пути у многих из них были не просты и не прямолинейны. Но разве это дает право вычеркивать их имена из народной памяти? На этот вопрос хорошо ответил историк Марк Блок:

«Достаточно ли мы уверены в самих себе и в собственном времени, чтобы в сонме наших предков отделить праведников от злодеев?.. Нет ничего более изменчивого по своей природе, чем подобные приговоры, подверженные всем колебаниям коллективного сознания или личной прихоти... Всякий, кто отличается от нас — иностранец, политический противник,— почти неизбежно слывет дурным человеком. Нам надо лучше понимать душу человека хотя бы для того, чтобы вести неизбежные битвы, а тем паче, чтобы их избежать, пока еще есть время. При условии, что история откажется от замашек карающего архангела, она сумеет нам помочь излечиться от этого изъяна. Ведь история — это обширный и разнообразный опыт человечества, встреча людей в веках. Неоценимы выгоды для жизни и для науки, если встреча эта будет братской».

ИЗ ТЫСЯЧИ ОСКОЛКОВ

Честно говоря, стоя за спиной оператора ЭВМ в одной из комнат лаборатории архивного комплекса на Большой Пироговской, я не верил, что этот снимок вообще можно спасти. Но маленький черный шарик, вмонтированный в пульт ЭВМ, уверенно крутился под чуткими пальцами оператора, и, повинуясь ему, по изображению фотографии на экране дисплея проворно скользил белый кружок. Чем-то все это напоминало телеигру «Воздушный бой», только трещины, точки, царапины одна за другой исчезали под бегающим кружком.

Конечно, все происходит не так быстро. Но результат! Судите сами: перед вами несколько снимков, спасенных (по-другому и не скажешь) с помощью ЭВМ. Думаю, разница между оригиналами и копиями видна без объяснений.

Эту уникальную работу делают сегодня в лаборатории автоматизированных систем обработки изображений (АСОИЗ) Научно-исследовательского центра технической документации СССР Главного архивного управления страны.

— Первые опыты мы начали около десяти лет назад,— рассказывает заведующий отделом лаборатории Михаил Ильич Малышев.— Аналогов такой работе в архивной отрасли тогда не было, да и сегодня их практически нет. Во всяком случае в нашей стране мы начинали с нуля — подбирали и монтировали оборудование, разрабатывали технологию.

До сих пор лучшим способом реставрации любой фотографии оставалась ретушь. Дело это трудное, а главное — очень субъективное: сколько мастеров, столько и мнений о том, как нужно «раскрасить» тот или иной снимок, чтобы он выглядел «как новый». А дальше — в руки кисточку и скальпель, на стол — тушь и белила — и работай, ретушер. Часто из-за серьезных повреждений приходится практически заново рисовать фотографию. По сути, такой способ предлагает некую версию снимка. Но представьте себе, что реставрируется не просто пейзаж, а уникальный исторический кадр, каких много в наших архивах. Здесь каждая деталь неповторима. Какие уж там «версии» или «дорисовки»...

ЭВМ же начинает с того, что «считывает» снимок-оригинал строка за строкой, как мы читаем газету. А каждую строку изображения по порядку дробит на «буквы» — квадратики со стороной всего до 12 микрон — булавочный укол!

Теперь немного математики. Цветов на обычном фото всего два: черный и белый. И если квадратик светлый, машина для себя пометит его цифрой, ну, скажем, «один». Если темный — нуль. И запомнит уже не само изображение, а чередование этих чисел в строке: черный, белый, черный, черный, белый — 0, 1, 0, 0, 1... И так пока не пройдет по всему снимку, составив в памяти его картину, состоящую из сплошных цифр. Сочетание цифр «кодирует» даже оттенки: светло-серый, серый, почти черный и так далее. Это и есть так называемая «цифровая запись изображения».

Теперь главное: трещина, скол, пятно, царапина для ЭВМ — лишь разрыв в такой цепочке цифр. И машина с большой точностью подсказывает оператору, какие именно цифры —

Фотопортрет Айседоры Дункан, возвращенный к жизни (по-другому не сквжешь) с помощью ЭВМ. Таким способом отреставрировано ужв более двухсот редких снимков.

«единица» или «нуль» выпали из-за дефекта. Теперь легко восстановить весь ряд, а значит — изображение. Так, строка за строкой, человек и машина «достраивают» поврежденные снимки.

— А чем этот метод лучше ретуши? Все равно вы получаете копию,— спросил я у Малышева.

— Парадокс, но при машинной обработке зачастую копия оказывается... лучше оригинала. Более того, можно, скажем, сделать светлее темный снимок, ослабить фон, выделить четче лицо, повысить контрастность картинки и так далее. «Вкусовщина» при такой реставрации практически исключается, ведь где и какой был цвет, как я вам уже рассказал, подсказывает ЭВМ. Еще преимущество: работать по нашему методу может научиться любой человек.

Надежная память в архивном деле — свойство неоценимое. Обычный негатив живет лет сто, если его хорошо хранить. Цветной — в несколько раз меньше. Если при каждом репродуцировании пускать в дело оригинал, да и просто копировать его для сохранности, качество снимка будет неумолимо падать. ЭВМ же записывает в свою память раз и навсегда ту самую цепочку цифр, а по сути — фотографию. И пока она в состоянии отличить на магнитной ленте (как бы лента ни пострадала) единицу от нуля, остается возможность в любой момент получить точнейшую, без изъянов, копию фотографии, а оригиналы пусть хранятся в специальных условиях, в архивах. Такую запись можно тиражировать без ущерба для качества снимка. При переходе на оптические диски у магнитной ленты вообще появится практически вечный конкурент.

Значит, вечными будут и снимки. Так, цифровым способом в лаборатории уже отреставрировано более двухсот, а записано полторы тысячи фотографий. Немного вроде, ведь только Центральный госархив кинофотодокументов, например, хранит около миллиона фотографий, которые тоже можно «записать навеки».

Пока же реставрируются и вводятся в память ЭВМ только уникальные снимки. Так, возвращены к жизни фотопортреты Сергея Есенина, Н. И. Пирогова, Айседоры Дункан, Анны Ахматовой, Фридерика Шопена... Особняком стоит фонд фотографий В. И. Ленина, его соратников.

— Ленинские фотографии нуждаются в очень сложной и кропотливой работе,— вступает в разговор ведущий научный сотрудник Б. В. Крылов. Он в лаборатории считается самым опытным реставратором именно ленинских фотографий.— Мы ведь как архивисты обязаны сохранить на них каждую деталь. Вот посмотрите,— Борис Васильевич положил передо мной фото Ленина в Горках, сделанное Марией Ильиничной. Трещины сетью перечеркнули оригинал, белое пятно засветки «съело» часть фигуры Ильича и очертания летнего кресла, в котором он отдыхает. Сам же снимок почти черный.

Его осветлили, восстановили изображение деталей фигуры и кресла. Казалось бы, кресло-то зачем? Но если есть возможность вернуть изображение, пробуем. Другое дело, если оно безнадежно утрачено,— лучше оставить просто серый или темный фон.

Крылов — один из тех, кто разрабатывает специальные программы для ЭВМ. С их помощью можно, кроме уже названных операций, сделать многое. Так, например, с одного из снимков-дублей на другой однажды перенесли часть «утерянной» прически С. Есенина. Можно даже вернуть краски выцветшему цветному фото и так далее... Есть возможность для реставрации кинолент. Это, правда, сложнее.

Программы во многом универсальны. И потому нет ничего удивительного, что лаборатория помогает криминалистам, врачам, геологам. Интересуются ее работой и иностранные специалисты. Насколько мне известно, в заграничных архивах таких систем реставрации нет. Одна из причин — во многих странах считают, что фотографии надо хранить такими, какие они есть.

Это, честно говоря, непонятно. Сегодня архивы нашей страны, наконец, открывают свои закрытые прежде фонды. В лабораторию поступают снимки людей, долгие годы считавшихся «врагами народа». Хранились они «за семью печатями», осыпались, портились...

Так что же, «забыть» их снова? Не уверен. В нашей истории и так множество «белых пятен». Стоит ли оставлять их на фотодокументах?

Максим АЛЕКСЕЕВ

ВОЗРАЖЕНИЯ ПРИНИМАЮТСЯ

ПОРТРЕТ ИЛИ ПОДДЕЛКА?

Петр ЧЕРКАСОВ, доктор исторических наук

Годы моей учебы в университете (середина 60-х) совпали с усилением административно-идеологического давления на историческую науку, положившего конец многим интересным поискам и начинаниям в нашей историографии, последовавшим за XX съездом партии. Едва успев вдохнуть «глоток свободы», наше поколение историков поперхнулось на долгих двадцать лет. Иные так и не откашлялись...

На наших глазах по команде сверху возрождались несколько подновленные сталинские схемы и догмы из неиссякаемого, хотя уже и не называемого в открытую источника «мудрости» — «Краткого курса». Многие из нас избегали специализации по кафедре истории СССР советского периода, где, кстати, профессиональные требования были самые низкие. Зато туда охотно шел середнячок, да и бедняку от интеллекта податься было больше некуда. Насколько я знаю, эта тенденция сохранялась до последнего времени. На кафедры же истории КПСС и научного коммунизма пропуском служил партбилет или активная общественная деятельность, но, увы, не способности в науке. Наиболее способные студенты в течение последних двадцати лет «уходили» в изучение истории России либо во всеобщую историю, где сравнительно легче дышалось и думалось. Студенты-всеобщники, как правило, отличались более высокой культурой и лучшей профессиональной подготовкой. От них требовалось знание иностранного языка (а для античников и медиевистов — древнегреческого и латыни).

Однако это само по себе не могло, конечно, предопределить больших успехов в области изучения всеобщей истории. Советская историческая наука — это одно дерево, оно не может приносить разных плодов. Да и «садовники» у этого древа знаний долгое время были одни и те же. Они немало постарались, обильно поливая почву директивными постановлениями и указаниями, не скупясь на запреты, окрики, угрозы и оргвыводы. Член-корреспондент АН СССР П. В. Волобуев, доктор наук В. Д. Поликарпов и многие другие советские историки могли бы на основании собственного опыта порассказать о методах грубого администрирования в исторической науке.

Положение с кадрами специалистов по всеобщей истории до сего дня оставляет желать лучшего. Их квалифицированная подготовка осуществляется разве что в столицах — Москве, Ленинграде, Киеве, да еще в нескольких университетских центрах вроде Саратовского университета. В большинстве же провинциальных университетов и пединститутов дело обстоит из рук вон плохо.

Общая беда советской историографии, на мой взгляд, состоит в ее методическом консерватизме, в забвении того, что марксизм-ленинизм — не догма и не схема, а постоянно обновляющееся учение. Уверовав когда-то, что мы владеем самой передовой марксистской методологией истории, с помощью которой советская историческая наука действительно добилась значительных успехов, постепенно мы успокоились, не заметив, как стали отставать от уровня мировой историографии, одновременно твердя о кризисе и тупиках западных историографических школ.

Не может быть признано нормальным наше отношение к немарксистской историографии, в оценках которой нередки проявления какой-то истеричной агрессивности. «Разоблачить», «осудить», «пресечь попытки», «дать отпор», «вскрыть несостоятельность» — под шумок таких слов, огульных обвинений в антиисторизме и узкоклассовом подходе идет заимствование идей и фактов.

Многие наши исследования в области всеобщей истории страдают экономическим детерминизмом, вульгаризацией и упрощением классового подхода, спрямлением сложностей и многообразия исторического процесса. Постепенно из исследований исчезал главный субъект и творец истории — Человек, буквально задавленный в тисках производительных сил и производственных отношений. Экономическая история, историко-культурная антропология, историко-экологические и историко-демографические исследования, социальная психология, история семьи — во всем этом и во многом другом мы на сегодняшний день безнадежно отстали.

Возьмем Великую французскую революцию, к 200-летнему юбилею которой наше франковедение пришло с более чем скромными результатами. До сих пор единственной фундаментальной обобщающей работой здесь остается во многом устаревший труд, опубликованный почти полвека назад (в 1941 году) под редакцией академиков В. П. Волгина и Е. В. Тарле. Мы же можем поставить на юбилейную полку «новых поступлений» лишь несколько книг по более или менее частным проблемам. До последнего времени интересы советских историков сводились преимущественно к изучению якобинского периода. Для нашей историографии до сих пор (начиная с 20—30-х годов) характерны откровенная апологетика якобинской диктатуры и террора, идеализация якобинских вождей. Лишь сейчас наметился поворот к более трезвому, непредвзятому, а следовательно, более научному подходу в изучении Великой французской революции.

Нового подхода требует изучение истории международного коммунистического, рабочего и национально-освободительного движений, где апология преобладает над анализом, причем по мере приближения к сегодняшнему дню элементов научного анализа становится все меньше, он подменяется пропагандистскими штампами. Чтобы убедиться в этом, достаточно полистать биографические книги о деятелях освободительной борьбы. В массе своей они больше относятся к «житийной», нежели к научной или научно-популярной литературе. Не секрет, что они не пользуются спросом на книжном рынке. Читатель отдает предпочтение «Наполеону Бонапарту» А. З. Манфреда, «Генералу де Голлю» Н. Н. Молчанова, «Уинстону Черчиллю» В. Г. Трухановского... Он, читатель, легко и безошибочно отличает настоящий исторический портрет от апологетической подделки.

Оправдание революционного насилия, свойственное большинству наших исследований, сочетается с пренебрежением к изучению эволюционных форм исторического процесса, в частности к истории реформ. Не разрабатывались и альтернативные варианты исторического развития. До сих пор у нас нет подлинной истории Коминтерна и Коминформа, истории первой мировой войны и «холодной войны»... А разве может удовлетворить история второй мировой и Великой Отечественной войны, за написание которой в годы застоя авторы были удостоены правительственных наград?..

Да сколько еще их, «белых пятен», остается на нашей исторической карте! Можно только приветствовать инициативу Института всеобщей истории, взявшегося на первом этапе хотя бы за инвентаризацию этих «пятен». Работа предстоит огромная, но и интереснейшая.

Не могу не сказать и вот о чем. Как оценить в свете гласности продолжающуюся постыдную практику так называемых «закрытых защит», процветающих в исторических науках? Предполагается, что «закрытый» диссертант сообщает в своей работе нечто, не подлежащее огласке даже в научной среде. Это нечто заимствовано, как правило, либо из закрытых партийных и государственных архивов, либо из западной литературы и прессы. На деле же «закрытые защиты» давно уже превратились в прикрытие для слабых работ, авторы которых не рискуют выступить перед широкой аудиторией. Гриф «ДСП» облюбовали главначпупсы от бюрократии, желающие застраховаться сравнительно легкодоступной ученой степенью от превратностей изменчивой фортуны. Он дает им возможность избежать «опасных» вопросов, избавляет и от обязательных предварительных публикаций, без которых нет ученого, а есть только должность и втихую полученная степень.

Убежден, что будущее нашей исторической науки всецело и напрямую зависит от судьбы перестройки, от развития демократизации и гласности. Если мы будем продвигаться и вперед во всем, то выйдем на новые рубежи и в этой области, если нет — историография наша будет отброшена назад, в болото постыдного умолчания, лжи и фальсификаций.

По-русски Эллен — это Аленушка. Я спрашиваю, можно ли так ее называть, улыбнувшись, она соглашается, мы выпиваем еще по бокалу кисловатого божеле. Душный подвальчик кажется красноватым от рассеянного света, излучаемого алым торшером. Подвалы и чердаки в Гринвич-Вилидж оккупировали художники; Аленушка тяготеет к политологии, пишет докторскую о тоталитаризме и только что завалила экзамен профессору Бжезинскому, но она художник, хотя до сих пор не создала ничего такого, что можно было бы обозреть или прочесть. Художник — это характер: восприимчивость, порывистость, воображение, неординарность личности, оригинальность суждений. След, оставляемый художником,— результат его упорства. Аленушке именно сегодня стукнуло сорок, следа она пока не оставила и, пожалуй, не оставит, в лучшем случае — в свидетельствах друзей — писателей, актеров, художников. Они являются в подвальчик, выпивают по бокалу вина в честь «новорожденной», розоватые и размытые в мерцающем свете, представляют своих анемичных девиц в очках, молчат, потом исчезают. Мы остаемся одни и можем снова разговаривать по-русски. Меблировка подвальчика странноватая — стол, сделанный из пня, линялый матрац на полу, шарманка, шахматы из малахита.

— Ты играешь?

Садимся за шахматную доску, я начинаю партию с неохотой, расслабившись, чтобы дать шанс хозяйке, играю я недурно, но нельзя объявить женщине мат на десятом ходу, поэтому не пытаюсь сосредоточиться и на одиннадцатом ходу сам проигрываю. Во второй партии дело обстоит поиному. В третьей я уже отчаянно борюсь, прибегаю к замысловатым комбинациям, ничего не вижу, кроме фигур, что тают на моих глазах совершенно непостижимым образом. Больше проигрывать я не собираюсь, жажду объяснений. Оказывается, время от времени Аленушка играет с Фишером, а в соревнованиях на первенство мира удерживает недурные позиции, с вежливой похвалой она отзывается о моих усилиях, рекомендуя приналечь на теорию. Мы снова пьем вино. За последней бутылкой я набираюсь смелости и спрашиваю, правда ли, что у нее с Керенским...

Она спокойно это подтверждает.

Неделю назад я и понятия не имел, что Керенский еще жив. Сколько ж ему лет? Сто? Откуда. Всего девяносто, а выглядит он значительно моложе. Красив.

Что может быть общего у сорокалетней женщины с почти столетним старцем? Естественно, об этом я не спрашиваю, не настолько я пьян. Подобрав ноги, Аленушка садится на матрац и, уставившись в алый абажур, повествует о любви мрачной, безгранично требовательной, о потерявшем голову гимназисте, который пишет стихи, звонит по ночам, допытываясь, одна ли она, требуя отчета за каждый час, когда они не вместе, шепчет слова, каких не постыдился бы любовник Джульетты. Возможно, необходимо прожить целый век и за какую-то невероятную заслугу удостоиться благословения небес, дабы те ниспослали чувство такое трепетное, пламенное и вместе с тем такое трагическое, осознающее собственную неспособность увязать начала и концы.

— А ты?

— Я люблю его.

«Керенки» — были в России после февральской революции такие утратившие цену цветастые купюры. Вот первая ассоциация с Керенским.

Он родился в Симбирске, там же, где и Владимир Ульянов, оба ходили в одну гимназию, директором которой был отец Керенского. Когда стало известно, что Александр, брат Владимира, участвовал в заговоре против царя, власти пожелали исключить Владимира из учебного заведения. Керенский-отец воспротивился: уже в ту пору одни выступали сторонниками такой меры, как коллективная ответственность, у других же она вызывала отвращение. Директор настоял на своем, и Владимир Ульянов окончил гимназию. «Как вы считаете, господин премьер,— спросит Керенского через семьдесят с лишним лет американский журналист,— совершилась бы Октябрьская революция, если бы ваш отец уступил требованиям властей?»

Керенский ответил на это с иронической улыбкой, что не аттестатом зрелости определяются судьбы мира, Ульянов же хорошо учился, отличался образцовым поведением и его исключение из гимназии было бы актом произвола.

В качестве молодого адвоката Керенский участвовал в политических процессах, защищая революционных деятелей; в 1913 году, когда в Киеве инспирировали «Дело Бейлиса», которого обвиняли в ритуальном убийстве, он гневно нападал на царское судопроизводство, и его приговорили к восьмимесячному тюремному заключению.

Какое-то время Керенский был лидером фракции «трудовиков», политической думской группировки, боровшейся за предоставление земли крестьянам, отмену сословных и национальных ограничений, за всеобщее и равное избирательное право. После февральской революции он получил во Временном правительстве портфель министра юстиции. Позже пост военного и морского министра. В июле 1917 года он стал премьером, а 14 сентября провозгласил Россию республикой; обещал завершить войну с Германией, но не выполнил этого, зато ввел в армии смертную казнь. Не осуществил он и земельную реформу, не установил восьмичасового рабочего дня, не решил национальных проблем.

25 октября его политическую карьеру оборвал залп «Авроры»...

Аленушка родилась в Маньчжурии: в семье говорили по-русски, в школе по-китайски. Кроме китайского, она владеет еще и французским, ибо этому языку детей обучали в хороших домах. Она не из тех женщин, при виде которых у мужчин замирает дыхание, надо попристальнее приглядеться, чтобы заметить, какие громадные у нее глаза — темные, неспокойные, губы пухлые, словно созданные для поцелуев, а тонко очерченные мочки ушей едва выступают из-под копны черных и прямых волос, аскетически собранных в узел. Никакой помады, туши, духов. Свитер, джинсы. Вертикальная морщинка между бровями. Ослепительные, слегка неровные зубы.

— Как ты с ним познакомилась?

...В Лондоне несколько лет назад она намеревалась что-нибудь написать о нем, долго разыскивала его, наконец нашла брошенного сыновьями, неухоженного, без средств,

---

Польский писатель Александр Минковский родился в 1933 году в Варшаве. Во время войны находился вместе с родителями в Советском Союзе, учился в русской школе. Нв его счету около двадцати книг. Три из них — романы «Сорок на борту», «Непохожий» и повесть «Дороги воспоминаний» — изданы на русском языке.

В 1969—1972 годах А. Минковский вел семинар по современной польской литературе в Колумбийском университете (Нью-Йорк). Результатом поездки в США стал цикл документальных новелл «Ванеска из отеля «Манхэттен», к которому примыкает и публикуемый нами очерк, написанный позже.

Перевод с польского С. Ларина.

в доме для престарелых, где он ждал своего конца. Он был недоверчив, ворчлив. На обещание, что она вытащит его отсюда, ответил презрительной улыбкой.

Разум Аленушки, созданный для гамбитов и комбинаций, сразу отверг вариант с благотворительным обществом, готовым вложить средства в обеспечение спокойной старости человека из прошлого: кого это заинтересует? Деньги даются подо что-то. Словом, Аленушка предложила для продажи на аукционе запечатанный сургучом пакет с политическим архивом бывшего российского премьера. Что внутри — секрет. Вскрыть можно через столько-то лет после смерти Керенского. Кто пойдет на риск? Ведь возможно, там, внутри, такие тайны, что ой-ой!

Пошел на риск один американский университет: сто тысяч долларов, оплата будет производиться путем пяти годовых взносов. Керенский перебрался в Нью-Йорк. Когда обнаружилось, что он слепнет и необходима постоянная опека медсестры (плата за квартиру составляет пятьсот долларов в месяц), стало ясно: годового взноса едва-едва хватит. Но Керенский вернулся к жизни. Возможно, это их поначалу и связало: принесенная в жертву и заново обретенная жизнь.

Слеп он стремительно. Зрачки подернулись дымкой, против этого у медицины еще не было средств. Он узнавал Аленушку по ее шагам, дыханию, ждал ее ежедневно, всякий раз выходя из себя, как только занятия в Колумбийском университете задерживали ее или по каким-то причинам ей приходилось уйти от него раньше. Он уговаривал ее съехаться. Никак не мог понять, почему она так привязана к своей норе в Гринвиче, обвинял ее в том, что у нее любовники, злился, позже звонил, холодно прося прощения. Когда же она была с ним, он начинал нещадно осуждать идиоток, которые внушают себе любовь к старцам, называя чувством сострадания с примесью снобизма.

— Хватит притворяться,— яростно гремел он.— Я презираю жертвенность и не нуждаюсь в одолжении. У тебя кто-то есть, я знаю. Выходи за него. Меня можешь не стесняться!

— Я люблю тебя.

— Чепуха! Невозможно любить дряхлого старика. Видно, это они тебя подослали.

Тогда гнев охватывал Аленушку.

— Хорошо! Я прощаюсь с вами, Александр Федорович! С меня хватит!

— Елена, милая, ради бога...

Это было свыше ее сил: видеть слезы в уголках выцветших, неподвижных глаз. Примирение происходило безмолвно: прозрачно-легкая старческая рука гладила ее волосы, робко ласкала щеки, губы. Шумел в камине огонь, вплетаясь в мелодии Чайковского...

Последний глоток божеле. Наверху уже ночь. В качестве фона — извилистые улочки Гринвич-Вилидж с колоритными оборванцами, переполненными кафе, подъездами, в которых торгуют белым порошком, лавчонками, где предлагают восточные благовония и листовки контестаторов, процессией приверженцев Кришны, игроком с гитарой, девушками, целующими своих парней, уличными торговцами, что прямо на огне готовят шишкебаб, орешки, каштаны, кукурузу.

— Ты могла бы сводить меня к нему? — неуверенно спрашиваю я.

— Зачем? Он, собственно, никого уже не принимает. Стыдится своей слепоты. Попытаемся, может, тебя и примет.

Ист-Сайд — прекраснейшее место: серебристая река Гудзон, зеленые газоны, стеклянный рельеф здания ООН, а немного далее, в парке, особняк мэра... В элегантном доме напротив щегольского вида привратник распахивает перед нами дверь в вестибюль. Мы наискось пересекаем пушистый ковер, которым устлан вестибюль, минуем пальмы в кадках и в бесшумном лифте поднимаемся на пятый этаж. Время без трех минут четыре.

— Чуточку рановато...— бурчу я.

Аленушка отмахивается, нажимает на кнопку звонка. За дверью переполох, возбужденные голоса. Нам открывает темнокожая девушка в халатике медсестры. В глубине просторной прихожей я замечаю мужчину в серых брюках и белой сорочке, под подбородком у него крапчатый галстук-бабочка.

— Пиджак! — в отчаянии, гневно кричит он по-русски, не двигаясь с места.— Мой пиджак...

Аленушка наклоняется к медсестре:

— Быстрее пиджак...

Медсестра исчезает, возвращается с пиджаком, помогая хозяину надеть его. Старик застывает посреди прихожей и твердым, заученным шагом направляется в мою сторону. Он щуплый, маленький, с подстриженными ежиком густыми седыми волосами; черты лица исполнены достоинства, величавости.

— Здравствуйте. Керенский Александр Федорович.

Я пожимаю замершую в воздухе руку. Представляюсь; зрачки старца за толстыми стеклами в темно-коричневой оправе — большие, бесцветные. Доброжелательная улыбка. От ноздрей к подбородку сбегают две глубокие морщины. Шея выдает возраст: сморщенная, худая, с резко обозначенными струнами сухожилий.

— Милости просим,— Александр Федорович округлым жестом приглашает меня проследовать в гостиную.

Белая, очень светлая комната, с окнами на реку, по которой плывут прогулочные пароходы. Несколько антикварных вещей. На стене картина, нечто под Рубенса в тяжелой золоченой раме, и два скромно обрамленных современных натюрморта. Бар с алкогольными напитками, на низком столике коробка сигар и сигареты. Вязкий, пружинящий, цвета кофе с молоком ковер от стены до стены. Тонкий аромат одеколона.

Керенский безошибочно направляется к своему креслу. Это прямо-таки трон: с высокой резной спинкой, позолотой, красным плюшем. Он усаживается свободно, расстегивает пиджак, закидывает ногу на ногу, словно стремясь помочь мне избавиться от волнения, расслабиться. Все напрасно. Ощущение некоего величия, дистанции, границы, переступить которую невозможно: живой человек и сама история.

Аленушка понимает это. Легко улыбается мне, подталкивая к креслу, угощает сигаретами. Сначала Керенскому, которому она подает огонь. Потом разливает виски по трем бокалам, в каждый бросая по куску льда. Керенский затягивается, отпивает глоток. Вежливо интересуется, каким образом я так хорошо знаю их язык, ведь я не русский. Не совсем естественным голосом я поясняю, что детство в годы войны провел в России, в республике Коми.

— Где?

Я не могу вспомнить дореволюционное название местности, поэтому перечисляю населенные пункты: Сыктывкар, Ухта, Воркута. Александр Федорович движением головы дает мне понять, что уже все понял:

— В ссылке.

— Да, с родителями. Позже мы жили в Куйбышеве.

— В Самаре,— подсказывает Аленушка.

— Самара-городок,— усмехается Керенский, прикрыв глаза, он на несколько минут умолкает, как бы соизмеряя временную дистанцию, погружаясь в теплые, знакомые бездны...— И как там жилось?

— Голодно!

Вспоминаю о непосредственном доброжелательстве коми, которые делились с нами последней картофелиной. О военных сводках и благоговейной вере в Сталина, в то, что он вернет нам родину, прогонит фашистов.

— Великий человек,— отзывается Керенский.— Двое было таких: Петр Великий и он. Оба сделали Россию державой.

— Сталина восхваляешь? — с улыбкой спрашивает Аленушка.— Этого деспота?

— Только деспотизм способен из хаоса и нищеты создать истинно великое,— отвечает Александр Федорович.— Добром в политике ничего не добьешься. Я слишком поздно это понял. Насилие, железная дисциплина, но ради высокой цели можно и пострадать. Россия пребывала в спячке, он пробудил ее...

— Но какой ценой! — вставляет Аленушка.

— Что значит цена, если речь идет о мощи народа? — Керенский сердито потягивает из бокала и ощупью ищет пепельницу, чтобы погасить сигарету; Аленушка незаметно пододвигает ее.— Индустриальный гигант, военный колосс! Это его заслуга. Провел народ сквозь ад и вернул ему чувство собственного достоинства. Ныне каждый вынужден считаться с Россией. Сколько раз мы спасали мир,— обращается он ко мне, исполненный спокойной гордости, поднимая бокал с виски.— В 1812 году от Наполеона. В 1914 году от кайзеровской Германии, в 1945-м от Гитлера.

— Это правда,— констатирую я.

— Бедный, исстрадавшийся народ. И несокрушимо великий! Еще не раз выпадет ему на долю спасать мир от катастрофы.

Ощупью ищет бокал, который минуту назад поставил на стол. Его пальцы попадают в алкоголь. Испуганно, словно обжегшись, Керенский отдергивает руку. Краснеет, отворачивает голову, поправляется в кресле. В этот миг я с испугом замечаю, что у него снизу доверху расстегнута ширинка. Аленушка тоже видит это, застывает, закусив губу. Что будет, если он, случайно проведя рукой по молнии, поймет, что произошло? Сгорит со стыда?

— Вы учились с Ульяновым в одной гимназии,— начинаю я,— и могли быть с ним знакомы, спорить друг с другом...

— Вовсе нет,— холодно обрывает Керенский.— Он старше меня. Знаю только, что нравился девочкам, хотя был и невысокого роста, но красивый. Две соплячки — мои сверстницы — были влюблены в него...— Мой собеседник, задумавшись, прерывает рассказ, а я с беспокойством слежу за его рукой, которая снова что-то ищет на столике: только бы он не заметил непорядка в своем туалете...— Мне никогда этого не понять. Почему народ пошел за ним?.. Типичный интеллигент, воспитанный матерью в духе старой немецкой культуры. Ему постоянно приходилось укрываться за границей... Что в нем было такого, что позволило ему повести за собой массы?

— Может быть, идея...— вполголоса отзываюсь я.— Сама его личность?

Он обрывает меня, нетерпеливо поведя плечом.

— Я мог помешать им захватить власть. Если бы завершил войну, заключил мир с Германией. Мои генералы. Великолепные солдаты, пламенные патриоты — Алексеев, Брусилов... они не позволили мне сделать это. А народ уже по горло был сыт, жаждал мира. Большевики сумели этим воспользоваться...

Керенский подается вперед, находит мое плечо, кладет на него невесомую руку:

— Но во всем виновата Англия. Да, да, только она одна! Она добивалась победы большевиков.

— Не понимаю,— бормочу я.

— Никто не понимает! Между тем это по-детски очевидно, молодой человек. В глазах Англии Россия представлялась ненавистной конкуренткой. Речь шла о нашем крахе. Англичане решили, что большевизм ниспровергнет Россию в хаос, на долгие века выведет ее из строя. Поэтому они не оказали нам никакой помощи. И что же? Просчитались! Что ныне значит Англия в сравнении с Россией? Пылинка!

— Хочу задать вам один вопрос, Александр Федорович. Если бы история развивалась по-иному, каковы были бы ваши планы в отношении Польши?

Керенский кривится, просит сигарету. Аленушка протягивает ему уже зажженную, наполняет опустевший бокал. Я все еще с опаской поглядываю на его брюки: ладонь старца проплывает прямо над медными зубчиками молнии, почти задевая их...

— Итак, что же такое Польша, честно говоря? Искусственное образование. Она никогда не умела пожинать плоды своей независимости, использовать предоставившуюся ей возможность. Поляки враждовали между собой, жалуясь царям друг на друга. Склоки, измены, подкуп. Да, воевать вы умели. Грезить тоже, только не заниматься политикой. У русских уважение к власти — в крови. Полякам любая власть не всласть. А без уважения к власти, при отсутствии в народе дисциплины ничего путного не получится. Восстания и разделы. Любую победу вы обращали во вред себе.

Керенский улыбается:

— В ту пору я был озабочен более серьезными делами, нежели думами о вас. Простите за откровенность, молодой человек.

Я чувствую раздражение, и, пожалуй, это придает мне смелость.

— Правда ли, что вы бежали из Зимнего дворца в женском платье?

Представляю его себе в расклешенной юбке, в светлом парике, в туфельках на высоких каблучках, когда он растерянной рысцой выскальзывает через черный ход. С трудом сдерживаюсь, чтобы не улыбнуться.

— Неправда,— слышу спокойный старческий голос.— Во время штурма Зимнего я находился у коменданта Кронштадта. Быть в двух местах одновременно я не мог. Комендант, впрочем, оказался в чем-то даже худшим вариантом, нежели бегство в женском наряде. Хам...— Керенский морщится, как от зубной боли.— Выставил меня за дверь! В буквальном смысле! Когда я потребовал, чтобы он отдал своим офицерам приказ принести присягу Временному правительству, рявкнул, что русский солдат присягает только один раз, и вытолкал меня из кабинета. Ну, и мог ли я одолеть большевиков?!

У меня возникает ощущение, что старик самым непосредственным образом переживает те мгновения, словно все происходит только сейчас и еще можно что-то сделать, обратив события вспять. Он покраснел, тяжело дышит. На висках выступили капельки пота. Тонкие пальцы впиваются в обтянутые плюшем ручки кресла.

— Какая же дрянь этот комендант! — восклицает Аленушка.

— Скотина! — сопит Керенский, нащупывает бокал, его пальцы задевают расстегнутую молнию, но, к счастью, он не осознает этого, делает глубокий глоток.

— Не пей столько,— тихо просит Аленушка.

— Э, да что там... Признаюсь вам,— обращается он ко мне.— Я все обдумал подробнейшим образом, времени у меня было достаточно. Следовало подавить в себе интеллигентскую слабость, отбросить либерализм, действовать твердо, решительно. У меня оказались никудышные советники и дельные военные. Если б я выгнал тех и других, разоблачил козни англичан и заключил мир с Германией, история развивалась бы по-иному.

Можно ему поверить: он способен произвести впечатление, овладеть воображением. Лишь позже, после визита, я пойму всю гротесковость тогдашних своих ощущений, абсурдность этого «если б», истинное соотношение между историческим процессом и стариковскими комплексами. А может, все-таки? Ведь все варианты исторических событий невозможно опробовать лабораторным путем, ибо на самом деле возможен один-единственный. То, что со временем расценивается как ошибка, в тот момент могло казаться оптимальным решением. Результаты действий иного порядка просто невозможно предугадать: они не впишутся в кривую перепадов настроений, расположения звезд на небе, капризов природы, всех тех неведомых факторов, которые направляют реакцию масс. Бывшему премьеру может казаться, будто он напортачил в истории: он ведь всего-навсего сухонький старикашка, у которого из-за глаукомы угасают зрачки...

Я робко интересуюсь содержанием политического архива, который закупил у Керенского американский университет. Александр Федорович хитро улыбается, указывая на Аленушку, как солист на дирижера:

— Спросите ее.

И вспоминает, как в тридцать седьмом году он жил в Париже со своим камердинером Иваном, простым русским мужиком, бесконечно ему преданным. Иван служил у Керенского два года, не думая о жалованье, заботясь об Александре Федоровиче как о родном брате, во время его болезни провел возле постели больного, не сомкнув глаз, шесть дней и ночей. Готовил, убирал квартиру, делал покупки, вечерами играл на гармошке и пел старинные русские песни. Они были друзьями: в политике Иван не разбирался, во Францию попал чисто случайно, тосковал по родной деревне на Волге, рассказывал о ней настолько образно и подробно, что Керенский знал на память все тамошние крестьянские родословные, кто с кем и почему — он любил эти прогулки в Демидовку, время от времени под аккомпанемент гармони пел с Иваном грустные песни. Однажды ночью Керенский проснулся и в полумраке различил фигуру Ивана с пистолетом в руке. «Ну, стреляй,— воскликнул он,— только целься получше, чтоб я не мучился». Иван не мог решиться на такое: велел Керенскому отвернуться к стене, дважды выстрелил в потолок, выгреб из сейфа документы, которых в ту пору было еще немало, просил простить его и скрылся. Минуту спустя от ворот отъехал автомобиль с потушенными фарами.

— А те бумажки, что пошли на аукционе... барахло,— улыбается Александр Федорович и осторожно, крайне медленно поднимается со своего трона.— Прошу извинить меня, я устал. Ты, Елена, останься.

— Увы, Александр Федорович,— говорит Аленушка,— я спешу в университет. У меня лекция.

— Врешь!..— слышу я старческий шепот.— Хочешь уйти вместе с ним.

— Саша, клянусь тебе...

Шепот еще с минуту продолжается. Керенский умолкает, с достоинством выпрямляется и, уже овладев собой, холодно провожает нас к лифту.

— Я жил и продолжаю жить только для России,— сухо произносит он, подавая мне руку.— Жить для Родины — самая высокая цель. Прощайте!

Я вхожу в лифт первым. Краем глаза замечаю, как Аленушка чмокает Керенского в щеку, что-то шепча ему на ухо. Старик поводит головой. Перевожу взгляд на его брюки и с облегчением констатирую: молния застегнута — значит, Аленушка все-таки успела...

Минул год, и снова Манхэттен. Тот же подвальчик в Гринвич-Вилидж, алый торшер, шахматы из малахита. Аленушка в черных брюках и свитере, ее черные волосы, однако, уже не те, что раньше: в них проглядывают седые прядки.

— Ты все знаешь?

— Да,— отвечаю я.— Передавали сообщение по Варшавскому радио.

— Он мог еще долго жить, но не захотел. Просто решил умереть.

...Уже в больнице Керенский предложил Аленушке замужество. Она ответила отказом. Он сухо пояснил, что его смерть близка и ему хотелось бы сделать Аленушку своей наследницей. Он не богат, но тем не менее... Могут быть гонорары за переиздания его книг.

— Ты не умрешь,— возразила она.— Врачи сказали, что сломанная кость срастается нормально. Скоро вернешься домой.

— Не вернусь. Я решил умереть здесь.

Ему девяносто лет. Прожил он достаточно. Вскоре как раз последует последний взнос за архив, проданный университету. А жить подаянием он не намерен. Старый и слепой, он уже никому не нужен. Россия его не призовет. Мир мчится вперед без оглядки, все более непостижимый, все более обезумевший. Это не для него. Поумирали его друзья и враги, умерла сама эпоха, в которой он жил, настал и его черед. К счастью, его ум достаточно ясен, чтобы осознать это и принять решение.

— А я? — тихо спросила Аленушка.

— Прости. Для тебя я был только обузой. Злоупотреблял своими правами, эксплуатировал тебя. Тем, кто зажился на свете, пора на покой. Твоя жизнь устроится, может, с этим итальянцем Сальваторе. Ты молода и красива.

— Я хочу, чтобы ты жил.

— Зачем? Я устал от постоянного мрака. Слабеют мышцы, пропадает слух, обоняние, внутренние органы работают все медленнее. Конец необходимо ускорить.

— Саша!

— Больше сюда не являйся!

Он начал борьбу с жизнью так, как борются со смертью,— упорно, настойчиво. Сначала отказался принимать лекарства. Феномен его натуры проявился и в том, что он вопреки всему стал поправляться. Тогда Керенский заявил докторам, что есть он отказывается и просит оставить его в покое.

Врачам выполнять подобные желания запрещено. Керенского привязали ремнями к кровати и прибегли к капельному вливанию. Иногда ему рывком удавалось выдернуть иглу из вены. Медсестра не отходила ни на шаг. Организм больного противился его воле, не сдавался. Потом наступил период временного умопомрачения: Керенский при виде врачей начинал буйствовать — хрипел, плевался. Они спокойно сносили все это, выполняя свои обязанности. В истерзанном теле сердце отбивало удары, как колокол.

Даже на появление Аленушки он не реагировал, ее мольбы до его сознания просто не доходили. Только однажды он обратил к ней искаженное страданием лицо и дико крикнул:— Пошла вон!..

Керенский слабел, но продолжал жить. Профессор заверил Аленушку, что после вмешательства психиатров состояние пациента улучшится: имеются психотропные препараты, которые нейтрализуют упорство.

— Вы хотите парализовать его мозг?

— Это необходимо.

После недельной борьбы Керенский потребовал вызвать Аленушку и настоял, чтобы их оставили вдвоем.

— Они не позволяют мне умереть,— спокойно заявил он.— Ты должна мне помочь. В твоем районе продают героин.

Интуиция подсказала ей, что отговаривать бесполезно.

— Договорились,— ответила она.— Ради тебя я готова сесть в тюрьму.

— И что прикажешь мне делать? — бросил он.

Аленушка наклонилась над его постелью:

— Здесь все мигом откроется. Дома — другое дело. Прекрати голодовку, начни принимать лекарства. Тогда они выпишут тебя.

— А дома ты поможешь мне? Родиной поклянись!

Она дала ему эту клятву, сознавая, что выполнить ее не сможет.

Керенский попросил чашку бульона.

Выздоравливал он крайне быстро. Аленушка ежедневно его навещала, читала вслух стихи Есенина и Блока, с удовлетворением отмечая, как старческая физиономия покрывается первым легким румянцем.

— Как ты хорошо выглядишь,— сказала она неделю спустя.

Он нащупал на одеяле ее руку и впился ногтями.

— Сволочь!.. Радуешься! Соврала мне и не поможешь...

— Но...

— Вон! Вон отсюда!..

С той минуты он ни на что уже не реагировал. Его снова привязали ремнями к кровати, установили капельницу. Психотропные препараты, к удивлению специалистов, не действовали. Он тяжело дышал, начались спазмы. На двенадцатый день Керенский скончался.

Среди плеяды политических деятелей, вышедших на арену общественной жизни России с Февральской революцией 1917 года, Александр Федорович Керенский (1881—1970) занимает особое место. И не только потому, что с июля 1917 года до Октябрьского переворота он возглавлял Временное правительство, а с 30 августа (12 сентября) одновременно был и верховным главнокомандующим. В государственной и политической деятельности Керенского нашли отражение практически все проблемы жизни страны периода буржуазно-демократической революции.

Изложенные А. Минковским факты биографии «незадачливого премьера» в основном верны, но требуют некоторых уточнений. Прежде всего необходимо упомянуть о том, что 27 февраля (12 марта) 1917 года Керенский был избран товарищем (заместителем) председателя Петроградского Совета рабочих депутатов и членом Временного комитета Государственной Думы, объявившим себя 28 февраля (13 марта) органом государственной власти. В марте, когда, по выражению В. И. Ленина, «это было уже безопасно и не безвыгодно», Керенский стал числиться членом партии социалистов-революционеров (эсеров). С 1(14) сентября по 25 сентября (8 октября) он возглавлял «Директорию» («Совет пяти»), созданную в поисках выхода из правительственного кризиса, возникшего в связи с мятежом генерала Л. Г. Корнилова. После Октябрьского переворота Керенский 25 октября (7 ноября) бежал в штаб Северного фронта (Псков) и вместе с генералом П. Н. Красновым предпринял попытку вооруженной силой захватить Петроград и свергнуть Советскую власть. После того, как уже 1 (14) ноября революционные войска разбили силы контрреволюции, Керенский некоторое время нелегально скрывался в Петрограде, а в 1918 году стал эмигрантом.

Для читателя будут, видимо, небезынтересны характеристики, дававшиеся Керенскому В. И. Лениным в 1914—1917 гг.: «мелкий буржуа», сторонник «культурно-национальной автономии»; социал-шовинист, «один из самых левых среди русских трудовиков»; «представитель демократического крестьянства и, возможно, части увлеченных на буржуазный путь, забывших интернационализм, рабочих»; «русский Луи Блан»; «министр революционной театральности»; «бонапартист»; «один из Кавеньяков»; «подставная фигура капиталистов..., которую они пускают в ход, так и тогда, как и когда им требуется»; «корниловец»; «теперешний «царь», «бонапартист»...

Евгений ЖИГУНОВ,
кандидат исторических наук

И ЮРИДИЧЕСКОЕ, И ФАКТИЧЕСКОЕ РАВЕНСТВО

Галина ЛИТВИНОВА, доктор юридических наук

Много лет мы пребывали в уверенности, что все национальные проблемы решены. И поэтому ошеломляющими и неожиданными кажутся сегодня межнациональные конфликты. Откуда они возникли? От многонационального состава населения или от неурегулированности отношений между народами? Думаю, от последнего.

Юридическое равенство граждан, независимо от их вероисповедания и национальности, было установлено первыми декретами Советской власти. Для обеспечения фактического равенства потребовались годы.

Государство, сосредоточив в своих руках материальные и иные ресурсы, перераспределяло их исходя из принципа: более отсталой республике, региону бóльшие льготы и привилегии (в бюджетной, налоговой, кадровой политике). В годы первых пятилеток рост капиталовложений в народное хозяйство республик Средней Азии был в 5—6 раз выше, чем в РСФСР.

Ощутимые результаты дала политика закупочных цен. Например, в Средней Азии и Закавказье цены на хлопок, рис, цитрусовые существенно превосходили себестоимость производимого продукта, а основная сельскохозяйственная продукция Европейской части СССР (лен, картофель, зерно, продукты животноводства) закупалась по заниженным ценам. Таким образом часть доходов как бы изымалась из развитых районов и направлялась в менее развитые. Разумеется, при этом несколько затормаживались темпы социально-экономического развития других — центральных, передовых в то время районов страны. Но иного пути для быстрого подъема отсталых национальных регионов не было.

К началу 40-х годов в невиданно короткие исторические сроки нам удалось в основном достичь фактического равенства наций. Дальнейшее сохранение этих льгот и привилегий превратилось в свою противоположность. На населении славянских и прибалтийских республик, которое наиболее пострадало от войны, по-прежнему лежала вся тяжесть налоговой и бюджетной политики, политики закупочных цен и поставок. А ранее отсталые народы стали перегонять народы, оказывающие им помощь. В 50-е годы доходы колхозников Узбекской ССР были в 9 раз выше, чем в РСФСР. Стоимость валового сбора продуктов растениеводства за 1 трудодень по закупочным ценам того времени в Нечерноземной зоне РСФСР была в 10 раз ниже, чем в Узбекской ССР, и в 15 раз ниже, чем в Грузинской ССР. В России до начала 60-х годов существовали отдельные колхозы, где труд колхозников не оплачивался ни деньгами, ни продуктами.

По итогам переписи населения 1979 года русские, белорусы и народы Прибалтики, имевшие до революции высокий процент грамотности, сегодня среди занятого населения значительно меньше остальных обеспечены специалистами высшей квалификации. А среди имеющих наивысшие показатели — народы Закавказья и Средней Азии.

Обозначились национальные перекосы и в подготовке научных кадров. Сегодня самый низкий процент кандидатов и докторов наук среди научных сотрудников имеют русские и белорусы. Кризисная демографическая ситуация сложилась там, в тех районах, где изучать и решать их практически было некому.

Отмечавшийся до революции высокий естественный прирост украинского и русского населения резко упал. Только за последние десять лет (1970—1980) в России уменьшилась общая численность школьников (с 25,3 миллиона до 20,2 миллиона человек).

Правомерно ли рост численности советского народа осуществлять благодаря высокому приросту одних, при стабилизации других и вымирании третьих народов, независимо от того, большой это или малый народ? Думаю, что нет.

Четко обозначившиеся различия в социально-демографическом развитии республик и наций, падение удельного веса и численности одних при росте других могут отразиться на бюджетной напряженности, социальном прогрессе общества, решении военно-стратегических, продовольственных и иных проблем. Так, чрезмерно быстрое сокращение сельского населения, особенно молодежи, в селах России и Украины способно затормозить реализацию этой программы и даже усугубить дефицит продовольствия.

Если проблемы быстрорастущего населения Средней Азии и Казахстана изучают, обсуждают и решают в пяти республиканских Академиях наук, в пяти республиканских ЦК партии, в пяти республиканских советах профсоюзов, то острейшие проблемы жизни огромных экономических районов и областей РСФСР изучать и решать впрямую некому. Ни одного аналогичного компетентного, полномочного органа в РСФСР нет.

Не содействует смягчению ситуации и новый Закон «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона)». Он предусматривает создание в союзных, автономных республиках органов, способных оперативно решать социально-демографические и социально-экономические проблемы, — республиканских съездов Советов народных депутатов, а в крупных экономических районах РСФСР не будет создано ни одного такого органа, хотя не только экономические районы, но и области РСФСР по численности населения превосходят большинство автономных и часть союзных республик.

Должна ли судьба населения зависеть от того, в состав какой республики оно входит? Пора провести серьезную реформу управления территорией, руководствуясь принципом: каждый равновеликий по своему экономическому потенциалу, населению и территории регион должен иметь равные права, равные возможности в решении демографических и социально-экономических проблем. Такой путь будет содействовать расширению прав мест, не ущемляя национальных интересов республики.

Не исключено, что для обеспечения опережающих темпов развития регионов, оказавшихся под угрозой депопуляции (прежде всего — России), придется прибегнуть к оправдавшим себя и исторически проверенным методам — введению налоговых, бюджетных и других льгот. Но как только положение выправится, льготы должны быть отменены. И, конечно, все эти меры необходимо осуществлять на принципах гласности.

Рубрику ведет
Владимир НИКИТИН

С ПОДОРОЖНОЙ ПО КАЗЕННОЙ НАДОБНОСТИ

Эти фотографии — уникальная летопись жизни и быта Средней Азии на рубеже веков. Их создатель — ученый-этнограф, С. М. Дудин (1863—1929)

Встреча в забайкальской ссылке (куда Дудин попал за участие в революционном кружке) с путешественником Г. Н. Потаниным определила жизненный выбор будущего ученого. Его интересы сосредоточиваются на этнографии. Он собирает фольклор, делает зарисовки, серьезно изучает фотодело, для чего поступает помощником в фотографию Н. А. Чарушина. По совету Потанина Дудин принимает участие в знаменитой Орхонской экспедиции, которую возглавляет крупный ученый В. В. Радлов.

Приехав в столицу, недавний ссыльный поступает в Академию художеств, параллельно с занятиями принимает активное участие в этнографических экспедициях Академии наук. В 1893 году он совершил первую поездку в Туркестан. В 1897 году Дудин получил звание художника за картину «В храме Таниты». Высокого мнения об успехах Дудина был его учитель И. Е. Репин.

Так уж получилось, что к началу 900-х годов Дудина одинаково хорошо знали не только в Академии художеств, но и в Академии наук. Вот почему, когда вновь создаваемый этнографический отдел Русского музея решил отправить экспедицию в Среднюю Азию, выбор пал

Семья бухарских евреев

Туристы на регистане

Девушка из увеселительного заведения. Самарканд

Мороженщик на регистане

Шашлычник на регистане. Самарканд

Типы узбеков

на него — художника, этнографа, фотографа Дудина.

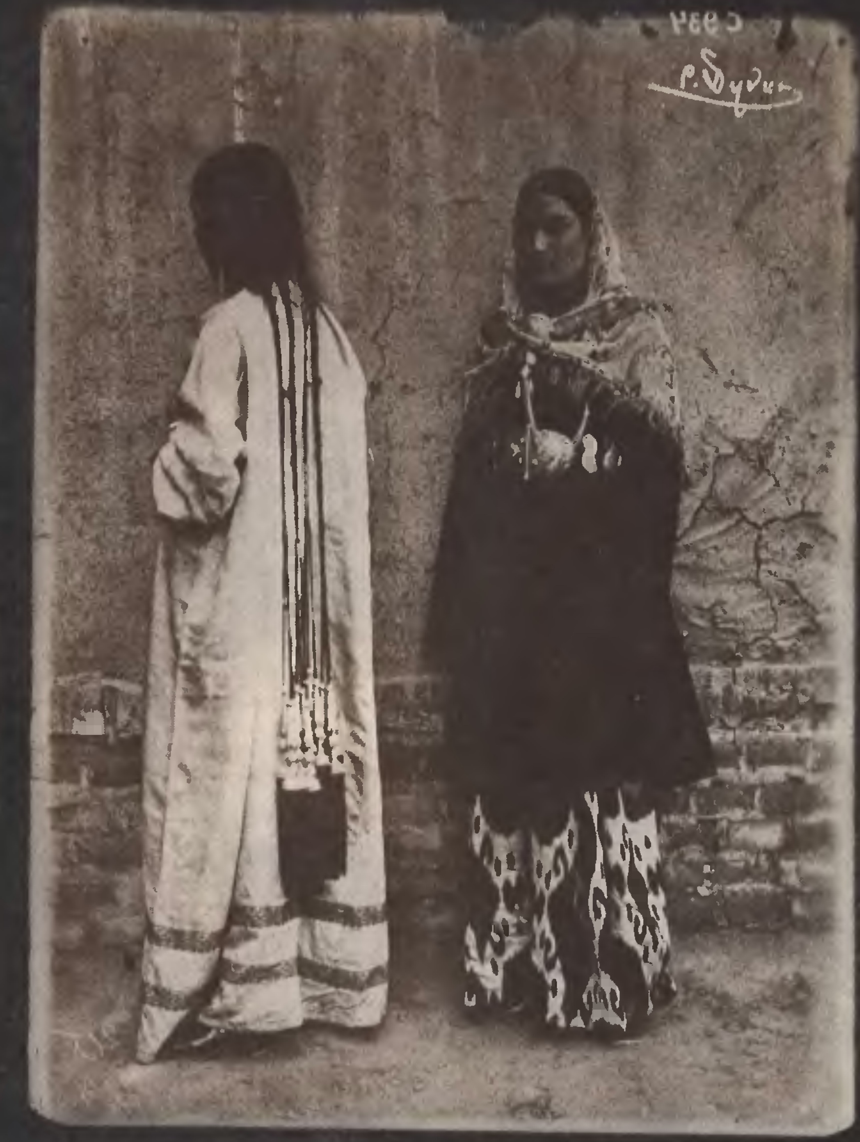
Экспедиция готовилась очень тщательно. В Германии были закуплены фотоаппараты, оптика, фотоматериалы. Изготовлены специальные вьючные ящики для аппаратуры и лабораторного оборудования — проявлять отснятый материал предполагалось непосредственно в дороге.

22 февраля 1900 года Дудин выехал в Самарканд. Путешествие это в общей сложности продолжалось три года. Из него Самуил Мартынович вернулся с богатейшей коллекцией фотоснимков, сделанных собственными руками.

«Я не придаю никакой цены снимкам сочиненным,— писал он в своем отчете,— какими переполнены почти все фотографии о наших «колониях» (Туркестан, Кавказ. — В. Н.). Все они производят антихудожественное впечатление и тем только усугубляют ложность впечатления, производимого ими. Мало того, от всех их пахнет, кроме того, анекдотом, это какое-то кривляние, а не фотографические снимки с натуры».

Творческое кредо — снимать жизнь таковой, какова она есть, позволило работам Дудина стать не только документом науки.

Фотоснимки Дудина интересно рассматривать — наблюдательность ученого, старавшегося запечатлеть конкретную ситуацию, позволяет почувствовать местный колорит, аромат ушедшей эпохи. С подорожной он объехал и исходил практически всю Среднюю Азию, в составе экспедиций С. Ф. Ольденбурга побывал в Восточном Туркестане и Западном Китае. И повсюду с ним был фотоаппарат. Во время этих путешествий были сделаны несколько тысяч негативов, представляющих огромную научную, художественную и историческую ценность.

Женские наряды Самарканда

Фотографии начала века из фондов Государственного музея этнографии народов СССР Ленинград

Казак-милиционер на ахалтекинце

Трудно перечислить все посты и должности, которые занимал Самуил Мартынович за годы своей жизни: заведующий отделом среднеазиатских древностей и отделом изображений, ученый секретарь Музея этнографии и одновременно — действующий художник, преподаватель университета. Но фотография всегда оставалась для него одним из самых главных дел. Летом 1929 года, находясь со студентами-географами (которым он преподавал фотографию) на практике в поселке Саблино под Ленинградом, Дудин внезапно плохо себя почувствовал и в ночь с 8 на 9 июля скончался от разрыва сердца. Так — с фотоаппаратом до последнего дня — закончил свой путь этот удивительно разносторонний человек.

МЕМУАРЫ

Михаил ЧУЛАКИ

Я БЫЛ ДИРЕКТОРОМ БОЛЬШОГО ТЕАТРА

ФРАГМЕНТЫ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Фото Вадима КИВРИНА

I. ПОСВЯЩЕНИЕ В РУКОВОДИТЕЛИ

Как-то в неурочный час меня вызвал заместитель министра культуры СССР Беспалов, совмещавший в те времена (1955 год) свой пост во вновь образованном укрупненном министерстве с руководством Главискусством, и, хитро поглядывая в мою сторону, стал интриговать:

— А хочешь, я тебя огорошу?

— Огорошь,— откликнулся я.

— А вот возьму и огорошу! — повысил голос мой патрон, смакуя перекаты полюбившегося ему, волжанину, многоокающегося словечка.

— Ну и огорошивай...

— А вот и...

Тут я должен отвлечься, чтобы рассказать о моем собеседнике, Николае Николаевиче Беспалове, в течение многих лет занимавшем руководящие должности в системе Комитетов по делам искусств РСФСР и СССР, где он зарекомендовал себя крепким организатором, нашедшим золотую середину: с одной стороны, умел строго взыскивать с подчиненных, с другой — неназойливо угождать начальству, избегая обременять вышестоящие инстанции излишними заботами. Хотя он никогда не был причастен к какому-либо виду искусства, тем не менее, обладая здравым смыслом, успешно руководил вверенным ему пестрым табором, где каждый по-особому «носил свою фигуру», как удачно выразился один из местных мудрецов.

Он был весьма осторожен в вопросах, требующих профессиональной компетенции, и никогда не выносил единоличных решений там, где требовалось оценить какое-либо заметное явление искусства. В этих случаях Беспалов неоднократно собирал совещания авторитетных специалистов, чтобы «перекрестно» апробировать их мнения, которые затем можно было положить в основу решений Комитета по каждому вопросу.

Прежде всего это касалось памятников, предназначенных для улиц и площадей столичных городов, а также полотен портретного содержания, рассчитанных для экспонирования на всесоюзных выставках, и тем более спектаклей Большого театра Союза ССР,— другими словами, всего того, что могли бы обозреть и с чем могли непосредственно ознакомиться руководящие товарищи, оценку которых следовало предвидеть и по возможности упредить.

А подкопов под благополучие председателей Комитета по делам искусств СССР со стороны подведомственного искусства было достаточно. Один лишь Большой театр своими усилиями в области создания историко-революционных опер, начиная с «Великой дружбы» В. Мурадели *, доконал уже нескольких предшественников Беспалова; недаром Николай Николаевич с такой опаской отнесся к новой работе, затеянной на первой сцене страны,— опере Ю. Шапорина «Декабристы».

Возвращаясь к памятникам, которые всегда причиняли наибольшие хлопоты руководителям Комитетов по делам искусств, я хочу особо выделить монументальные скульптуры Сталина, предназначенные для установки на самых людных площадях и перекрестках страны.

В этих случаях руководители комитета, отвечавшие головой за качество художественной продукции, предварительно апробировали и периодически контролировали процессы сооружения монументов, начиная от мастерских скульпторов, где будущие произведения впервые предъявлялись в глине, и кончая сдачей готовых работ Государственной комиссии, куда входили и представители комитета.

Согласно служебному положению, я несколько раз принимал участие в ознакомлении с ходом работ по ваянию подобных монументов. Из них мне особенно запомнилось посещение огромного сарая, который когда-то был построен для нужд дирижаблестроения, а впоследствии отдан для монтажа колоссальной статуи «вождя народов», предназначенной Волго-Донскому каналу.

Поражали сами «вводные» параметры этого монумента. Тридцатиметровая статуя должна была быть видна за много километров до подхода теплоходов к шлюзам, она замысливалась как бы вырастающей среди плоской степи, где ничто даже отдаленно не могло поспорить с циклопическими размерами этого воистину Колосса Родосского!

И, конечно же, потрясало воображение, что, сделанная из особо прочной бронзы, статуя была рассчитана на трехтысячелетнее бытие...

При первом нашем посещении монумент был уже вчерне смонтирован, однако еще отчетливо просматривались горизонтальные срезы поставленных друг на друга полых сегментов, из которых и была составлена гигантская фигура. На всем лежал отпечаток какой-то неправдоподобности, усугублявшейся тем, что на полу валялись детали, дожидающиеся своей очереди; среди этих «деталей» особенно запомнился сжатый кулак величиною с добрую комнату, который в ту минуту рабочие пристраивали к обшлагу, снабженному полутораметровой пуговицей со звездой.

Чтобы лучше рассмотреть портретное сходство, я поднялся на галерею на уровень головы Сталина, как вдруг в темечке статуи приоткрылся люк, оттуда вылез человечек и стал что-то там тюкать молоточком.

В этом было нечто совсем уж ирреальное.

По контрасту не могу не вспомнить, что вскоре испытал новое шоковое потрясение, правда, противоположного свойства, когда, посетив по совсем иному поводу мытищинскую скульптурную фабрику, я за каким-то деревянным забором внезапно наткнулся на целую толпу угрожающе надвигавшихся на меня двухметровых Сталиных; оказалось, что массовый тираж этих статуй ждал отправки по различным адресам обширной нашей страны...

Но не надо думать, что Беспалов во всех случаях считал себя недостаточно подготовленным для решения творческих вопросов. Обладая политической хваткой и вкусом, натренированным в процессе многолетнего общения с художниками, музыкантами, артистами, он являл собой пример руководителя-практика, умеющего быстро ориентироваться в сложных ситуациях и уверенно формулировать на председательском уровне резюме различных профессиональных дискуссий. И там, где была гарантия, что какой-либо вопрос не станет предметом суждения «инстанций», а замкнется на уровне руководства комитета, Беспалов решительно вторгался в области, например, камерной музыки, пейзажной живописи, в другие жанры, столь же далекие от большой политики.

Иное дело ответственные поручения, такие, скажем, как составление программ торжественных гала-концертов смешанного типа (или, как их тогда называли, «правительственных концертов»),— это он не доверял никому. Даже мне, призванному под знамена комитета на амплуа заместителя председателя по музыке. Видимо, считал, что я слишком академичен и не склонен достаточно серьезно отнестись к столь важному делу.

И все же я несколько раз удостоился наблюдать, как Николай Николаевич торжественно выдвигал правый нижний ящик председательского стола, доставал оттуда заветную подшивку программ за прошлые годы и начинал раскладывать пасьянс.

Для начала он выписывал на отдельных карточках названия: «Краснознаменный ансамбль», «Ансамбль Моисеева», «Хор Пятницкого», «Березка», «Кремлевские куранты» (МХАТ), Яхонтов («Маяковский») и т. д.

Было любо-дорого наблюдать, как Беспалов умело манипулировал карточками, перекладывал их в различных комбинациях, перемежал танцевальные ансамбли крупнейшими солистами, чередовал хоровое пение с оркестровой музыкой. При этом он, сверяясь с подшивкой, все время приговаривал:

— Это не годится, это они уже слышали в прошлом году...

— А этого они не слышали уже два года...

Постепенно карточки ложились в стройный ряд «новой» программы, в которой были учтены и календарные даты, и представительство различных республик, и многие другие тактические тонкости.

Но однажды эта проверенная система сверстывания «правительственных концертов» неожиданно дала сбой, и Беспалов попал в положение, которое ему, исправному служаке, показалось едва ли не безвыходным. Дело в том, что Комитет по делам искусств обязан был представлять программы концертов такого уровня на утверждение Президиума ЦК партии. На сей раз Секретариат ЦК, видимо, в интересах мобильности, выслал проект программы непосредственно каждому члену Президиума, а затем прямым ходом переправил их разноречивые мнения обратно в комитет для исполнения.

И тут Беспалов впервые растерялся.

Когда я зашел к нему в кабинет, он сунул мне пачку экземпляров злополучной программы, на которых были начертаны исключающие друг друга пожелания членов Президиума.

— Читай,— прохрипел Беспалов и отвернулся, как бы демонстрируя свою непричастность к происходящему.

Я прочел мнения, надписанные в форме резолюций наискось в левых верхних углах программы. Из них явствовало, что: выступление Краснознаменного ансамбля нужно

а) расширить

б) сократить

выступление «Березки»

а) исключить из программы

б) поместить в центре программы

ансамбль Моисеева

а) следует показать новые номера

б) оставить старые проверенные танцы

и т. д. и т. п.

В общем, как в анкете: ненужное вычеркнуть.

Неискушенный в большой политике, я посоветовал Николаю Николаевичу оставить все как было, разве что несколько подчистить и переставить порядок номеров: дескать, в конечном счете все с чем-нибудь да сойдется. Мой совет привел Беспалова в ярость.

— Да ты прочел ли сопроводиловку за подписью самого... (имярек), где черным по белому сказано: «Учесть мнение членов Президиума»?!

— А, впрочем,— продолжал он, все больше накаляясь и переходя на «вы», что у него служило признаком крайнего раздражения,— впрочем, вам-то что, вы композитор!

И он завел свою привычную погудку о безответственности специалистов, хотя и находящихся на государственной службе. Закончил решительным жестом в сторону «вертушки», как в просторечии назывался телефон правительственной связи.

— Вот, бери трубку и звони «наверх», раз ты такой храбрый!

Но когда я сделал шаг по направлению к телефону, Николай Николаевич, уже несколько поостывший (недаром вновь перешел на «ты»), придвинул аппарат поближе к себе и, после небольшого раздумья, углубился в свой привычный пасьянс.

Чтобы не мешать, я на цыпочках удалился.

...Как и ожидалось, концерт прошел безо всяких эксцессов, не хуже, чем всегда.

Продолжая тему Беспалова, я хотел бы воздать должное тем его качествам, которые позволили Николаю Николаевичу долгое время держаться на плаву в трудные сороковые—пятидесятые годы.

Прежде всего он удачно сочетал добротную грубоватость «человека из народа» с изворотливостью, оттренированной многолетней работой в государственном аппарате, где ему приходилось то и дело лавировать между Сциллой (трудно управляемой разношерстной массой работников искусств) и Харибдой (многоступенчатой системой руководящих организаций, куда комитет входил в качестве промежуточного, амортизирующего звена).

Следует особо отметить, что в процессе своей деятельности в Комитете по делам искусств Беспалову приходилось иметь дело не только с атрибутами культа личности: памятниками вроде волго-донского гиганта, станковыми полотнами на тему «Утро нашей Родины» и тому подобным,— но временами общаться и с самим объектом этого культа. В этих случаях в полной мере проявлялись свойственные Николаю Николаевичу присутствие духа и наход-

* В 1948 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «Об опере «Великая дружба», в котором был осужден «формализм» в музыке. В 1956 г. другим постановлением первое было частично отменено. Д. Д. Шостакович говорил о постановлении 1958 г.: «Историческое постановление об отмене другого исторического постановления...»

чивость в экстремальных условиях.

Приведу кое-что из рассказов Беспалова «под хорошее настроение», которое, увы, посещало его не часто. При этом, ведя рассказ от третьего лица, я по возможности постараюсь держаться лапидарной беспаловской речевой интонации.

Еще в бытность свою заместителем председателя комитета Беспалов както отбывал обычное по тем временам ночное бдение в родном учреждении. Шел третий час ночи, и он, более не предвидя в себе служебной надобности, лишь дожидался привычного сигнала «сверху», которым его уведомили бы из аппарата ЦК: дескать, ушел, можете закрываться...

И вдруг резкий звонок телефона правительственной связи из пустого кабинета председателя. Беспалов рысцой преодолел анфиладу комнат, отделявших его от председательского кресла, и, запыхавшись, схватил трубку:

— Комитет по делам искусств Союза, Беспалов слушает!

В трубке послышался спокойный размеренный голос с характерным акцентом:

— Товарищ Беспалов! Какую должность вы занимаете в комитете?

— Первый заместитель председателя, товарищ Сталин.

— Очень хорошо. Значит, вы можете сказать мнение комитета и лично ваше по поводу пьесы Вирты «Заговор обреченных».

А никакого мнения на этот счет ни у комитета, ни тем более лично у Беспалова не было, ибо никто не знал, с какого боку подступиться к этой непривычной по жанру пьесе, сочетавшей признаки документализма и свободного вымысла... Мозг Беспалова работал с напряжением в тысячи вольт и почти мгновенно выдал нейтральный ответ:

— Автор на нас не в обиде, товарищ Сталин.

— Я тоже так думаю, что пьеса хорошая,— послышалось в трубке.

Отлегло. Но еще рано успокаиваться.

— А какова дальнейшая судьба этой пьесы? — задал следующий вопрос неумолимый собеседник.

— Пять театров репетируют, товарищ Сталин!

— Очень хорошо,— повторил свою привычную фразу Сталин и повесил трубку.

Пронесло!

Но Беспалов знал, что Сталин ничего не забывает и при случае проверяет даже, казалось бы, самомалейшие мелочи. Поэтому на следующий день в пяти ведущих драматических театрах страны вместо плановых репетиций «Ревизора», «Горя от ума» и других классических пьес актеры спешно разучивали одобренную комитетом пьесу Николая Вирты «Заговор обреченных».

...Однажды, уже будучи председателем Комитета по делам искусств и по должности принимая участие в заседаниях Комитета по Сталинским премиям, Беспалов возвратился с очередного заседания этого комитета и рассказал нам, своим ближайшим сотрудникам, об особых обстоятельствах, сопутствовавших присуждению Сталинской премии писателю Злобину.

Рассказ Беспалова произвел весьма сильное впечатление; на какое-то мгновение показалось, будто ожили картины Страшного суда, как они бывали традиционно запечатлены на старинных фресках и в древних апокрифических сказаниях.

...Когда на заседании Сталинского комитета секретарь, зачитывавший протокол, дошел до пункта: «Премию первой степени в размере ста тысяч рублей присудить писателю Степану Павловичу Злобину за роман «Степан Разин», поднялся представитель органов государственной безопасности и сделал следующее заявление:

«У органов госбезопасности имеются сведения о серьезных грехах писателя Злобина, которые не только вызывают сомнения в целесообразности его награждения, но и не исключают применения к нему мер воздействия со стороны органов правопорядка. Как быть?» — закончил он, обращаясь лично к самому Сталину.

Наступила гробовая тишина. Все замерли. Один лишь Сталин продолжал по своему обыкновению мерно вышагивать из угла в угол, неслышно ступая по наборному паркету в своей мягкой кавказской обуви. Вдруг он остановился и, дважды прочертив в воздухе погасшей трубкой, негромко отчеканил: «Грехи простить. Премию дать».

Закончив свой рассказ, Беспалов немного помолчал и уже про себя вполголоса добавил:

— Ну, чисто господь бог...

Конечно, Злобину тогда крупно повезло. А сейчас, записывая этот давний эпизод, я невольно вспоминаю строки из поэмы Твардовского «За далью даль»:

Он мог на целые народы
Обрушить свой верховный гнев...

Хотя Беспалов не имел специального образования, он временами бывал вынужден вмешиваться и в дела музыкальные, особенно в тех случаях, когда требовалось неотложное решение комитета на высшем уровне.

Так случилось, например, с прелюдиями и фугами Шостаковича, которые сразу же после их обнародования были объявлены очередным вывихом композитора, незадолго до этого названного в постановлении ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948 года одним из главных формалистов в нашем искусстве.

Тут Беспалов, подобно мусоргскому Варлааму («Как дело до петли доходит»), сам взялся разобраться в столь щекотливом деле, для чего однажды после полуночи (самое подходящее, свободное от оперативной суетни время) собрал у себя группу музыковедов из числа работников аппарата комитета и устроил прослушивание новых сочинений Шостаковича.

Приглашенная в качестве исполнительницы Татьяна Петровна Николаева сыграла перед собравшимися четыре прелюдии и фуги, после чего Беспалов в весьма своеобразной форме открыл творческую дискуссию.

— Ну, бояре,— громогласно начал этот «министр изящных искусств», стоя посреди обширного кабинета и обращаясь ко всем вместе и ни к кому в отдельности,— за что вы обгоняли эту музыку?!

После такого «приглашения к прениям» никто из «бояр», разумеется, и не подумал высунуть нос и защитить точку зрения, которая могла бы хоть в малейшей степени подпасть под эстетическую категорию, столь определенно сформулированную председателем.

Тем и закончилась свободная дискуссия на полифоническую тему, в какой-то мере решившая судьбу данного произведения на начальном этапе выхода в свет.

Но особенно запомнился мне день 5 марта 1953 года. Во второй его половине я присутствовал на просмотре новой картины, созданной на студии «Мосфильм». Внезапно меня срочно вызвали в комитет к Беспалову.

Когда я торопливо вошел в председательский кабинет, там, кроме хозяина, уже находился Главный музыкальный редактор Всесоюзного радио композитор С. А. Баласанян.

— Ты что же, заместитель, смотришь кино, а того не знаешь, что умер Прокофьев?! — с места в карьер накинулся на меня патрон.— Ну, давайте, не теряя времени, сочинять текст соответствующего извещения.

Беспалов положил чистый лист бумаги и своим крупным почерком вывел первую фразу: «Умер Сергей Сергеевич Прокофьев...»

В этот момент резко зазвонил телефон правительственной связи. Николай Николаевич схватил трубку.

— Беспалов слушает,— сказал он и вдруг вытянулся по стойке «смирно».

— Умер товарищ Сталин,— хрипло выдавил он, дослушав краткое сообщение «оттуда».

И я впервые увидел непривычное: глаза всегда сурового Беспалова наполнились слезами, которые он тщетно пытался скрыть от нас двоих, находившихся в тот момент в его кабинете...

Дальнейшее припоминается отрывочно, как во сне.

...Я нахожусь на казарменном положении в здании Комитета по делам искусств на Неглинной, хозяйничаю в кабинете председателя, бесконтрольно распоряжаюсь целым табунком телефонов, среди которых выделяется заветная «вертушка». Хотя в моих руках сосредоточена вся траурная музыка, звучащая в Колонном зале Дома союзов, где стоит гроб с е г о телом (программа была тщательно проработана и расписана по минутам под моим руководством), фактически же я абсолютно отрезан от внешнего мира улицами, запруженными народом, стремящимся со всех сторон пробиться к центру Москвы, давно потерял управление оркестрами, и вот уже вторые сутки безрезультатно пытаюсь вызволить по телефону очередной из них, блокированный в «Фамусовском доме»* на Пушкинской площади. Да и не только я ощутил в те дни свою беспомощность,— даже всемогущая столичная милиция оказалась не в силах навести порядок среди бушующих волн людской стихии, в чем мне раздраженно признался (разумеется, по телефону,— вот когда пригодилась «вертушка»!) тогдашний начальник московской милиции по фамилии Пушкин.*

* Сейчас на этом месте находится новое здание газеты «Известия».

Зато в памяти отчетливо отложилось, как мы, сотрудники комитета, небольшой группкой продираемся с венком через Трубную площадь к Третьей Миусской улице, где в подвальном помещении так называемого «просмотрового зала» Союза композиторов установлен гроб с телом Великого Мастера Музыки Сергея Сергеевича Прокофьева. Вспоминается, как по мере отдаления от центра города продвигаться нам становилось все легче и легче, улицы оказывались менее запруженными толпами людей, да и не все надеялись попасть в Колонный зал Дома союзов, иные вышли на народ просто так, «за компанию», как на привычную демонстрацию. Поэтому наряду с выражениями глубокой скорби из толпы подчас слышались обрывки песен, приглушенные гармошечные переборы, а то и попросту «выкаблучивания» людей, стремившихся размяться, согреться после долгого ночного стояния.

В низком цокольном помещении, где в то время помещался Союз композиторов СССР**, мы застали немногих; было похоже, как будто в полумраке домовой церкви собрались родные и близкие усопшего, и они вполголоса перешептываются между собой, чтя покой дорогого им человека.

Не помню, что именно говорили ораторы — В. Белый, Дм. Кабалевский и даже я сам, ибо в голове пронзительно сверлила мысль: отныне и до века день смерти композитора обречен оставаться в тени ВЕЛИКОЙ КОНЧИНЫ...

А ведь моя и множества других музыкантов сознательная жизнь в искусстве прошла под знаком Прокофьева; даже первый вопрос, обращенный ко мне, новичку, когда я поступал в Ленинградскую консерваторию, был: «Ты прокофьист или скрябинист?»

В дальнейшем я постоянно по крупицам открывал для себя музыку Прокофьева, находя в ней все новые щедрые россыпи дерзкого и прекрасного искусства современности. «Вставайте, люди русские!» — одним из первых призывал композитор на бой с врагами в своей кантате «Александр Невский».

...И даже сейчас, когда он уже не принадлежит жизни и отбывает в свой последний путь, в нашем общем сознании вопреки реальности растет и ширится светлая, глубоко народная, патриотическая мелодия из оперы «Война и мир»:

Величавая, в блеске солнечных лучей,
Матерь русских городов,
Ты раскинулась предо мною, Москва!..

А дальше — с места в карьер, как в Мефисто-вальсе,— похоронный кортеж с заданной скоростью не ниже шестидесяти километров в час и по заданному окольному маршруту, в непрерывном мелькании незнакомых улиц и кривых переулков. Не хватало разве что фельдъегеря, но и он вскоре появился — в лице мотоциклиста сопровождения.

* Отстранен от должности сразу же после похорон И. В. Сталина.

** Сейчас в этом здании (по ул. Готвальда, 10) находится Музинформ СССР.

И вот мы стоим у разверстой могилы. Звучат слова прощания. На какой-то момент в разрыве облаков показалось солнце, и его косой луч осветил главы Новодевичьего монастыря.

И вновь отозвалось в памяти:

...в блеске солнечных лучей,
Ты раскинулась предо мною, Москва!

Затем — помятый, небритый, с оторванными пуговицами, но живой и в общем невредимый,— я продолжаю свое ответственное дежурство, находясь на казарменном положении при телефонах в здании Комитета по делам искусств, в двух шагах от Колонного зала Дома союзов, куда вот уже третьи сутки не могу пробиться даже по своему совминовскому служебному удостоверению.

...И вот через два года я снова в том же кабинете.

На этот раз глаза Беспалова в хитром прищуре:

— А хочешь, я тебя огорошу?

И огорошил-таки.

— Есть решение назначить тебя директором Большого театра. Да-да, того самого, что за углом на площади. Большого театра Союза ССР!

2. ЛИХА БЕДА НАЧАЛО

Итак, я директор самого большого в мире оперно-балетного театра, личный состав которого составляет свыше двух тысяч человек, считая артистов, работников постановочной части, технический и вспомогательный персонал, специалистов художественно-производственных мастерских, служащих управления делами, подразделений охраны...

В отличие от времен почти двадцатилетней давности, когда я, еще молодой и неопытный, не знал, с чего начать свою руководящую деятельность на посту директора Ленинградской филармонии, в Большом театре все было, что называется, на ходу, и мне оставалось лишь включиться в слаженный ритм работы коллектива.

В театр я пришел в разгар оркестровых репетиций новой оперы Дм. Кабалевского «Никита Вершинин» (по пьесе Вс. Иванова «Бронепоезд 14-69»), которую готовила для основной сцены постановочная группа в составе дирижера А. Ш. Мелик-Пашаева, режиссера Л. В. Баратова и художника В. Ф. Рындина.

Одновременно на сцене филиала репетировалась опера Обера «Фра-Дьяволо», которую ставил С. Я. Лемешев, исполнявший в ней заглавную роль.

Но вместе с тем с самого начала своей деятельности на руководящем посту я вплотную столкнулся со все теми же пресловутыми «правительственными концертами», подготовка к которым постоянно дезорганизовывала нормальную производственную работу Большого театра.

В те годы в Советский Союз зачастили иностранные делегации на различных уровнях, иногда это бывали даже главы государств, и тогда масштаб подготовки к концертам и ответственность за их качество возрастали до чрезвычайности. Подчас какой-нибудь особенно пышный концерт требовал трех-четырех репетиционных дней (за счет отмены плановых репетиций театра), дабы сверстать воедино на большой сцене отрывки из опер, балетов, оперетт, сцен из репертуара драматических театров, эстрадных и цирковых номеров, выступлений хоровых и танцевальных ансамблей. Особую трудность представляло то, что все это пестрое хозяйство должно было быть смонтировано впритык, без швов, чтобы одни исполнители сменяли других без пауз, едва те закончат свои выступления. Даже времени для изъявления зрительского одобрения не предусматривалось в регламентах подобных концертов.

Поэтому я решил в первую очередь попытаться сломать практику проведения «правительственных концертов». Но как? Ведь эта традиция коренилась в непонимании специфики искусства и основывалась на искреннем желании радушных хозяев полностью ублаготворить дорогих гостей, предложив им неудобоваримую мешанину на все вкусы.

Подходящий случай для задуманного представился в конце июня 1955 года, когда нашу страну посетил Премьер-министр Индии Джавахарлал Неру. Среди пунктов программы его пребывания в СССР значился и просмотр спектакля Большого театра, причем, как это было принято, название спектакля не расшифровывалось, само собой разумелось, что это должен был быть «правительственный концерт». Меня своевременно предупредили, чтобы вместо «Лебединого озера», намеченного на день посещения, я готовил бы концерт, соответствующий рангу высокого гостя.

И вот тут я рискнул не давать команды об отмене балетного спектакля, а, понадеявшись на испытанный русский авось, отложил организацию смешанного концерта на последний момент; в крайнем случае вывезет «видавшая виды» постановочная часть, которая, как я верил, сможет провести любую программу в импровизационном порядке...

И все-таки, не скрою, я чувствовал себя крайне неуютно во все время обеда, который был дан нашим руководством в честь Премьер-министра Индии; кусок, как говорится, не лез мне в горло, хотя столы ломились от всевозможных яств.

Но вот когда приглашенные стали расходиться, а хозяева удалились в кулуарные помещения, уведя с собой Неру и его дочь Индиру Ганди, меня остановил один из порученцев.

— Задержитесь,— сказал он,— сейчас товарищ Булганин будет приглашать господина Неру в театр.

И он исчез. Было уже около шести часов вечера.

Вскоре вестник возвратился, несколько обескураженный.

— Товарищ Булганин предложил Неру посетить Большой театр. «А что там идет?» — спросил Неру. «Концерт, очень интересный»,— ответил товарищ Булганин. «Нет, спасибо. Если бы в Большом театре шел какой-нибудь балет, тогда мы с удовольствием пошли бы на спектакль»,— сказал Неру.

— А можно ли еще вернуть первоначальный спектакль? Ведь у вас, кажется, предполагалось «Лебединое

озвро?»,— спросил с надеждой порученвц.

— Можно!

Так мне повезло бескровно разрушить заколдованный круг «правительственных концертов» да еще прослыть оперативным руководителем.

Здесь уместно вспомнить еще одну мою представительскую акцию на высшем уровне, хотя и относящуюся ко временам моего «второго пришествия» *. Речь пойдет о событиях лета 1966 года, когда Советский Союз посетил президент Французской Республики генерал де Голль.

Де Голля принимали торжественно и вместе с тем сердечно, и не только на уровне руководства, но и в народе, где герой и организатор французского Сопротивлвния пользовался особой популярностью и любовью. Поэтому для посещвния им Большого театра был разработан распорядок, при котором москвичи могли бы свободно поприветствовать гостя на площади перед зданивм театра.

Я был подробно проинструктирован о порядке предстоявшей встречи многоопытным Федором Федоровичем Молочковым, заведующим протокольным отделом МИД СССР.

Согласно утвержденному протоколу, президент с супругой должны были подъехать на автомобиле к главному подъезду театра, ответить на приветствия собравшихся москвичей с высоты ступеней знаменитой колоннады, затем войти в нижнее фойе, подняться по парадной лестнице и в верхнем фойе встретиться с советскими руководителями во главе с Л. И. Брежневым, после чвго по окончании взаимных представлений всем вместв занять места в Центральной ложе.

Мне и Молочкову было предписано встретить де Голля и его супругу у колонн, а далее уже мне одному ввести их в верхнее фойв и проводить до Центральной ложи, после чего стушеваться.

На практике всв оказалось не столь стройным, как зто было прописано в диспозиции.

Начать с того, что на площади собралось огромное число приветствующих, исчисляемое нв сотнями даже, а тысячами. Поэтому евтомобиль с президвнтом захлебнулся в плотной толпе и окончательно застрял, добрый десяток метров не доехав до заветных колонн. И тут же из него вылез сам генерал и с высоты своего роста стал дружески простирать свои руки-грабли во все стороны, стремясь ответить на все приветствия. Образовалась пробка, водоворот, в котором сразу же затерялась вго невысокая жена.

Стоя на ступенях колоннады, я видвл, как вращало и кидало эту маленькую пожилую женщину в бурных волнах людского моря, эпицентром которых был ее муж. С криком: «Пропустите, зто мадам де Голль!» — я стал изо всех сил продираться к нвй. До сих пор не понимаю, как мне удалось тогда в считанные секунды добраться до нее и за локоть вытащить на спасительные ступени.

Одновременно и Ф. Ф. Молочков вывел туда же самого де Голля, и все, наконец, воссоединились в нижнем фойе.

По лестнице мы поднимались, все еще запыхавшись. Я шел впереди, как хозяин, указывая дорогу, и даже пытался наскрести в своем французском лексиконе несколько подходящих случаю комплиментов; за мной следовал перешагивающий через две ступени генерал де Голль; его жена, быстро оправившаяся от недавней передряги, улыбаясь, семенила чуть сзади.

Так мы поднялись в верхнее фойе и сразу же увидели Брежнева, Косыгина и других советских руководителей, направлявшихся нам навстречу со стороны так называемого Бетховенского зала.

Я облегченно вздохнул и ретировался...

Но вернемся к тем временам, когда мне на первых же порах моего директорства повезло нарушить практику «правительственных концертов», многие годы дезорганизовывавших нормальную производственную работу Большого театра. Однако по-прежнему по нескольку раз за сезон проводились традиционные декады искусств союзных республик, центральными событиями которых являлись показы поставленных на местах национальных опер и балетов (на худой конец, музыкальных драм) на самой престижной сцене страны.

Ярым ревнителем демонстрации монументальных форм искусства союзных республик в Москве зарекомендовал себя министр культуры СССР Н. А. Михайлов, бог знает по каким признакам назначенный на этот пост в конце 50-х годов.

Кстати, узнав о назначении этого деятеля, шагнувшего на высшую ступень иерархии культуры из аппарата ЦК ВЛКСМ, мой бывший шеф Н. Н. Беспалов впал в озабоченность и мрачно предупредил меня: «Замотает тебя Михайлов, ох и замотает!»

И действительно, от Михайлова в театре просто житья не стало. Он постоянно искал случая выслужиться, причем не только пвред непосредственным начальством, но, что еще хуже, искал дешевой популярности и у руководителей республик.

Обычно он начинал дипломатическую подготовку в ходе заключительного спектакля какой-либо декады, пользуясь присутствием в ложе местного руководства. Схема разговора была примерно такова:

«Прекрасный спектакль! По-моему, он заслуживает быть в репертуаре труппы Большого театра. Я уже говорил об этом с вго директором, но тот почему-то не согласен со мной...»

Конечно, в зтом вопросе его всегда готовы были поддержать местные руководители, которые заодно проникались неприязнью к дирекции Большого театра.

Постепенно Михайлов дошел в своих мечтаниях до идеи полного насыщения репертуара Большого театра произведениями с мест. Он рассуждал весьма прямолинейно: «Большой театр может ставить в сезон не менее трех новых опер, следовательно, за пять лет он без труда освоит произведения из всех пятнадцати союзных республик, по одному от каждой. Остается лишь определить очередность постановок и утвердить в форме приказа пятилетний план обогащения ими репертуара Большого театра, который (то есть план) по сложившейся в нашей стране доброй традиции будет, конечно же, выполнен в четыре года...»

Просто и без затей!

Об зтих прожектах стало известно в Отделе культуры ЦК, и Михайлову было сделано соответствующее внушение. Он отреагировал в привычном для него стиле: стал начисто все отрицать. Для этого он даже специально пришел в театр и затеял со мной разговор во всеуслышание:

— Кто-то распространяет слухи, будто я рекомендовал Большому театру иметь в репертуаре некоторые национальные оперы!

— Так ведь вы постоянно об этом твердите...

— Нет, это неправильно!

— Но вы действительно трубите об этом на всех перекрестках...

— Это неправильно!

— Но ведь вы...

— Неправильно!

Вот и докажи что-нибудь человеку, который заладил «неправильно» да «неправильно». Добро бы он действительно был убежден в ценности отстаиваемых им произведений, а то ведь все из чистого карьеризма!

Как-то Михайлов присутствовал на представлении оперы «Пулат и Гульру» композитора Шарофиддина Сайфиддинова, которую привез к нам на свою декаду Таджикский театр оперы и балета. С зтой оперой у нас было немало хлопот, прежде чем ее можно было допустить до показа на Большой сцене. Скажу только, что автор настолько «недотянул» партитуру оперы, что к ее написанию были привлечены молодые (в те годы) московские композиторы Э. Денисов, А. Николаев и А. Пирумов во главе с доцентом В. Г. Фере, народным артистом Киргизской ССР; что декорации, в которых опера шла в Душанбе, не пригодились для Большого театра, и оформление спектакля было заново изготовлено в художественно-производственных мастерских ГАБТ; что хор Таджикского оперного театра оказался настолько слабым, что его по необходимости заменили хором Большого театра, которому для этого пришлось выучить хоровую партию произведения на таджикском языке. В довершение всего и в оркестровой яме все игровые места также были замещены приглашенными в разовом порядке высококвалифицированными артистами оркестра Большого театра...

Михайлов был на этом спектакле и остался очень доволен мастерством и слаженностью гастролирующего коллектива. Он даже не удержался от кивка в мою сторону, намекнув (в который уже раз), что дирекция Большого театра явно недооценивает профессионализма гостей.

— Очень неплохой оркестр у таджиков,— обратился министр через мою голову к присутствующим.— Конечно, это не оркестр Большого театра, но все-таки!.. — изрек он в заключение, поглядывая через барьер ложи на тюбетейки оркестрантов, исправно

* Силой обстоятельств я был дважды нвзначаем директором Большого театра Союза ССР — второй раз в 1963 году.

работавших под «взаправдашних» таджиков.

Сейчас, когда в ходе перестройки особенно заметен поворот всех общественных сил страны от «остаточности» в вопросах культуры и искусства к приоритетам социального предназначения, невольно приходит в голову, что выбор таких руководителей, как Михайлов, на руководящие посты в сфере духовного производства также коренится в давней привычке (чтоб не сказать больше — в сложившейся дурной традиции) сбывать в культуру людей, не справившихся с работой в других, более конкретных областях общественной жизни.

Кстати, Михайлов до назначения его министром культуры был всесторонне испробован на дипломатической работе сначала в Польше, затем в Индонезии. В роли же шефа культуры Советского Союза он продержался почти пять лет, прежде чем ему подобрали другую должность, соответствующую его номенклатуре (но отнюдь не данным).

На министерском посту Михайлов быстро стал притчей ео языцех. В своих выступлениях по бумажкам он сплошь и рядом скандально путал ударения, хотя бы в названии пьесы Шекспира, упорно называемой им «Два веронцá»! Иногда он приносил с собой в общественные места удивительные перлы, вроде нижеследующего:

— Иду я по улице Горького, вижу плакат «Квартет Бетховена», а перед ним — кучка молодых людей, кривляющихся на разные голоса: «Квартет Бетховена, квартет Бетховена»... Безобразие! Это для нас с вами Бетховен — пройденный этап, а им до Бетховена вще расти и расти...

Он считал себя вправе руководить не только театром в целом, но и отдельными артистами. В этом не отставала от него и его дражайшая половина Раиса Тимофеевна: та без стеснения перехватывала за кулисами исполнителей и громко отчитывала их за какие-то одной ей ведомые художественные огрехи!

Мне надолго запомнилось, как в процессе подготовки к поездке балетной труппы во Францию и Бельгию (1958 г.) я испытывал сильнейшее давление со стороны ретивого министра, который чуть ли не в приказном порядке добивался включения в гастролирующий состав некоторых балерин, абсолютно не занятых в утвержденном репертуаре, но зато близко знакомых домами с семьей Михайловых, а когда я кое-как отбился, он предложил мне организовать в странах пребывания специальные концерты, где участвовапи бы его протеже. И потом на протяжении всего срока гастролей он почти ежедневно телефонно и телеграфно бомбил меня вопросами, как идет подготовка к этим концертам и когда они состоятся...

3. «НЕ ТАНЦЕМ И НЕ ПЕНИЕМ ЕДИНЫМ...»

Еще в те времена, когда с проблемой стоимости Большого театра для государства (то есть с суммой государственной дотации) я сталкивался, так сказать, извне, еще тогда я стал настороженно относиться к различным проектам перехода музыкальных театров, тем паче Большого, на бездотационную работу. Я был достаточно осведомлен, как сверстывались финансовые планы в частных оперных антрепризах и чем обычно заканчивалась деятельность иных даже процветавших в свое время коллективов, товариществ и передвижных групп. В одном из парижских пригородов мне показали на каком-то складе и предложили купить для театра множество одинаковых больших серых ящиков с остатками реквизита труппы Дягилева, истлевавшими от сухости и поедаемыми молью... Так доживали свой век знаменитые некогда спектакли «Русских сезонов», от которых не только материальная часть, но и артистический состав оказался рассеянным по белу свету.

Теперь, придя в Большой театр, я как бы изнутри столкнулся с суммой проблем материального бытия огромного коллектива, связанного воедино согласованной работой разнообразных цехов и подразделений: художественных, технических, административно-управленческих...

Хотя львиная доля расходов на эксплуатацию Большого театра покрывалась за счет государственной дотации, определенный вклад в приходную часть сметы театр обязан был делать сам, перечисляя в госбюджет суммы от продажи билетов на спектакли основной сцены и сцены филиала*. А надо сказать, что планы по сборам для каждой из сцен были установлены высокие, и их в те времена оказывалось не такто легко еыполнить. Так, по основной цене продажа билетов должна была давать 98% от полного сбора (то есть практически лишь два билета в первом поясе партера могли быть не проданы); да и по филиалу далеко не всегда удавалось собирать необходимые 85% от аншлага**.

Сейчас, в наши восьмидесятые годы, кажется удивительным, что оставались непроданные билеты на спектакли Большого театра. Но ведь тогда, в пятидесятые годы, все было совсем по-другому.

Вспоминаю, как через полчаса после начала спектаклей на обеих сценах я с трепетом ожидал, когда мне принесут рапортички, сообщавшие о результатах сегодняшней продажи билетов. Нередко сведения бывали неутешительными, особенно когда на основной сцене шли оперы советских авторов,— и это вопреки утверждениям инстанций, ведающих музыкой, что, дескать, народ требует произведений на современные темы,— тех самых произведений, на которые их самих и на аркане, бывало, не затащишь! По аналогии вспоминаются безапелляционные утверждвния таких же «уполномоченных» говорить «от имени народа», которые еще в годы Великой Отечественной войны авторитетно доказывали, что солдаты на фронтах ждут прежде всего песен о самой войне, в то время как они, солдаты, куда больше ждали песен душевных, песен-весточек с родных мест и в массе своей категорически не соглашались с теми, кто от их имени отвергал такие лирические песни, как «Прощай, любимый город» и некоторые ей подобные, объявляя их упадническими...

«Боевое крещение», иначе говоря, первое столкновение с современной советской оперой у меня состоялось уже в самом начале моего директорства.

Как я говорил, к моменту моего вступления в должность на основной сцене готовилась премьера оперы Дм. Кабалевского «Никита Вершинин». Поставлена она была лучшими силами театра: дирижер А. Ш. Мелик-Пашаев, режиссер-постановщик Л. В. Баратов, художник В. Ф. Рындин. В ролях: неподражаемый А. Ф. Кривченя (Вершинин), любимец публики С. Я. Лемешев (китаец Син-бин-у), уникальный бас-«самосвал» А. П. Гелева (поручик Обаб), лучший меццо-характерный тенор театра Г. М. Нэлепл (капитан Невеласов), один из лучших лирико-драматических баритонов театра М. Г. Киселев (Пеклеванов)...

А народ как назло не пошел на спектакль. Невольно вспомнился афоризм, изреченный, правда, по другому поводу и в другом месте одним из умудренных опытом организаторов театральной жизни: «Если народ не пойдет, то его уже ничем не остановишь!» Мало того, вокруг плохой посещаемости советской оперы возникла масса домыслов...

Так, предприимчивые артисты эстрады Шуров и Рыкунин мгновенно освдлали столь благодатную тему и стали повсеместно распевать легкомысленные куплеты, подвергавшие осмвянию нелегкий труд композитора и театра; об этом чуть не плача сообщил мне сам Д. Б. Кабалевский. Я немедленно связался с Н. Н. Рыкуниным и возможно более убедительно рассказал ему о трудностях, стоящих на пути создания новых советских опер, о тех скромных достижениях и о тяжелых разочарованиях, которые ждут подвижников, избравших этот тернистый и неблагодарный труд. К чести Николая Николаевича Рыкунина он сразу же внял моим просьбам и изъял из репертуара зтот обидный для нас всех номер.

А тут вдруг удар в спину, на этот раз изнутри театра!

Группа артистов балета приготовила для общетеатрального капустника киносюжет, в котором фигурировал заведующий кассами М. И. Лахман, сидящий за окошечком в своем тесном помещении, сверху и донизу оклеенном првмьерными афишами «Никиты Вершинина» и тщетно уговаривающий смельчаков из очереди покупать билеты на новый спектакль Большого театра.

Нвт нужды объяснять, что таков зубоскальство не создавало благоприятного настроя для дальнейших творческих поисков...

И все же надо было находить выход

* До 1961 годв филиал ГАБТа помещался в здании бывшей оперы Зимине на углу Пушкинской улицы и Копьевского переулка. По окончании строительства Кремлевского Дворца съездов и последующей передачи его Большому теетру Союза ССР в помещении бывшего филиала ГАБТа стала давать свои спектакли труппе Московского тевтра оперетты.

** Аншлагвми издавна незывали в театральной практике вывешивеемые над кассами объявления об отсутствии в продаже билетов на данный спектакль. Нвиболве часто этот термин употребляют для обозначения полной суммы сбора от продажи всех билетов для данного театрального помещения.

из создавшегося положения и выполнять планы по сборам. Пришлось действовать в двух направлениях: во-первых, увеличивать в допустимых пределах количество спектаклей против запланированных, а во-вторых, периодически сдавать помещение театра организациям под проведение торжественных заседаний с последующим просмотром спектаклей современного оперного репертуара.

Выполнение первого пункта всегда приводило в конце сезона к тяжелым объяснениям в Минфине СССР, но об этом я расскажу несколько позже. Что же касается «принудительного» приобщения к творчеству современных авторов в области оперы, то тут у нас не было никаких угрызений совести, ведь мы пропагандировали искусство, которое «требовал народ», и тем самым помогали преодолевать барьеры, которые воздвигали между нами и «народом» косные культкомиссии, каждый раз заказывавшие одно лишь известное им блюдо: «Лебединое озеро» (правда, иногда и «Кармен»).

Но, что самое главное, в области советского оперного репертуара мы предлагали зрителям действительно стоящие спектакли.

Начать с того, что театр тщательно отбирал для постановки на своих сценах лучшие (во всяком случае, «профильные») произведения современных авторов, созданные на основе широко известных источников, заимствованных из художественной литературы.

Об опере Д. Б. Кабалевского «Никита Вершинин» уже говорилось выше; остается лишь добавить, что она была решена постановщиками в традициях монументальной русской оперной классики и тем самым хорошо вписывалась в основной репертуар театра.

Для постановки оперы Т. Н. Хренникова «Мать», написанной по одноименной повести А. М. Горького, театром был приглашен известный постановщик и универсальный актер Н. П. Охлопков, который внес в режиссерское решение этого музыкально-сценического произведения много выдумки и творческой фантазии.

А несколько раньше, в том же 1965 году, на сцене филиала была поставлена комическая опера В. Я. Шебалина «Укрощение строптивой», продолжившая прорыв в оперное искусство шекспировских тем, так удачно начатый балетом «Ромео и Джульетта».

Я уже упомянул, что по окончании каждого сезона театру приходилось защищать результаты своей финансовой деятельности в соответствующем отделе Минфина. Собственно говоря, персонально я как директор не обязан был принимать участие в этих отчетных походах, не доставлявших мне, мягко выражаясь, никакого удовольствия. Но, пожалуй, никто другой из персонала театра не смог бы убедительнее объяснить дотошным финансистам особые обстоятельства, по которым план все же бывал выполнен. Мне приходилось рассказывать минфиновцам и о декадах национального искусства, и о других аналогичных акциях, проводимых по решениям правительства; при этом я заострял внимание оппонентов на отменах наших плановых спектаклей (компенсируемых согласно положению по их полной аншлаговой стоимости). Говорил и об иных обстоятельствах в художественной жизни театра, которые не могут быть предусмотрены и поэтому не должны влиять на увеличение плана по его фактическому исполнению за предыдущий год.

Справедливости ради хочу подчеркнуть, что мои ежегодные походы в Минфин бывали небесполезны для театра. Во-первых, я отнюдь не играл там роли «свадебного генерала», так как постепенно настолько втянулся в повседневную деятельность руководимого мною высокого храма искусств, что мог почти на равных обсуждать со стражами госбюджета специальные вопросы, находящиеся в их компетенции; и, во-вторых, работникам узкого минфиновского профиля бывало лестно, что сам директор Большого театра советуется с ними, одновременно разъясняя им идейно-художественные задачи, стоящие перед обеими высокими договаривающимися сторонами.

Такова была нехитрая механика приведения в соответствие противоречий финансового плана с идейно-художественными задачами, стоявшими в те времена перед крупнейшим оперно-балетным театром страны.

Два слова о филиале.

Мне особенно врезалось в память, как каждый раз, когда дирекция разрабатывала календарь спектаклей на месяц вперед, перед нами неназойливо возникал маленький человек, смотревший на начальство влажными глазами-маслинами, скромно умоляющий подкрепить афишу. «Народных эс-эс-эр не хватает»,— плачущим голосом взывал к нам главный администратор филиала Хр. Арт. Абулов; мы не могли отказать ему и подкидывали в афише филиала парочку-троечку «народных эс-эс-эр»...

Уже в период моего «первого пришествия» в театр я вплотную встал перед дилеммой формирования состава труппы. Вначале, по своей наивности, я полагал, что стоит, например, собрать в Большом театре лучших вокалистов, переведя их из других театров страны, как сразу же все устроится наилучшим образом. Но мой пыл быстро охладила примадонна одного из республиканских театров, к которой я обратился с соответствующим предложением, спросившая, в каком репертуаре она будет выступать и с кем в очередь петь. Получив от меня несколько расплывчатые сведения, она сразу же отказалась от лестного предложения и откровенно заявила, что по комплексу артистических качеств не может претендовать на одно из первых мест в своем амплуа среди других звезд Большого театра и, следовательно, в лучшем случае обречена выступать один-два раза в месяц, то есть деградировать.

Кроме того, «комплекс артистических качеств» (на который сослалась в разговоре со мной певица) весьма лимитировал практическое распределение составов при игре на двух сценах,— иногда приходилось сталкиваться с сочетаниями, совершенно неприемлемыми, если не считаться со многими чисто внешними данными. Не раз, например, недоумение публики вызывали взаимоотношения главных героев в опере «Аида», когда лишь заядлые меломаны могли отвлечься от вопроса, почему Радамес предпочел неуклюжую, малопривлекательную дочь эфиопского царя ее обаятельной сопернице.*

Но подлинный конфуз испытал я, когда на мое попечение оставлен был некий знатный гость из одной ближневосточной страны; его привели в ложу дирекции филиала и попросили меня ввести в курс происходящего на сцене.

Я начал с того, что рассказал гостю литературное содержание оперы Чайковского «Иоланта», которая шла в тот вечер, причем обратил его особое внимание, что дочь короля Рене слепа от рождения и что любящий отец, желая уберечь ее от трагедии познания своего несчастья, с самых юных лет поместил ее под присмотр верных людей в отдаленный замок, куда вход посторонним был воспрещен под страхом смертной казни, а всем окружающим было строго-настрого приказано ни словом, ни намеком не обмолвиться о том, что у людей есть зрение, и принцесса жила в счастливом заблуждении, что мир ограничен областью осязаемого...

Гениальное оркестровое вступление к опере погрузило нас в бездну мрака, казалось, не будет конца нисхождению все более густых духовых тембров за пределы мыслимого, а затем... Затем открылась сцена, ярко освещенная, полная цветов. И под нежные звуки смычковых и арф девушки, сплетая венки, пели прелестную светлую мелодию:

«Вот тебе лютики, вот васильки,
Вот мимозы, вот и розы,
и левкоя цветки...»

— А это кто? — некстати вклинился с вопросом гость, указывая на крупную ширококостную женщину, сидевшую в центре, к которой очевидно было приковано внимание ее подруг.

— Это... Иоланта,— пролепетал я, чувствуя, что все мои пояснения касательно драматургии оперы летят насмарку: в лучшем случае гость составит самое превратное представление об условностях европейского оперного искусства.

Но гость попросту потерял всякий интерес к происходящим на сцене событиям и, видимо, опасаясь дальнейших «условностей» подобного же рода, ускользнул из ложи, забыв или не пожелав поблагодарить меня за пояснения, которые он счел столь некомпетентными, что заявил об этом в своем посольстве, а оттуда сделали представление министру культуры.

В свою очередь, и я в тот раз впервые «доосмыслил», насколько заботливо охраняет зрителей-слушателей наш гуманный пенсионный закон, помогающий заслуженным артистам музыкальных театров вести безбедное существование еще задолго до достижения ими срока выхода на пенсию по старости.

Окончание следует.

* Приятное исключение составили приглашенные из Англии для исполнения обеих этих ролей артистки Д. Хеммонд и К. Шеклок. Обе они были, что называется, в возрасте, но обе равно обаятельно выглядели на сцене, и можно было, отвлекаясь от разных привходящих обстоятельств, высоко оценить их музыкальность и умение создавать образы чисто вокальными средствами.

ПРИ СВЕТЕ ГЛАСНОСТИ

Барасби БГАЖНОКОВ,
заведующий сектором общих проблем Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института языка, литературы, истории

Сколько статей, сколько книжек и пухлых томов о «слиянии», «сближении» и «стирании» национальных граней издано в последние десятилетия. Именно к этому сводилась главным образом вся диалектика национальных процессов.

Мы отодвинули на задний план изучение реальных внутринациональных и межнациональных отношений. Теперь сама жизнь заставляет посмотреть на проблему иначе.

Прежде всего о понятии «внутринациональные отношения». Кажется, они вообще не фигурируют в нашей литературе. Народы похожи, но в то же время и непохожи друг на друга. Они по-своему работают, отдыхают, по-особому относятся к своему прошлому, настоящему, будущему. И нет ничего удивительного в том, что насущные проблемы народов имеют свою специфику. Например, перед так называемыми месхетинскими турками, часть из которых (около десяти тысяч) проживает сейчас в Кабардино-Балкарии, стоит дилемма: считать себя истинными турками или отуреченными грузинами. От ответа на вопрос зависит многое. Если в народе возобладает концепция грузинского происхождения, то следует ожидать, что настойчивость, с которой люди много лет добиваются возвращения в Южную Грузию, усилится.

Алгоритм национального долга примерно таков: «Я грузин и потому...», «я советский человек и потому...» Дальше идет длинный список действий, составляющих парадигму понятия: это и защита суверенных прав своего народа, и благородные поступки от имени народа, слова признательности ему — народу...

Многие годы у нас в стране долг перед своим народом рассматривали в ряде случаев как вредную и опасную бациллу. Между тем формировать советский патриотизм легче всего на основе русского, казахского, эстонского... патриотизма и национального достоинства. Конечно, национальный долг люди могут понимать и истолковывать превратно, в том числе в духе откровенного национализма. С этим нужно бороться. Но исключать «национальный долг» из нашего лексикона, чуть ли не налагать на него вето по меньшей мере неразумно.

Когда Кабардино-Балкарию оккупировали немцы, создалась реальная угроза уничтожения проживающих в республике татов. Избежать геноцида этого маленького народа удалось, расселив людей в кабардинских семьях. Можно привести множество других аналогичных примеров: воспитание в русских семьях испанских детей, братская помощь народов мира армянскому народу, оказавшемуся в беде в результате сильнейшего декабрьского землетрясения 1988 года.

Столкновения национальных интересов тоже отнюдь не редкость в сегодняшнем мире. Изучение этих случаев, создание технологии разрешения конфликтных ситуаций — задача первостепенной важности. Сначала надо выяснить, какие личные и общественные вопросы решаются через межнациональные. Затем можно посмотреть, какие легко устранимы, какие с трудом и какие остаются неразрешенными. Таким образом можно получить полезную информацию о том, какие претензии, подозрения, обиды накопились у людей. Это чрезвычайно важно, потому что нередко межнациональные конфликты возникают и разгораются из-за отсутствия достоверной и достаточной информации, которая восполняется слухами.

Есть, конечно, некоторые объективные обстоятельства, порождающие непонимание и недоверие. У нас в стране такое положение сложилось в результате большой централизации власти, господства командно-административных методов руководства. Сегодня, как известно, ведется большая работа по преодолению этих недостатков.

К сожалению, случаи, когда один народ самоутверждается за счет и в ущерб другому народу, на Земле еще нередки. Это консервативная тенденция развития национальных отношений. Но намечается, набирает силы и становится преобладающей другая тенденция — гласных плодотворных контактов не в ущерб самобытности народов. Я думаю, что будущее, в том числе и будущее Советского Союза, — за такой формой национальных отношений.

ВОПРОС — ОТВЕТ

КТО СОЗДАЛ ПЕРВЫЙ ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АТЛАС?

Первый сборник карт, названный атласом, был составлен фламандским картографом Герардом Кремером (1512—1594). По бытовавшей тогда традиции он перевел свою «простонародную» фамилию Кремер на ученую латынь — Меркатор.

Сборник карт Меркатора вышел в 1595 году, через год после его смерти. На титульном листе был изображен мифический гигант Атлант, или Атлас, поддерживающий на своих плечах земную сферу. Отсюда и название.

Итак, атлас — творение Меркатора. Но сборники карт, пусть и не называвшиеся атласами, существовали и до него. Древнегреческий астроном Птолемей создал такой сборник во втором веке нашей эры, карты в нем были, разумеется, рукописными.

Первым русским атласом можно считать «Чертежную книгу Сибири», составленную в 1701 году в Тобольске Семеном Ремезовым. В атлас входило 23 карты.

ИЗ ЛЮБОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ МОЖНО УЗНАТЬ, ЧТО КОНСЕРВЫ ИЗОБРЕЛ В 1809 ГОДУ ПАРИЖСКИЙ ПОВАР НИКОЛЯ АППЕР. А КТО И КОГДА ИЗОБРЕЛ КОНСЕРВНЫЙ НОЖ?

Как это ни странно, консервный нож моложе консервной банки примерно на полвека.

Первые консервы вообще не нуждались в особом инструменте для открывания. Аппер помещал свою продукцию в стеклянные банки, плотно укупоривал их корковой пробкой. Металлические консервные банки появились в Англии лет через пятнадцать после изобретения Аппера, а получили широкое распространение лишь в шестидесятых годах прошлого века. Видимо, в это время и изобрели нож для их открывания. Имя его изобретателя так же неизвестно, как имена тех, кто первым придумал молоток, ножницы или пилу. Неизвестно даже, в какой стране сделано это изобретение.

Насколько можно судить по литературе, первый консервный нож был довольно сложным устройством, монтировавшимся на прилавке магазина. По желанию покупателя продавец открывал купленные банки, и их несли домой открытыми.

Первые портативные консервные ножи появились около 1885 года.

Варлам ШАЛАМОВ
(1907—1982)

В. Шаламов с женой Г. И. Гудзь. Москва. Начало 30-х годов.

Реабилитировать воплощенную в слово мысль оказалось труднее, чем человека. Вот почему творчество В. Шаламова только сейчас по-настоящему и в полной мере приобретает права гражданства у себя на родине.

КОЛЫМСКИЕ РАССКАЗЫ

БЕРДЫ ОНЖЕ

Анекдот, превратившийся в мистический символ. Живая реальность, ибо с подпоручиком Киже общались люди как с живым человеком... Поразительная история павловского времени, так хорошо рассказанная нам Юрием Тыняновым, долгое время не принималась мной как запись были, была для меня лишь гениальной остротой, злой шуткой какого-либо досужего вельможи-современника, превратившейся, помимо воли автора, в ярчайшее свидетельство черт примечательного царствования. Лесковский часовой — история того же плана, утверждающая преемственность нравов самодержавия. Но самый факт царевой «описки» внушал мне сомнения — до 1942 года.

...Побег был обнаружен лейтенантом Куршаковым на станции Новосибирск. Всех арестантов вывели из теплушек и под мелким холодным дождем считали, «перекликали» по списку на статью и срок — все было напрасно. В строю по пять было тридцать восемь полных рядов, а в тридцать девятом стоял один человек, а не два, как было при отправке. Куршаков проклинал минуту, когда он согласился принять этап без личных дел, прямо по списку, где под номером шестьдесят значился бежавший арестант. Список был затерт, притом бумагу никак нельзя было уберечь от дождя. От волнения Куршаков едва разбирал фамилии, да и буквы в самом деле расплылись. Номера шестьдесят не было. Половина пути уже была пройдена. За такие потери взыскивали строго, и Куршаков уже прощался с погонами и офицерским пайком. Боялся он и отправки на фронт. Шел второй год войны, а Куршаков счастливо служил в конвойной охране. Он зарекомендовал себя исполнительным и аккуратным офицером. Десятки раз возил он этапы, большие и маленькие, водил эшелоны, бывал и в спецконвое, и никогда не было у него побега. Его даже наградили медалью «За боевые заслуги» — такие медали выдавали и в глубоком тылу.

Куршаков сидел в теплушке, где помещалась охрана, и дрожащими, скользкими от дождя пальцами перебирал содержимое своего злополучного пакета — продовольственный аттестат, письмо из тюрьмы в адрес лагерей, куда он вез этап, и список, список, список. И из всех бумаг, из всех строк он видел только цифру «192». А сто девяносто один арестант был заперт в закрытых наглухо вагонах. Промокшие люди ругались и, стащив с себя пиджаки и пальто, старались подсушить одежду на ветру у щели дверей вагона.

Куршаков был растерян, подавлен побегом. Конвойные, свободные от наряда, пугливо молчали в углу вагона, а на лице помощника Куршакова старшины Лазарева отражалось попеременно все то, что было на лице его начальника,— беспомощность, страх...

— Что делать? — сказал Куршаков.— Что делать?

— Дай-ка список.

Куршаков протянул Лазареву несколько измятых, сколотых булавкой бумажных листков.

— Номер шестьдесят,— прочел Лазарев.— Онже Берды, статья сто шестьдесят вторая, срок десять лет. — Вор,— сказал Лазарев, вздыхая.— Вор. Зверь какой-то.

Частое общение с воровским миром приучило конвойных пользоваться блатной феней, воровским словарем, где «зверями» называются жители Средней Азии, Кавказа и Закавказья.

— Зверь,— подтвердил Куршаков.— И говорить-то, наверное, по-русски не умеет. Мычал, наверное, на проверках. Шкуру с нас, брат, снимут за этого...— И Куршаков приблизил листок к глазам и с ненавистью прочел: — Берды...

— А может, и не снимут,— внезапно окрепшим голосом выговорил Лазарев. Блестящие бегающие глаза его поднялись вверх.— Есть одна думка.— Он быстро зашептал в ухо Куршакова.

Лейтенант недоверчиво покачал головой.

— Не выйдет ведь ничего...

— Попытать можно,— сказал Лазарев.— Фронт-то небось... Война небось.

— Действуй,— сказал Куршаков.— Здесь простоим еще суток двое — я на станции узнавал.

— Денег дай,— сказал Лазарев.

К вечеру он вернулся.

— Туркмен,— сказал он Куршакову.

Куршаков пошел к вагонам, открыл дверь первой теплушки и спросил у заключенных, нет ли среди них человека, знающего хоть несколько слов по-туркменски. В теплушке ответили, что нет, и Куршаков дальше не ходил. Он перевел с вещами одного из заключенных в ту теплушку, откуда бежал арестант, а в первый вагон конвойные втолкнули какого-то оборванного человека, охрипшего, кричащего что-то важное, страшное на непонятном языке.

— Поймали, проклятые,— сказал высокий арестант, освобождая беглецу место. Тот обнял ноги высокого и заплакал.

— Брось, слышь ты, брось,— хрипел высокий. Беглец что-то быстро говорил.

— Не понимаю, брат,— сказал высокий.— Ешь вот суп, у меня в котелке остался.

Беглец похлебал супу и заснул. Утром он снова кричал и плакал, выскочил из вагона и кинулся в ноги Куршакову. Конвоиры загнали его обратно в вагон, и до самого конца пути беглец лежал под нарами, вылезая только тогда, когда раздавали пищу. Он молчал и плакал.

Сдача этапа прошла вполне благополучно для Куршакова. Отпустив несколько ругательств по адресу тюрьмы, пославшей этап без личных дел, дежурный комендант вышел принимать этап и начал перекличку по списку. Пятьдесят девять человек отошли в сторону, а шестидесятый не выходил.

— Это беглец,— сказал Куршаков.— Он у меня в Новосибирске сорвался, да мы его нашли. На базаре. Вот горюшка-то хватили. Я вам покажу его. Зверь — по-русски ни слова.

Куршаков вывел за плечо Берды. Затворы винтовок щелкнули, и Берды вошел в лагерь.

— Как его фамилия?

— А вот.— Куршаков указал.

— Онже Берды,— прочел комендант.— Статья сто шестьдесят вторая, срок десять лет. Зверь, а боевой...

Комендант твердой рукой написал против фамилии Берды: «Склонен к побегу, пытался бежать во время следования».

Через час Берды вызвали. Он обрадованно вскочил, ему казалось, что все разъяснится, сейчас он будет свободен. Он весело бежал впереди конвоира. Его отвели в конец двора, к бараку, отгороженному тройным рядом колючей проволоки, толкнули в ближайшую дверь, в вонючую темноту, откуда гудели голоса.

— Зверюга, братцы...

Я встретился с Берды Онже в больнице. Он уже немного говорил по-русски и рассказал, как три года назад на базаре в Новосибирске с ним долго пытался разговориться русский солдат, патрульный, как думает Берды. Солдат повел туркмена для выяснения личности на вокзал. Солдат разорвал документы Берды и втолкнул его в арестантский вагон. Настоящая фамилия Берды — Тошаев, он крестьянин глухого аула близ Чарджоу. В поисках хлеба и работы вместе с земляком, знавшим по-русски, доплелись они до Новосибирска, и как товарищ ушел куда-то на базаре. Что он, Тошаев, подавал уже несколько заявлений, ответа еще нет. Личного дела на него так и не пришло, он числится в группе «безучетников» — лиц, содержащихся в заключении без документов. Что он привык уже откликаться на фамилию Онже, что ему хочется домой, что здесь холодно, что он часто болеет, что на родину он писал, но сам писем не получал, возможно, потому, что его часто переводят с места на место.

Берды Онже хорошо выучился говорить по-русски, но за три года не научился есть ложкой. Он брал обеими руками миску — суп всегда бывал чуть теплым,— миска не могла обжечь ни пальцев, ни губ... Берды пил суп, а то, что оставалось на дне, вытаскивал пальцами... Кашу ел также пальцами, отложив в сторону ложку. Это было потехой всей палаты. Разжевав кусочек хлеба, Берды превращал его в тесто и раскатывал вместе с золой, выгребая ее из печки. Туго замесив тесто, он скатывал шарик и сосал его. Это был гашиш, анаша, опиум. Над этим эрзацем не смеялись — каждому приходилось не раз крошить сухие березовые листья или смородинный корень и курить вместо махорки.

Берды удивился, что я сразу понял суть дела. Ошибка машинистки, занумеровавшей продолжение кличек того человека, который шел под номером пятьдесят девять, беспорядок и путаница в торопливых отправках тюремных этапов военного времени, рабский страх куршаковых и лазаревых перед своим начальством...

Один из островов архипелага ГУЛаг.

Но ведь был живой человек — номер пятьдесят девятый. Он-то мог сказать, что кличка Берды принадлежит ему? Мог, конечно. Но каждый развлекается как может. Каждый рад смущению и панике в рядах начальства. Навести начальство на истинный путь может только фрайер, а не вор. А пятьдесят девятый номер был вор.

ПОТОМОК ДЕКАБРИСТА

О первом гусаре, знаменитом декабристе, написано много книг. Пушкин в уничтоженной главе «Евгения Онегина» так написал:

Друг Марса, Вакха и Венеры...

Рыцарь, умница, необъятных познаний человек, слово которого не расходилось с делом. И какое большое это было дело!

О втором гусаре, гусаре-потомке, расскажу все, что знаю.

На Кадыкчане, где мы, голодные и бессильные, ходили, натирая в кровавые мозоли грудь, вращая

египетский круговой ворот и вытаскивая из уклона вагонетки с породой, шла «зарезка» штольни, той самой штольни, которая сейчас известна на всю Колыму. Египетский труд — мне довелось его видеть, испытать самому.

Подходила зима 1940/41 года, бесснежная, злая, колымская. Холод сжимал мускулы, обручем давил на виски. В дырявых брезентовых палатках, где мы жили летом, поставили железные печки. Но этими печами отапливался «вольный воздух».

Изобретательное начальство готовило людей к зиме. Внутри палатки был построен второй, меньший, каркас — с прослойкой воздуха сантиметров десять. Этот каркас (кроме потолка) был обшит толем и рубероидом, и получилась как бы двойная палатка — немногим теплей, чем брезентовая.

Первые же ночевки в этой палатке показали, что это — гибель, и гибель скорая. Надо было выбираться отсюда. Но как? Кто поможет? За одиннадцать километров был большой лагерь — Аркагала, где работали шахтеры. Наша «командировка» была участком этого лагеря. Туда, туда — в Аркагалу!

Но как?

Традиция арестантская требует, чтобы в таких случаях раньше всего, прежде всего обратились к врачу. На Кадыкчане был фельдшерский пункт, а на нем работал «лепилой» какой-то недоучка-врач из бывших студентов Московского медицинского института, так говорили в нашей палатке.

Нужно было большое усилие воли, чтобы после рабочего дня найти в себе силы подняться и пойти в амбулаторию, «на прием». Одеваться и обуваться, конечно, не надо: все на тебе от бани до бани, а сил нет. Жаль тратить отдых на тот «прием», который, возможно, кончится издевательством, может быть, побоями (и такое бывало). А самое главное — безнадежность, сомнительность удачи. Но в поисках случая нельзя пренебрегать ни малейшим шансом — это мне говорило тело, измученные мускулы, а не опыт, не разум.

Воля слушалась только инстинкта — как это бывает у зверей.

Через дорогу от палатки стояла избушка — убежище разведочных партий, поисковых групп, а то и «секретов» оперативки, бесконечных таежных патрулей.

Геологи давно ушли, и палатку сделали амбулаторией — «кабинкой», в которой стояли топчан, шкаф с лекарством и висела занавеска из старого одеяла. Одеяло отгораживало койку-топчан, где жил «доктор».

Очередь «на прием» выстраивалась прямо на улице, на морозе.

Я протискался в избушку. Тяжелая дверь вдавила меня внутрь. Голубые глаза, большой лоб с залысиной и прическа, непременная прическа: волосы — утверждение себя. Волосы в лагере — свидетельство положения. Стригут ведь всех наголо. Тем, кого не стригут, им все завидуют. Волосы — своеобразный протест против лагерного режима.

— Москвич? — Это доктор спрашивал у меня.

— Москвич.

— Познакомимся.

Я назвал свою фамилию и пожал протянутую руку. Рука была холодная, чуть влажная.

— Лунин.

— Громкая фамилия,— сказал я, улыбаясь.

— Родной правнук. В нашем роде старшего сына называют либо Михаил, либо Сергей. Поочередно. Тот, пушкинский, был Михаил Сергеевич.

— Это нам известно.— Чем-то очень не лагерным дышала эта первая беседа. Я забыл свою просьбу, не решился внести в этот разговор неподобающую ноту. А я — голодал. Мне хотелось хлеба и тепла. Но доктор об этом еще не подумал.

— Закуривай.

Отмороженными розовыми пальцами я стал скручивать папиросу.

— Да бери больше, не стесняйся. У меня дома о прадеде — целая библиотека. Я ведь студент медфака. Недоучился. Арестовали. У нас все в роду военные, а я вот — врач. И не жалею.

— Марса, стало быть, побоку. Друг Эскулапа, Вакха и Венеры.

— Насчет Венеры тут слабо. Зато насчет Эскулапа вольготно. Только диплома нет. Если бы мне да диплом, я бы им показал.

— А насчет Вакха?

— Есть спиртишко, сам понимаешь. Но я ведь рюмку выпью — и порядок. Пьянею быстро. Я ведь и вольный поселок обслуживаю, так что сам понимаешь. Приходи.

Я плечом приоткрыл дверь и вывалился из амбулатории.

Так я приходил несколько вечеров в конце приема — выкуривал папиросу, махорочную, боялся попросить хлеба.

Сергей Михайлович, как всякий, кому лагерь достался легко — из-за удачи, из-за работы, мало думал за других и плохо мог понять голодных: его участок, Аркагала, еще не голодал в то время. Приисковые беды обошли Аркагалу стороной.

— Хочешь, я тебе сделаю операцию: кисту твою на пальце срежу?

— Ну что ж.

— Только, чур, освобождать от работы не буду. Это мне, понимаешь, неудобно.

— А как же работать с оперированным пальцем?

— Ну, как-нибудь.

Я согласился, и Лунин вырезал довольно искусно кисту «на память». Когда через много лет я встретился с женой, в первую минуту встречи она с крайним удивлением, сжимая мои пальцы, искала эту самую «лунинскую» кисту.

Я увидел, что Сергей Михайлович просто очень молод, что ему нужен собеседник пограмотнее, что все его взгляды на лагерь, на «судьбу» не отличаются от взглядов любого вольного начальника, что даже блатными он склонен восхищаться, что суть бури тридцать восьмого года прошла мимо него.

А мне был дорог любой час отдыха, день отдыха — мускулы, уставшие на всю жизнь на золотом прииске, ныли, просили покоя. Мне дорог был каждый кусок хлеба, каждая миска супчику — желудок требовал пищи, и глаза помимо моей воли искали на полках хлеб. Но я заставлял себя вспоминать Китай-город, Никитские ворота, где застрелился писатель Андрей Соболь, где Штерн стрелял в машину немецкого посла,— историю улиц Москвы, которую никто никогда не напишет.

— Да, Москва, Москва. А скажи — сколько у тебя было женщин?

Полуголодному человеку было немыслимо поддерживать такой разговор, но молодой хирург слушал только себя и не обижался на молчание.

— Послушай, Сергей Михайлович, ведь наши судьбы — это преступление, самое большое преступление века.

— Ну, я этого не знаю,— недовольно сказал Сергей Михайлович.— Это все жиды мутят.

Я пожал плечами.

Вскоре Сергей Михайлович добился своего перевода на участок, на Аркагалу, и я думал, без грусти и обиды, что еще один человек ушел из моей жизни навсегда и какая это, в сущности, легкая штука — расставанье, разлука. Но все оказалось не так.

Начальником участка «Кадыкчан», где я работал на египетском вороте, как раб, был Павел Иванович Киселев. Немолодой беспартийный инженер. Киселев избивал заключенных ежедневно. «Выход» начальника на участок сопровождался побоями, ударами, криком.

Безнаказанность? Дремлющая где-то на дне души жажда крови? Желание отличиться на глазах высшего начальства?

Власть — страшная штука.

Зельфугаров, мальчик-фальшивомонетчик из моей бригады, лежал на снегу и выплевывал разбитые зубы.

— Всех родных моих, слышь, расстреляли за фальшивую монету, а я был несовершеннолетний — меня на пятнадцать лет в лагеря. Отец следователю говорил: возьми пятьсот тысяч, наличными, настоящими, прекрати дело... Следователь не согласился.

Мы, четверо сменщиков на круговом вороте, остановились около Зельфугарова. Корнеев, крестьянин сибирский, блатарь Леня Семенов, инженер Вронский и я. Блатарь Леня Семенов говорил:

— Только в лагере и учиться работать на механизмах: берись за всякую работу — отвечать ты не будешь, если сломаешь лебедку или подъемный кран. Понемногу научишься.— Рассуждение, которое в ходу у молодых колымских хирургов.

А Вронский и Корнеев были моими знакомыми, и не друзьями, а просто знакомыми — еще с Черного озера, с той командировки, где я возвращался к жизни.

Зельфугаров, не вставая, повернул к нам окровавленное лицо с распухшими грязными губами.

— Не могу встать, ребята. Под ребро бил. Эх, начальник, начальник.

— Иди к фельдшеру.

— Боюсь, хуже будет. Начальнику скажет.

— Вот что,— сказал я,— конца этому не будет. Есть выход. Приедет начальник Дальстройугля или еще какое большое начальство, выйти вперед и в присутствии начальства дать по морде Киселеву. Прозвенит на всю Колыму, и Киселева снимут, безусловно, переведут. А тот, кто ударит, примет срок. Сколько лет дадут за Киселева?

Мы шли на работу, вертели ворот, ушли в барак, поужинали, хотели ложиться спать. Меня вызвали в контору.

В конторе сидел, глядя в землю, Киселев. Он был не трус и угроз не любил.

— Ну, что,— сказал он весело.— На всю Колыму прогремит, а? Я вот под суд тебя отдам — за покушение. Иди отсюда, сволочь!..

Донести мог только Вронский, но как? Мы все время были вместе.

С тех пор жить на участке мне стало легче. Киселев даже не подходил к вороту и на работе бывал с мелкокалиберкой, а в шахту-штольню, уже углубленную, не спускался.

Кто-то вошел в барак.

— К доктору иди.

«Доктором», сменившим Лунина, был некто Колесников — тоже недоучившийся медик, молодой высокий парень из заключенных.

В амбулатории за столом сидел Лунин в полушубке.

— Собирай вещи, поедем сейчас в Аркагалу. Колесников, пиши направление.

Колесников сложил лист бумаги в несколько раз, оторвал крошечный кусочек, чуть больше почтовой марки, и тончайшим почерком вывел: «В санчасть лагеря Аркагала».

Лунин взял бумажку и побежал:

— Пойду визу у Киселева возьму.

Вернулся он огорченный.

— Не пускает, понимаешь. Говорит, ты ему по морде дать обещал. Ни в какую не соглашается.

Я рассказал всю историю.

Лунин разорвал «направление».

— Сам виноват,— сказал он мне.— Какое тебе дело до Зельфугарова, до всех этих... Тебя-то не били.

— Меня били раньше.

— Ну, до свидания. Машина ждет. Что-нибудь придумаем.— И Лунин сел в кабинку грузовика.

Прошло еще несколько дней, и Лунин приехал снова.

— Сейчас иду к Киселеву. Насчет тебя.

Через полчаса он вернулся.

— Все в порядке. Согласился.

— А как?

— Есть у меня один способ укрощать сердца строптивых.— И Сергей Михайлович изобразил разговор с Киселевым.

«Какими судьбами, Сергей Михайлович? Садитесь. Закуривайте».

«Да нет, некогда. Я вам тут, Павел Иванович, акты о побоях привез, мне оперативка переслала для подписи. Ну, прежде чем подписывать, я решил спросить у вас: правда ли все это?»

«Неправда, Сергей Михайлович. Враги мои готовы...»

«Вот и я так думал. Я не подпишу этих актов. Все равно уж, Павел Иванович, ничего не исправишь, выбитых зубов не вставишь обратно».

«Так, Сергей Михайлович. Прошу ко мне домой, там жена наливочку изготовила. Берег к Новому году, да ради такого случая...»

«Нет-нет, Павел Иванович. Только услуга за услугу. Отпустите на Аркагалу Андреева».

«Вот этого уж никак не могу. Андреев — это что называется...»

«Ваш личный враг?»

«Да-да».

«Ну, а это мой личный друг. Я думал, вы повнимательней отнесетесь к моей просьбе. Возьмите, посмотрите акты о побоях».

Киселев помолчал.

«Пусть едет».

«Напишите аттестат».

«Пусть приходит сам...»

. . . .

Я шагнул за порог «конторы». Киселев глядел в землю.

— Поедете на Аркагалу. Возьмите аттестат.

Я молчал. Конторщик выписал «аттестат», и я вернулся в амбулаторию.

Лунин уже уехал, но меня ждал Колесников.

— Поедешь вечером, часов в девять. Острый аппендицит! — И протянул мне бумажку.

Больше ни Киселева, ни Колесникова я никогда не видел. Киселева вскоре перевели в другое место, на «Эльген», и там он был убит через несколько месяцев. Случайно. В квартиру, в домик, где жил, забрался ночью вор. Киселев, услышав шаги, схватил со стены заряженную двустволку, взвел курки и бросился на вора. Вор кинулся в окно, и Киселев ударил его в спину прикладом и выпустил заряд из обоих стволов в свой собственный живот.

Все заключенные во всех угольных районах Колымы радовались этой смерти. Газета с объявлением о похоронах Киселева переходила из рук в руки. В шахте во время работы измятый клочок газеты освещали рудничной лампочкой аккумулятора. Читали, радовались и кричали «ура». Киселев умер! Бог все-таки есть!

египетский круговой ворот и вытаскивая из уклона вагонетки с породой, шла «зарезка» штольни, той самой штольни, которая сейчас известна на всю Колыму. Египетский труд — мне довелось его видеть, испытать самому.

Подходила зима 1940/41 года, бесснежная, злая, колымская. Холод сжимал мускулы, обручем давил на виски. В дырявых брезентовых палатках, где мы жили летом, поставили железные печки. Но этими печами отапливался «вольный воздух».

Изобретательное начальство готовило людей к зиме. Внутри палатки был построен второй, меньший, каркас — с прослойкой воздуха сантиметров десять. Этот каркас (кроме потолка) был обшит толем и рубероидом, и получилась как бы двойная палатка — немногим теплей, чем брезентовая.

Первые же ночевки в этой палатке показали, что это — гибель, и гибель скорая. Надо было выбираться отсюда. Но как? Кто поможет? За одиннадцать километров был большой лагерь — Аркагала, где работали шахтеры. Наша «командировка» была участком этого лагеря. Туда, туда — в Аркагалу!

Но как?

Традиция арестантская требует, чтобы в таких случаях раньше всего, прежде всего обратились к врачу. На Кадыкчане был фельдшерский пункт, а на нем работал «лепилой» какой-то недоучка-врач из бывших студентов Московского медицинского института, так говорили в нашей палатке.

Нужно было большое усилие воли, чтобы после рабочего дня найти в себе силы подняться и пойти в амбулаторию, «на прием». Одеваться и обуваться, конечно, не надо: все на тебе от бани до бани, а сил нет. Жаль тратить отдых на тот «прием», который, возможно, кончится издевательством, может быть, побоями (и такое бывало). А самое главное — безнадежность, сомнительность удачи. Но в поисках случая нельзя пренебрегать ни малейшим шансом — это мне говорило тело, измученные мускулы, а не опыт, не разум.

Воля слушалась только инстинкта — как это бывает у зверей.

Через дорогу от палатки стояла избушка — убежище разведочных партий, поисковых групп, а то и «секретов» оперативки, бесконечных таежных патрулей.

Геологи давно ушли, и палатку сделали амбулаторией — «кабинкой», в которой стояли топчан, шкаф с лекарством и висела занавеска из старого одеяла. Одеяло отгораживало койку-топчан, где жил «доктор».

Очередь «на прием» выстраивалась прямо на улице, на морозе.

Я протискался в избушку. Тяжелая дверь вдавила меня внутрь. Голубые глаза, большой лоб с залысиной и прическа, непременная прическа: волосы — утверждение себя. Волосы в лагере — свидетельство положения. Стригут ведь всех наголо. Тем, кого не стригут, им все завидуют. Волосы — своеобразный протест против лагерного режима.

— Москвич? — Это доктор спрашивал у меня.

— Москвич.

— Познакомимся.

Я назвал свою фамилию и пожал протянутую руку. Рука была холодная, чуть влажная.

— Лунин.

— Громкая фамилия,— сказал я, улыбаясь.

— Родной правнук. В нашем роде старшего сына называют либо Михаил, либо Сергей. Поочередно. Тот, пушкинский, был Михаил Сергеевич.

— Это нам известно.— Чем-то очень не лагерным дышала эта первая беседа. Я забыл свою просьбу, не решился внести в этот разговор неподобающую ноту. А я — голодал. Мне хотелось хлеба и тепла. Но доктор об этом еще не подумал.

— Закуривай.

Отмороженными розовыми пальцами я стал скручивать папиросу.

— Да бери больше, не стесняйся. У меня дома о прадеде — целая библиотека. Я ведь студент медфака. Недоучился. Арестовали. У нас все в роду военные, а я вот — врач. И не жалею.

— Марса, стало быть, побоку. Друг Эскулапа, Вакха и Венеры.

— Насчет Венеры тут слабо. Зато насчет Эскулапа вольготно. Только диплома нет. Если бы мне да диплом, я бы им показал.

— А насчет Вакха?

— Есть спиртишко, сам понимаешь. Но я ведь рюмку выпью — и порядок. Пьянею быстро. Я ведь и вольный поселок обслуживаю, так что сам понимаешь. Приходи.

Я плечом приоткрыл дверь и вывалился из амбулатории.

Так я приходил несколько вечеров в конце приема — выкуривал папиросу, махорочную, боялся попросить хлеба.

Сергей Михайлович, как всякий, кому лагерь достался легко — из-за удачи, из-за работы, мало думал за других и плохо мог понять голодных: его участок, Аркагала, еще не голодал в то время. Приисковые беды обошли Аркагалу стороной.

— Хочешь, я тебе сделаю операцию: кисту твою на пальце срежу?

— Ну что ж.

— Только, чур, освобождать от работы не буду. Это мне, понимаешь, неудобно.

— А как же работать с оперированным пальцем?

— Ну, как-нибудь.

Я согласился, и Лунин вырезал довольно искусно кисту «на память». Когда через много лет я встретился с женой, в первую минуту встречи она с крайним удивлением, сжимая мои пальцы, искала эту самую «лунинскую» кисту.

Я увидел, что Сергей Михайлович просто очень молод, что ему нужен собеседник пограмотнее, что все его взгляды на лагерь, на «судьбу» не отличаются от взглядов любого вольного начальника, что даже блатными он склонен восхищаться, что суть бури тридцать восьмого года прошла мимо него.

А мне был дорог любой час отдыха, день отдыха — мускулы, уставшие на всю жизнь на золотом прииске, ныли, просили покоя. Мне дорог был каждый кусок хлеба, каждая миска супчику — желудок требовал пищи, и глаза помимо моей воли искали на полках хлеб. Но я заставлял себя вспоминать Китай-город, Никитские ворота, где застрелился писатель Андрей Соболь, где Штерн стрелял в машину немецкого посла,— историю улиц Москвы, которую никто никогда не напишет.

— Да, Москва, Москва. А скажи — сколько у тебя было женщин?

Полуголодному человеку было немыслимо поддерживать такой разговор, но молодой хирург слушал только себя и не обижался на молчание.

— Послушай, Сергей Михайлович, ведь наши судьбы — это преступление, самое большое преступление века.

— Ну, я этого не знаю,— недовольно сказал Сергей Михайлович.— Это все жиды мутят.

Я пожал плечами.

Вскоре Сергей Михайлович добился своего перевода на участок, на Аркагалу, и я думал, без грусти и обиды, что еще один человек ушел из моей жизни навсегда и какая это, в сущности, легкая штука — расставанье, разлука. Но все оказалось не так.

Начальником участка «Кадыкчан», где я работал на египетском вороте, как раб, был Павел Иванович Киселев. Немолодой беспартийный инженер. Киселев избивал заключенных ежедневно. «Выход» начальника на участок сопровождался побоями, ударами, криком.

Безнаказанность? Дремлющая где-то на дне души жажда крови? Желание отличиться на глазах высшего начальства?

Власть — страшная штука.

Зельфугаров, мальчик-фальшивомонетчик из моей бригады, лежал на снегу и выплевывал разбитые зубы.

— Всех родных моих, слышь, расстреляли за фальшивую монету, а я был несовершеннолетний — меня на пятнадцать лет в лагеря. Отец следователю говорил: возьми пятьсот тысяч, наличными, настоящими, прекрати дело... Следователь не согласился.

Мы, четверо сменщиков на круговом вороте, остановились около Зельфугарова. Корнеев, крестьянин сибирский, блатарь Леня Семенов, инженер Вронский и я. Блатарь Леня Семенов говорил:

— Только в лагере и учиться работать на механизмах: берись за всякую работу — отвечать ты не будешь, если сломаешь лебедку или подъемный кран. Понемногу научишься.— Рассуждение, которое в ходу у молодых колымских хирургов.

А Вронский и Корнеев были моими знакомыми, и не друзьями, а просто знакомыми — еще с Черного озера, с той командировки, где я возвращался к жизни.

Зельфугаров, не вставая, повернул к нам окровавленное лицо с распухшими грязными губами.

— Не могу встать, ребята. Под ребро бил. Эх, начальник, начальник.

— Иди к фельдшеру.

— Боюсь, хуже будет. Начальнику скажет.

— Вот что,— сказал я,— конца этому не будет. Есть выход. Приедет начальник Дальстройугля или еще какое большое начальство, выйти вперед и в присутствии начальства дать по морде Киселеву. Прозвенит на всю Колыму, и Киселева снимут, безусловно, переведут. А тот, кто ударит, примет срок. Сколько лет дадут за Киселева?

Мы шли на работу, вертели ворот, ушли в барак, поужинали, хотели ложиться спать. Меня вызвали в контору.

В конторе сидел, глядя в землю, Киселев. Он был не трус и угроз не любил.

— Ну, что,— сказал он весело.— На всю Колыму прогремит, а? Я вот под суд тебя отдам — за покушение. Иди отсюда, сволочь!..

Донести мог только Вронский, но как? Мы все время были вместе.

С тех пор жить на участке мне стало легче. Киселев даже не подходил к вороту и на работе бывал с мелкокалиберкой, а в шахту-штольню, уже углубленную, не спускался.

Кто-то вошел в барак.

— К доктору иди.

«Доктором», сменившим Лунина, был некто Колесников — тоже недоучившийся медик, молодой высокий парень из заключенных.

В амбулатории за столом сидел Лунин в полушубке.

— Собирай вещи, поедем сейчас в Аркагалу. Колесников, пиши направление.

Колесников сложил лист бумаги в несколько раз, оторвал крошечный кусочек, чуть больше почтовой марки, и тончайшим почерком вывел: «В санчасть лагеря Аркагала».

Лунин взял бумажку и побежал:

— Пойду визу у Киселева возьму.

Вернулся он огорченный.

— Не пускает, понимаешь. Говорит, ты ему по морде дать обещал. Ни в какую не соглашается.

Я рассказал всю историю.

Лунин разорвал «направление».

— Сам виноват,— сказал он мне.— Какое тебе дело до Зельфугарова, до всех этих... Тебя-то не били.

— Меня били раньше.

— Ну, до свидания. Машина ждет. Что-нибудь придумаем.— И Лунин сел в кабинку грузовика.

Прошло еще несколько дней, и Лунин приехал снова.

— Сейчас иду к Киселеву. Насчет тебя.

Через полчаса он вернулся.

— Все в порядке. Согласился.

— А как?

— Есть у меня один способ укрощать сердца строптивых.— И Сергей Михайлович изобразил разговор с Киселевым.

«Какими судьбами, Сергей Михайлович? Садитесь. Закуривайте».

«Да нет, некогда. Я вам тут, Павел Иванович, акты о побоях привез, мне оперативка переслала для подписи. Ну, прежде чем подписывать, я решил спросить у вас: правда ли все это?»

«Неправда, Сергей Михайлович. Враги мои готовы...»

«Вот и я так думал. Я не подпишу этих актов. Все равно уж, Павел Иванович, ничего не исправишь, выбитых зубов не вставишь обратно».

«Так, Сергей Михайлович. Прошу ко мне домой, там жена наливочку изготовила. Берег к Новому году, да ради такого случая...»

«Нет-нет, Павел Иванович. Только услуга за услугу. Отпустите на Аркагалу Андреева».

«Вот этого уж никак не могу. Андреев — это что называется...»

«Ваш личный враг?»

«Да-да».

«Ну, а это мой личный друг. Я думал, вы повнимательней отнесетесь к моей просьбе. Возьмите, посмотрите акты о побоях».

Киселев помолчал.

«Пусть едет».

«Напишите аттестат».

«Пусть приходит сам...»

. . . .

Я шагнул за порог «конторы». Киселев глядел в землю.

— Поедете на Аркагалу. Возьмите аттестат.

Я молчал. Конторщик выписал «аттестат», и я вернулся в амбулаторию.

Лунин уже уехал, но меня ждал Колесников.

— Поедешь вечером, часов в девять. Острый аппендицит! — И протянул мне бумажку.

Больше ни Киселева, ни Колесникова я никогда не видел. Киселева вскоре перевели в другое место, на «Эльген», и там он был убит через несколько месяцев. Случайно. В квартиру, в домик, где жил, забрался ночью вор. Киселев, услышав шаги, схватил со стены заряженную двустволку, взвел курки и бросился на вора. Вор кинулся в окно, и Киселев ударил его в спину прикладом и выпустил заряд из обоих стволов в свой собственный живот.

Все заключенные во всех угольных районах Колымы радовались этой смерти. Газета с объявлением о похоронах Киселева переходила из рук в руки. В шахте во время работы измятый клочок газеты освещали рудничной лампочкой аккумулятора. Читали, радовались и кричали «ура». Киселев умер! Бог все-таки есть!

египетский круговой ворот и вытаскивая из уклона вагонетки с породой, шла «зарезка» штольни, той самой штольни, которая сейчас известна на всю Колыму. Египетский труд — мне довелось его видеть, испытать самому.

Подходила зима 1940/41 года, бесснежная, злая, колымская. Холод сжимал мускулы, обручем давил на виски. В дырявых брезентовых палатках, где мы жили летом, поставили железные печки. Но этими печами отапливался «вольный воздух».

Изобретательное начальство готовило людей к зиме. Внутри палатки был построен второй, меньший, каркас — с прослойкой воздуха сантиметров десять. Этот каркас (кроме потолка) был обшит толем и рубероидом, и получилась как бы двойная палатка — немногим теплей, чем брезентовая.

Первые же ночевки в этой палатке показали, что это — гибель, и гибель скорая. Надо было выбираться отсюда. Но как? Кто поможет? За одиннадцать километров был большой лагерь — Аркагала, где работали шахтеры. Наша «командировка» была участком этого лагеря. Туда, туда — в Аркагалу!

Но как?

Традиция арестантская требует, чтобы в таких случаях раньше всего, прежде всего обратились к врачу. На Кадыкчане был фельдшерский пункт, а на нем работал «лепилой» какой-то недоучка-врач из бывших студентов Московского медицинского института, так говорили в нашей палатке.

Нужно было большое усилие воли, чтобы после рабочего дня найти в себе силы подняться и пойти в амбулаторию, «на прием». Одеваться и обуваться, конечно, не надо: все на тебе от бани до бани, а сил нет. Жаль тратить отдых на тот «прием», который, возможно, кончится издевательством, может быть, побоями (и такое бывало). А самое главное — безнадежность, сомнительность удачи. Но в поисках случая нельзя пренебрегать ни малейшим шансом — это мне говорило тело, измученные мускулы, а не опыт, не разум.

Воля слушалась только инстинкта — как это бывает у зверей.

Через дорогу от палатки стояла избушка — убежище разведочных партий, поисковых групп, а то и «секретов» оперативки, бесконечных таежных патрулей.

Геологи давно ушли, и палатку сделали амбулаторией — «кабинкой», в которой стояли топчан, шкаф с лекарством и висела занавеска из старого одеяла. Одеяло отгораживало койку-топчан, где жил «доктор».

Очередь «на прием» выстраивалась прямо на улице, на морозе.

Я протиснулся в избушку. Тяжелая дверь вдавила меня внутрь. Голубые глаза, большой лоб с залысиной и прическа, непременная прическа: волосы — утверждение себя. Волосы в лагере — свидетельство положения. Стригут ведь всех наголо. Тем, кого не стригут, им все завидуют. Волосы — своеобразный протест против лагерного режима.

— Москвич? — Это доктор спрашивал у меня.

— Москвич.

— Познакомимся.

Я назвал свою фамилию и пожал протянутую руку. Рука была холодная, чуть влажная.

— Лунин.

— Громкая фамилия,— сказал я, улыбаясь.

— Родной правнук. В нашем роде старшего сына называют либо Михаил, либо Сергей. Поочередно. Тот, пушкинский, был Михаил Сергеевич.

— Это нам известно.— Чем-то очень не лагерным дышала эта первая беседа. Я забыл свою просьбу, не решился внести в этот разговор неподобающую ноту. А я — голодал. Мне хотелось хлеба и тепла. Но доктор об этом еще не подумал.

— Закуривай.

Отмороженными розовыми пальцами я стал скручивать папиросу.

— Да бери больше, не стесняйся. У меня дома о прадеде — целая библиотека. Я ведь студент медфака. Недоучился. Арестовали. У нас все в роду военные, а я вот — врач. И не жалею.

— Марса, стало быть, побоку. Друг Эскулапа, Вакха и Венеры.

— Насчет Венеры тут слабо. Зато насчет Эскулапа вольготно. Только диплома нет. Если бы мне да диплом, я бы им показал.

— А насчет Вакха?

— Есть спиртишко, сам понимаешь. Но я ведь рюмку выпью — и порядок. Пьянею быстро. Я ведь и вольный поселок обслуживаю, так что сам понимаешь. Приходи.

Я плечом приоткрыл дверь и вывалился из амбулатории.

Так я приходил несколько вечеров в конце приема — выкуривал папиросу, махорочную, боялся попросить хлеба.

Сергей Михайлович, как всякий, кому лагерь достался легко — из-за удачи, из-за работы, мало думал за других и плохо мог понять голодных: его участок, Аркагала, еще не голодал в то время. Приисковые беды обошли Аркагалу стороной.

— Хочешь, я тебе сделаю операцию: кисту твою на пальце срежу?

— Ну что ж.

— Только, чур, освобождать от работы не буду. Это мне, понимаешь, неудобно.

— А как же работать с оперированным пальцем?

— Ну, как-нибудь.

Я согласился, и Лунин вырезал довольно искусно кисту «на память». Когда через много лет я встретился с женой, в первую минуту встречи она с крайним удивлением, сжимая мои пальцы, искала эту самую «лунинскую» кисту.

Я увидел, что Сергей Михайлович просто очень молод, что ему нужен собеседник пограмотнее, что все его взгляды на лагерь, на «судьбу» не отличаются от взглядов любого вольного начальника, что даже блатными он склонен восхищаться, что суть бури тридцать восьмого года прошла мимо него.

А мне был дорог любой час отдыха, день отдыха — мускулы, уставшие на всю жизнь на золотом прииске, ныли, просили покоя. Мне дорог был каждый кусок хлеба, каждая миска супчику — желудок требовал пищи, и глаза помимо моей воли искали на полках хлеб. Но я заставлял себя вспоминать Китай-город, Никитские ворота, где застрелился писатель Андрей Соболь, где Штерн стрелял в машину немецкого посла,— историю улиц Москвы, которую никто никогда не напишет.

— Да, Москва, Москва. А скажи — сколько у тебя было женщин?

Полуголодному человеку было немыслимо поддерживать такой разговор, но молодой хирург слушал только себя и не обижался на молчание.

— Послушай, Сергей Михайлович, ведь наши судьбы — это преступление, самое большое преступление века.

— Ну, я этого не знаю,— недовольно сказал Сергей Михайлович.— Это все жиды мутят.

Я пожал плечами.

Вскоре Сергей Михайлович добился своего перевода на участок, на Аркагалу, и я думал, без грусти и обиды, что еще один человек ушел из моей жизни навсегда и какая это, в сущности, легкая штука — расставанье, разлука. Но все оказалось не так.

Начальником участка «Кадыкчан», где я работал на египетском вороте, как раб, был Павел Иванович Киселев. Немолодой беспартийный инженер. Киселев избивал заключенных ежедневно. «Выход» начальника на участок сопровождался побоями, ударами, криком.

Безнаказанность? Дремлющая где-то на дне души жажда крови? Желание отличиться на глазах высшего начальства?

Власть — страшная штука.

Зельфугаров, мальчик-фальшивомонетчик из моей бригады, лежал на снегу и выплевывал разбитые зубы.

— Всех родных моих, слышь, расстреляли за фальшивую монету, а я был несовершеннолетний — меня на пятнадцать лет в лагеря. Отец следователю говорил: возьми пятьсот тысяч, наличными, настоящими, прекрати дело... Следователь не согласился.

Мы, четверо сменщиков на круговом вороте, остановились около Зельфугарова. Корнеев, крестьянин сибирский, блатарь Леня Семенов, инженер Вронский и я. Блатарь Леня Семенов говорил:

— Только в лагере и учиться работать на механизмах: берись за всякую работу — отвечать ты не будешь, если сломаешь лебедку или подъемный кран. Понемногу научишься.— Рассуждение, которое в ходу у молодых колымских хирургов.

А Вронский и Корнеев были моими знакомыми, и не друзьями, а просто знакомыми — еще с Черного озера, с той командировки, где я возвращался к жизни.

Зельфугаров, не вставая, повернул к нам окровавленное лицо с распухшими грязными губами.

— Не могу встать, ребята. Под ребро бил. Эх, начальник, начальник.

— Иди к фельдшеру.

— Боюсь, хуже будет. Начальнику скажет.

— Вот что,— сказал я,— конца этому не будет. Есть выход. Приедет начальник Дальстройугля или еще какое большое начальство, выйти вперед и в присутствии начальства дать по морде Киселеву. Прозвенит на всю Колыму, и Киселева снимут, безусловно, переведут. А тот, кто ударит, примет срок. Сколько лет дадут за Киселева?

Мы шли на работу, вертели ворот, ушли в барак, поужинали, хотели ложиться спать. Меня вызвали в контору.

В конторе сидел, глядя в землю, Киселев. Он был не трус и угроз не любил.

— Ну, что,— сказал он весело.— На всю Колыму прогремит, а? Я вот под суд тебя отдам — за покушение. Иди отсюда, сволочь!..

Донести мог только Вронский, но как? Мы все время были вместе.

С тех пор жить на участке мне стало легче. Киселев даже не подходил к вороту и на работе бывал с мелкокалиберкой, а в шахту-штольню, уже углубленную, не спускался.

Кто-то вошел в барак.

— К доктору иди.

«Доктором», сменившим Лунина, был некто Колесников — тоже недоучившийся медик, молодой высокий парень из заключенных.

В амбулатории за столом сидел Лунин в полушубке.

— Собирай вещи, поедем сейчас в Аркагалу. Колесников, пиши направление.

Колесников сложил лист бумаги в несколько раз, оторвал крошечный кусочек, чуть больше почтовой марки, и тончайшим почерком вывел: «В санчасть лагеря Аркагала».

Лунин взял бумажку и побежал:

— Пойду визу у Киселева возьму.

Вернулся он огорченный.

— Не пускает, понимаешь. Говорит, ты ему по морде дать обещал. Ни в какую не соглашается.

Я рассказал всю историю.

Лунин разорвал «направление».

— Сам виноват,— сказал он мне.— Какое тебе дело до Зельфугарова, до всех этих... Тебя-то не били.

— Меня били раньше.

— Ну, до свидания. Машина ждет. Что-нибудь придумаем.— И Лунин сел в кабинку грузовика.

Прошло еще несколько дней, и Лунин приехал снова.

— Сейчас иду к Киселеву. Насчет тебя.

Через полчаса он вернулся.

— Все в порядке. Согласился.

— А как?

— Есть у меня один способ укрощать сердца строптивых.— И Сергей Михайлович изобразил разговор с Киселевым.

«Какими судьбами, Сергей Михайлович? Садитесь. Закуривайте».

«Да нет, некогда. Я вам тут, Павел Иванович, акты о побоях привез, мне оперативка переслала для подписи. Ну, прежде чем подписывать, я решил спросить у вас: правда ли все это?»

«Неправда, Сергей Михайлович. Враги мои готовы...»

«Вот и я так думал. Я не подпишу этих актов. Все равно уж, Павел Иванович, ничего не исправишь, выбитых зубов не вставишь обратно».

«Так, Сергей Михайлович. Прошу ко мне домой, там жена наливочку изготовила. Берег к Новому году, да ради такого случая...»

«Нет-нет, Павел Иванович. Только услуга за услугу. Отпустите на Аркагалу Андреева».

«Вот этого уж никак не могу. Андреев — это что называется...»

«Ваш личный враг?»

«Да-да».

«Ну, а это мой личный друг. Я думал, вы повнимательней отнесетесь к моей просьбе. Возьмите, посмотрите акты о побоях».

Киселев помолчал.

«Пусть едет».

«Напишите аттестат».

«Пусть приходит сам...»

. . . .

Я шагнул за порог «конторы». Киселев глядел в землю.

— Поедете на Аркагалу. Возьмите аттестат.

Я молчал. Конторщик выписал «аттестат», и я вернулся в амбулаторию.

Лунин уже уехал, но меня ждал Колесников.

— Поедешь вечером, часов в девять. Острый аппендицит! — И протянул мне бумажку.

Больше ни Киселева, ни Колесникова я никогда не видел. Киселева вскоре перевели в другое место, на «Эльген», и там он был убит через несколько месяцев. Случайно. В квартиру, в домик, где жил, забрался ночью вор. Киселев, услышав шаги, схватил со стены заряженную двустволку, взвел курки и бросился на вора. Вор кинулся в окно, и Киселев ударил его в спину прикладом и выпустил заряд из обоих стволов в свой собственный живот.

Все заключенные во всех угольных районах Колымы радовались этой смерти. Газета с объявлением о похоронах Киселева переходила из рук в руки. В шахте во время работы измятый клочок газеты освещали рудничной лампочкой аккумулятора. Читали, радовались и кричали «ура». Киселев умер! Бог все-таки есть!

египетский круговой ворот и вытаскивая из уклона вагонетки с породой, шла «зарезка» штольни, той самой штольни, которая сейчас известна на всю Колыму. Египетский труд — мне довелось его видеть, испытать самому.

Подходила зима 1940/41 года, бесснежная, злая, колымская. Холод сжимал мускулы, обручем давил на виски. В дырявых брезентовых палатках, где мы жили летом, поставили железные печки. Но этими печами отапливался «вольный воздух».

Изобретательное начальство готовило людей к зиме. Внутри палатки был построен второй, меньший, каркас — с прослойкой воздуха сантиметров десять. Этот каркас (кроме потолка) был обшит толем и рубероидом, и получилась как бы двойная палатка — немногим теплей, чем брезентовая.

Первые же ночевки в этой палатке показали, что это — гибель, и гибель скорая. Надо было выбираться отсюда. Но как? Кто поможет? За одиннадцать километров был большой лагерь — Аркагала, где работали шахтеры. Наша «командировка» была участком этого лагеря. Туда, туда — в Аркагалу!

Но как?

Традиция арестантская требует, чтобы в таких случаях раньше всего, прежде всего обратились к врачу. На Кадыкчане был фельдшерский пункт, а на нем работал «лепилой» какой-то недоучка-врач из бывших студентов Московского медицинского института, так говорили в нашей палатке.

Нужно было большое усилие воли, чтобы после рабочего дня найти в себе силы подняться и пойти в амбулаторию, «на прием». Одеваться и обуваться, конечно, не надо: все на тебе от бани до бани, а сил нет. Жаль тратить отдых на тот «прием», который, возможно, кончится издевательством, может быть, побоями (и такое бывало). А самое главное — безнадежность, сомнительность удачи. Но в поисках случая нельзя пренебрегать ни малейшим шансом — это мне говорило тело, измученные мускулы, а не опыт, не разум.

Воля слушалась только инстинкта — как это бывает у зверей.

Через дорогу от палатки стояла избушка — убежище разведочных партий, поисковых групп, а то и «секретов» оперативки, бесконечных таежных патрулей.

Геологи давно ушли, и палатку сделали амбулаторией — «кабинкой», в которой стояли топчан, шкаф с лекарством и висела занавеска из старого одеяла. Одеяло отгораживало койку-топчан, где жил «доктор».

Очередь «на прием» выстраивалась прямо на улице, на морозе.

Я протиснулся в избушку. Тяжелая дверь вдавила меня внутрь. Голубые глаза, большой лоб с залысиной и прическа, непременная прическа: волосы — утверждение себя. Волосы в лагере — свидетельство положения. Стригут ведь всех наголо. Тем, кого не стригут, им все завидуют. Волосы — своеобразный протест против лагерного режима.

— Москвич? — Это доктор спрашивал у меня.

— Москвич.

— Познакомимся.

Я назвал свою фамилию и пожал протянутую руку. Рука была холодная, чуть влажная.

— Лунин.

— Громкая фамилия,— сказал я, улыбаясь.

— Родной правнук. В нашем роде старшего сына называют либо Михаил, либо Сергей. Поочередно. Тот, пушкинский, был Михаил Сергеевич.

— Это нам известно.— Чем-то очень не лагерным дышала эта первая беседа. Я забыл свою просьбу, не решился внести в этот разговор неподобающую ноту. А я — голодал. Мне хотелось хлеба и тепла. Но доктор об этом еще не подумал.

— Закуривай.

Отмороженными розовыми пальцами я стал скручивать папиросу.

— Да бери больше, не стесняйся. У меня дома о прадеде — целая библиотека. Я ведь студент медфака. Недоучился. Арестовали. У нас все в роду военные, а я вот — врач. И не жалею.

— Марса, стало быть, побоку. Друг Эскулапа, Вакха и Венеры.

— Насчет Венеры тут слабо. Зато насчет Эскулапа вольготно. Только диплома нет. Если бы мне да диплом, я бы им показал.

— А насчет Вакха?

— Есть спиртишко, сам понимаешь. Но я ведь рюмку выпью — и порядок. Пьянею быстро. Я ведь и вольный поселок обслуживаю, так что сам понимаешь. Приходи.

Я плечом приоткрыл дверь и вывалился из амбулатории.

Так я приходил несколько вечеров в конце приема — выкуривал папиросу, махорочную, боялся попросить хлеба.

Сергей Михайлович, как всякий, кому лагерь достался легко — из-за удачи, из-за работы, мало думал за других и плохо мог понять голодных: его участок, Аркагала, еще не голодал в то время. Приисковые беды обошли Аркагалу стороной.

— Хочешь, я тебе сделаю операцию: кисту твою на пальце срежу?

— Ну что ж.

— Только, чур, освобождать от работы не буду. Это мне, понимаешь, неудобно.

— А как же работать с оперированным пальцем?

— Ну, как-нибудь.

Я согласился, и Лунин вырезал довольно искусно кисту «на память». Когда через много лет я встретился с женой, в первую минуту встречи она с крайним удивлением, сжимая мои пальцы, искала эту самую «лунинскую» кисту.

Я увидел, что Сергей Михайлович просто очень молод, что ему нужен собеседник пограмотнее, что все его взгляды на лагерь, на «судьбу» не отличаются от взглядов любого вольного начальника, что даже блатными он склонен восхищаться, что суть бури тридцать восьмого года прошла мимо него.

А мне был дорог любой час отдыха, день отдыха — мускулы, уставшие на всю жизнь на золотом прииске, ныли, просили покоя. Мне дорог был каждый кусок хлеба, каждая миска супчику — желудок требовал пищи, и глаза помимо моей воли искали на полках хлеб. Но я заставлял себя вспоминать Китай-город, Никитские ворота, где застрелился писатель Андрей Соболь, где Штерн стрелял в машину немецкого посла,— историю улиц Москвы, которую никто никогда не напишет.

— Да, Москва, Москва. А скажи — сколько у тебя было женщин?

Полуголодному человеку было немыслимо поддерживать такой разговор, но молодой хирург слушал только себя и не обижался на молчание.

— Послушай, Сергей Михайлович, ведь наши судьбы — это преступление, самое большое преступление века.

— Ну, я этого не знаю,— недовольно сказал Сергей Михайлович.— Это все жиды мутят.

Я пожал плечами.

Вскоре Сергей Михайлович добился своего перевода на участок, на Аркагалу, и я думал, без грусти и обиды, что еще один человек ушел из моей жизни навсегда и какая это, в сущности, легкая штука — расставанье, разлука. Но все оказалось не так.

Начальником участка «Кадыкчан», где я работал на египетском вороте, как раб, был Павел Иванович Киселев. Немолодой беспартийный инженер. Киселев избивал заключенных ежедневно. «Выход» начальника на участок сопровождался побоями, ударами, криком.

Безнаказанность? Дремлющая где-то на дне души жажда крови? Желание отличиться на глазах высшего начальства?

Власть — страшная штука.

Зельфугаров, мальчик-фальшивомонетчик из моей бригады, лежал на снегу и выплевывал разбитые зубы.

— Всех родных моих, слышь, расстреляли за фальшивую монету, а я был несовершеннолетний — меня на пятнадцать лет в лагеря. Отец следователю говорил: возьми пятьсот тысяч, наличными, настоящими, прекрати дело... Следователь не согласился.

Мы, четверо сменщиков на круговом вороте, остановились около Зельфугарова. Корнеев, крестьянин сибирский, блатарь Леня Семенов, инженер Вронский и я. Блатарь Леня Семенов говорил:

— Только в лагере и учиться работать на механизмах: берись за всякую работу — отвечать ты не будешь, если сломаешь лебедку или подъемный кран. Понемногу научишься.— Рассуждение, которое в ходу у молодых колымских хирургов.

А Вронский и Корнеев были моими знакомыми, и не друзьями, а просто знакомыми — еще с Черного озера, с той командировки, где я возвращался к жизни.

Зельфугаров, не вставая, повернул к нам окровавленное лицо с распухшими грязными губами.

— Не могу встать, ребята. Под ребро бил. Эх, начальник, начальник.

— Иди к фельдшеру.

— Боюсь, хуже будет. Начальнику скажет.

— Вот что,— сказал я,— конца этому не будет. Есть выход. Приедет начальник Дальстройугля или еще какое большое начальство, выйти вперед и в присутствии начальства дать по морде Киселеву. Прозвенит на всю Колыму, и Киселева снимут, безусловно, переведут. А тот, кто ударит, примет срок. Сколько лет дадут за Киселева?

Мы шли на работу, вертели ворот, ушли в барак, поужинали, хотели ложиться спать. Меня вызвали в контору.

В конторе сидел, глядя в землю, Киселев. Он был не трус и угроз не любил.

— Ну, что,— сказал он весело.— На всю Колыму прогремит, а? Я вот под суд тебя отдам — за покушение. Иди отсюда, сволочь!..

Донести мог только Вронский, но как? Мы все время были вместе.

С тех пор жить на участке мне стало легче. Киселев даже не подходил к вороту и на работе бывал с мелкокалиберкой, а в шахту-штольню, уже углубленную, не спускался.

Кто-то вошел в барак.

— К доктору иди.

«Доктором», сменившим Лунина, был некто Колесников — тоже недоучившийся медик, молодой высокий парень из заключенных.

В амбулатории за столом сидел Лунин в полушубке.

— Собирай вещи, поедем сейчас в Аркагалу. Колесников, пиши направление.

Колесников сложил лист бумаги в несколько раз, оторвал крошечный кусочек, чуть больше почтовой марки, и тончайшим почерком вывел: «В санчасть лагеря Аркагала».

Лунин взял бумажку и побежал:

— Пойду визу у Киселева возьму.

Вернулся он огорченный.

— Не пускает, понимаешь. Говорит, ты ему по морде дать обещал. Ни в какую не соглашается.

Я рассказал всю историю.

Лунин разорвал «направление».

— Сам виноват,— сказал он мне.— Какое тебе дело до Зельфугарова, до всех этих... Тебя-то не били.

— Меня били раньше.

— Ну, до свидания. Машина ждет. Что-нибудь придумаем.— И Лунин сел в кабинку грузовика.

Прошло еще несколько дней, и Лунин приехал снова.

— Сейчас иду к Киселеву. Насчет тебя.

Через полчаса он вернулся.

— Все в порядке. Согласился.

— А как?

— Есть у меня один способ укрощать сердца строптивых.— И Сергей Михайлович изобразил разговор с Киселевым.

«Какими судьбами, Сергей Михайлович? Садитесь. Закуривайте».

«Да нет, некогда. Я вам тут, Павел Иванович, акты о побоях привез, мне оперативка переслала для подписи. Ну, прежде чем подписывать, я решил спросить у вас: правда ли все это?»

«Неправда, Сергей Михайлович. Враги мои готовы...»

«Я и так думал. Я не подпишу этих актов. Все равно уж, Павел Иванович, ничего не исправишь, выбитых зубов не вставишь обратно».

«Так, Сергей Михайлович. Прошу ко мне домой, там жена наливочку изготовила. Берег к Новому году, да ради такого случая...»

«Нет-нет, Павел Иванович. Только услуга за услугу. Отпустите на Аркагалу Андреева».

«Вот этого уж никак не могу. Андреев — это что называется...»

«Ваш личный враг?»

«Да-да».

«Ну, а это мой личный друг. Я думал, вы повнимательней отнесетесь к моей просьбе. Возьмите, посмотрите акты о побоях».

Киселев помолчал.

«Пусть едет».

«Напишите аттестат».

«Пусть приходит сам...»

. . . .

Я шагнул за порог «конторы». Киселев глядел в землю.

— Поедете на Аркагалу. Возьмите аттестат.

Я молчал. Конторщик выписал «аттестат», и я вернулся в амбулаторию.

Лунин уже уехал, но меня ждал Колесников.

— Поедешь вечером, часов в девять. Острый аппендицит! — И протянул мне бумажку.

Больше ни Киселева, ни Колесникова я никогда не видел. Киселева вскоре перевели в другое место, на «Эльген», и там он был убит через несколько месяцев. Случайно. В квартиру, в домик, где жил, забрался ночью вор. Киселев, услышав шаги, схватил со стены заряженную двустволку, взвел курки и бросился на вора. Вор кинулся в окно, и Киселев ударил его в спину прикладом и выпустил заряд из обоих стволов в свой собственный живот.

Все заключенные во всех угольных районах Колымы радовались этой смерти. Газета с объявлением о похоронах Киселева переходила из рук в руки. В шахте во время работы измятый клочок газеты освещали рудничной лампочкой аккумулятора. Читали, радовались и кричали «ура». Киселев умер! Бог все-таки есть!

Вот от Киселева-то и выручил меня Сергей Михайлович...

Аркагалинский лагерь обслуживал шахту. На сотню подземных рабочих, сотню шахтеров — тысяча обслуги всяческой.

Голод подступал к Аркагале. И, конечно, раньше всего голод вошел в бараки пятьдесят восьмой статьи.

Сергей Михайлович сердился:

— Я не солнышко, всех не обогрею. Тебя устроили дневальным в химлабораторию, надо было жить, надо было уметь жить. По-лагерному, понял? — хлопал меня Сергей Михайлович по плечу.— До тебя тут работал Димка. Так тот продал весь глицерин — две бочки стояло — по двадцати рублей пол-литровая банка: медок, говорил, ха-ха-ха! Для заключенного все хорошо.

— Для меня это не годится.

— А что же для тебя годится?

Служба дневального была ненадежной. Меня быстро — насчет этого были строгие указания — перевели в шахту. Есть хотелось все больше.

Сергей Михайлович носился по лагерю. Была у него страсть: начальство в любом его виде прямо завораживало нашего доктора. Лунин невероятно гордился своей дружбой или хоть тенью дружбы с любым лагерным начальством, стремился показать свою близость к начальству, хвалился ею и мог об этой призрачной близости говорить целыми часами.

Я сидел у него на приеме голодный, боясь попросить кусок хлеба, и слушал бесконечную похвальбу.

— А что начальство? Начальство — это, брат, власть. Несть власти, аще не от бога, ха-ха-ха! Надо уметь угодить ему — и все будет хорошо.

— Я могу с удовольствием угодить ему прямо в рожу.

— Ну, вот видишь. Слушай, давай так договоримся: ты можешь ко мне ходить — ведь скучно, наверное, в общем бараке?

— Скучно?!

— Ну, да. Ты приходи. Посидишь, покуришь. В бараке ведь и покурить не дадут. Ведь я знаю — в сто глаз глядят на папиросу. Только не проси меня освобождать от работы. Этого я не могу, то есть могу, но мне неудобно. Дело твое. Пожрать, сам понимаешь, где я могу взять — это дело моего санитара. Я сам за хлебом не хожу. Так что, если в случае тебе нужно будет хлеба — скажешь санитару Николаю. Неужели ты, старый лагерник, хлеба не можешь достать? Послушай вот, что жена начальника Ольга Петровна сегодня говорила. Меня ведь приглашают и выпить.

— Я пойду, Сергей Михайлович.

Настали дни голодные и страшные. И как-то раз, не в силах справиться с голодом, вошел я в амбулаторию.

Сергей Михайлович сидел на табуретке и листоновскими щипцами срывал помертвевшие ногти с отмороженных пальцев скорченного грязного человека. Ногти один за другим падали со стуком в пустой таз. Сергей Михайлович заметил меня.

— Вчера вот полтаза таких ногтей набросал.

Из-за занавески выглянуло женское лицо. Мы редко видели женщин, да еще близко, да еще в комнате, лицом к лицу. Она показалась мне прекрасной. Я поклонился, поздоровался.

— Здравствуйте,— низким чудесным голосом сказала она.— Сережа, это твой товарищ? Что ты рассказывал?

— Нет,— сказал Сергей Михайлович, бросая листоновские щипцы в таз и отходя к рукомойнику мыть руки.

— Николай,— сказал он вошедшему санитару,— убери таз и вынеси ему,— он кивнул на меня,— хлеба.

Я дождался хлеба и ушел в барак. Лагерь есть лагерь. А женщина эта, нежное и прелестное лицо которой помню я и сейчас, хоть никогда ее больше не видел, была Эдит Абрамовна, вольнонаемная, партийная, договорница, медицинская сестра с прииска «Ольчан». Она влюбилась в Сергея Михайловича, сошлась с ним, добилась его перевода в Ольчан, добилась его досрочного освобождения уже во время войны. Ездила в Магадан к Никишову, начальнику Дальстроя, хлопотать за Сергея Михайловича, и когда ее исключили из партии за связь с заключенным — обычная «мера пресечения» в таких случаях,— передала вопрос в Москву и добилась снятия судимости с Лунина, добилась, что ему разрешили сдать экзамен в Московском университете, получить диплом врача, восстановиться во всех правах, и вышла за него замуж формально.

А когда потомок декабриста получил диплом, он бросил Эдит Абрамовну и потребовал развода.

— Родственников у нее, как у всех жидов. Мне это не годится.

Эдит Абрамовну он бросил, но Дальстрой ему бросить не удалось. Пришлось вернуться на Дальний Север — хоть на три года. Умение ладить с начальством принесло Лунину — дипломированному врачу — неожиданно крупное назначение: заведующим хирургическим отделением центральной больницы для заключенных на Левом берегу в поселке Дебин. А я к этому времени — к 1948 году — был старшим фельдшером хирургического отделения.

Назначение Лунина было как внезапный удар грома.

Дело в том, что хирург Рубанцев, заведующий отделением, был фронтовой хирург, майор медицинской службы — дельный, опытный работник, приехавший сюда после войны отнюдь не на три дня. Одним Рубанцев был плох: он не ладил с «высоким» начальством, ненавидел подхалимов, лжецов и вообще был не ко двору Щербакова, начальника санотдела Колымы. Договорник, приехавший настороженным врагом заключенных, Рубанцев, умный человек самостоятельных суждений, скоро увидел, что его обманывали в «политической» подготовке. Подлецы, самоснабженцы, клеветники, бездельники — таковы были товарищи Рубанцева по службе. А заключенные — всех специальностей, в том числе и врачебных,— были теми людьми, которые вели больницу, лечение, дело. Рубанцев понял правду и не стал ее скрывать. Он подал заявление о переводе в Магадан, где была средняя школа,— у него был сын школьного возраста. В переводе ему было отказано устно. После больших хлопот через несколько месяцев ему удалось устроить сына в интернат, километрах в девяноста от Дебина. Работу Рубанцев уже вел уверенно, разгонял бездельников и рвачей. Об этих угрожающих спокойствию действиях было незамедлительно сообщено в Магадан, в штаб Щербакова.

Щербаков не любил «тонкостей» в обращении. Матерщина, угрозы, дача «дел» — все это годилось для заключенных, для бывших заключенных, но не для договорника, фронтового хирурга, награжденного орденами.

Щербаков разыскал старое заявление Рубанцева и перевел его в Магадан. И хоть учебный год был в полном разгаре, хоть дело в хирургическом отделении было налажено — пришлось все бросить и уехать...

С Луниным мы встретились на лестнице. У него было свойство краснеть от смущения. Он налился кровью. Впрочем, угостил меня закурить, порадовался моим успехам, моей «карьере» и рассказал об Эдит Абрамовне.

Александр Александрович Рубанцев уехал. На третий же день в процедурной была устроена пьянка — хирургический спирт пробовал и главный врач Ковалев, и начальник больницы Винокуров, которые побаивались Рубанцева и не посещали хирургическое отделение. Во врачебных кабинетах начались пьянки с приглашением заключенных медсестер, санитарок,— словом, стоял дым коромыслом. Операции чистого отделения стали проходить с вторичным заживлением — на обработку операционного поля не стали тратить драгоценного спирта. Полупьяные начальники шагали по отделению взад и вперед.

Больница эта была моей больницей. После окончания курсов в конце 1946 года я приехал сюда с больными. На моих глазах больница выросла — это было бывшее здание Колымполка, и когда после войны какой-то специалист по военной маскировке забраковал здание, видное среди гор за десятки верст, его передали больнице для заключенных. Хозяева, Колымполк, уезжая, выдернули все водопроводные и канализационные трубы, какие можно было выдернуть из огромного трехэтажного каменного здания, а из зрительного зала клуба вынесли всю мебель и сожгли ее в котельной. Стены были побиты, двери сломаны. Колымполк уезжал по-русски. Все это восстановили мы по винтику, по кирпичику.

Собрались врачи, фельдшера, которые пытались сделать все как можно лучше. Для очень многих это был священный долг — отплата за медицинское образование, помощь людям.

Все бездельники подняли головы с уходом Рубанцева.

— Зачем ты берешь спирт из шкафа?

— Пошел ты знаешь куда,— объявила мне сестра.— Теперь, слава богу, Рубанцева нету, Сергей Михайлович распорядился...

Я был поражен, подавлен поведением Лунина. Кутеж продолжался.

На очередной «пятиминутке» Лунин смеялся над Рубанцевым:

— Не сделал ни одной операции язвы желудка, хирург называется!

Это был вопрос не новый. Действительно, Рубанцев не делал операций язвы желудка. Больные терапевтических отделений с этим диагнозом были заключенными — истощенными, дистрофиками, и не было надежд, что они перенесут операцию. «Фон нехорош»,— говаривал Александр Александрович.

— Трус! — кричал Лунин и взял к себе из терапевтического отделения двенадцать таких больных. И все двенадцать были оперированы, и все двенадцать умерли. Опыт и милосердие Рубанцева вспомнились больничным врачам.

— Сергей Михайлович, так работать нельзя.

— Ты мне указывать не будешь!

Я написал заявление о вызове комиссии из Магадана. Меня перевели в лес, на лесную командировку. Хотели на штрафной прииск, да уполномоченный райотдела отсоветовал — теперь не тридцать восьмой год. Не стоит.

Приехала комиссия, и Лунин был «уволен из Дальстроя». Вместо трех лет ему пришлось «отработать» всего полтора года.

А я через год, когда сменилось больничное начальство, вернулся из фельдшерского пункта лесного участка заведовать приемным покоем больницы.

Потомка декабриста я встретил как-то в Москве на улице. Мы не поздоровались.

Только через шестнадцать лет я узнал, что Эдит Абрамовна еще раз добилась возвращения Лунина на работу в Дальстрой. Вместе с Сергеем Михайловичем приехала она на Чукотку, в поселок Певек. Здесь был последний разговор, последнее объяснение, и Эдит Абрамовна бросилась в воду, в реку Певек, утонула, умерла.

Иногда снотворные не действуют, и я просыпаюсь ночью. Я вспоминаю прошлое и вижу женское прелестное лицо, слышу низкий голос: «Сережа, это — твой товарищ?..»

В центральной больнице для заключенных. Колыма. 1948 г.
В. Шаламов — во втором ряду второй справа.

СУКА ТАМАРА

Суку Тамару привел из тайги наш кузнец — Моисей Моисеевич Кузнецов. Судя по фамилии, профессия у него была родовой. Моисей Моисеевич был уроженцем Минска. Был Кузнецов сиротой, как, впрочем, можно было судить по его имени и отчеству — у евреев сына называют именем отца только и обязательно, если отец умирает до рождения сына. Работе он учился с мальчиков — у дяди, такого же кузнеца, каким был отец Моисея.

Жена Кузнецова была официанткой одного из минских ресторанов, была много моложе сорокалетнего мужа в тридцать седьмом году и по совету своей задушевной подруги-буфетчицы написала на мужа донос. Это средство в те годы было вернее всякого загово́ра или наговора и даже вернее какой-нибудь серной кислоты,— муж Моисей Моисеевич немедленно исчез. Кузнец он был заводской, не простой коваль, а мастер, даже немножко поэт,— работник той породы кузнецов, что могли отковать розу. Инструмент, которым он работал, был изготовлен им собственноручно. Инструмент этот — щипцы, долота, молотки, кувалды — имел несомненное изящество, что обличало любовь к своему делу и понимание мастером души своего дела. Тут дело было вовсе не в симметрии или асимметрии, а кое в чем более глубоком, более внутреннем. Каждая подкова, каждый гвоздь, откованные Моисеем Моисеевичем, были изящны, и на всякой вещи, выходившей из его рук, была эта печать мастера. Над всякой ве-

щью он оставлял работу с сожалением: ему все казалось, что нужно ударить еще раз, сделать еще лучше, еще удобней.

Начальство его очень ценило, хотя кузнечная работа для геологического участка была невелика. Моисей Моисеевич шутил иногда шутки с начальством, и эти шутки ему прощались за хорошую работу. Так, он заверил начальство, что буры лучше закаляются в масле, чем в воде, и начальник выписывал в кузницу сливочное масло — в ничтожном, конечно, количестве. Малое количество этого масла Кузнецов бросал в воду, и кончики стальных буров приобретали мягкий блеск, которого никогда не бывало при обычном бурении. Остальное масло Кузнецов и его молотобоец съедали. Начальнику вскорости донесли о «комбинациях» кузнеца, но никаких репрессий не последовало. Позднее Кузнецов, настойчиво уверяя в высоком качестве «масляного» бурения, выпросил у начальника обрезки масляных брусов, тронутых плесенью на складе. Эти обрезки кузнец перетапливал и получал топленое, чуть-чуть горьковатое масло. Человек он был хороший, тихий и всем желал добра.

Начальник наш знал все «тонкости» жизни. Он, как Ликург, позаботился о том, чтобы в его таежном государстве было два фельдшера, два кузнеца, два десятника, два повара, два бухгалтера. Один фельдшер лечил, а другой работал на черной работе и следил за своим коллегой — не совершит ли тот чего-либо противозаконного. Если фельдшер злоупотреблял «наркотикой» — всяким «кодеинчиком» и «кофеинчиком»,— он разоблачался, подвергался наказанию и отправлялся на общие работы, а его коллега, составив и подписав приемочный акт, водворялся в медицинской палатке. По мысли начальника, резервные кадры «специалистов» не только обеспечивали замену в нужный момент, но и способствовали дисциплине, которая, конечно, сразу упала бы, если хоть один специалист чувствовал себя незаменимым.

Но бухгалтеры, фельдшера, десятники менялись местами довольно бездумно и уж, во всяком случае, не отказывались от стопки спирту, хотя бы ее подносил провокатор.

Кузнецу, подобранному начальником в качестве «противовеса» Моисею Моисеевичу, так и не пришлось держать молотка в руках — Моисей Моисеевич был безупречен, неуязвим, да и квалификация его была высока.

Он-то и встретил на таежной тропе неизвестную якутскую собаку волчьего вида — суку с полоской вытертой шерсти на белой груди — это была ездовая собака.

Ни поселков, ни кочевых стойбищ якутских вокруг нас не было, собака возникла на таежной тропе перед Кузнецовым, перепуганным до крайности. Моисей Моисеевич подумал, что это волк, и побежал назад, хлюпая сапогами по тропинке. За Кузнецовым побежали другие.

Но волк лег на брюхо и пополз, виляя хвостом, к людям. Его погладили, похлопали по тощим бокам и накормили.

Собака осталась у нас.

Скоро стало ясно, почему она не рискнула искать своих настоящих хозяев в тайге. Ей было время щениться — в первый же вечер начала рыть яму под палаткой, торопливо, едва отвлекаясь на приветствия. Каждому из пятидесяти хотелось ее погладить, приласкать и собственную свою тоску по ласке рассказать, передать животному.

Сам прораб Касаев, тридцатилетний геолог, справивший недавно десятилетие своей работы на Дальнем Севере, вышел, продолжая наигрывать на неразлучной своей гитаре, и осмотрел нового нашего жителя.

— Пусть он называется Боец,— сказал прораб.

— Это сука, Валентин Иванович,— радостно сказал Славка Ганушевич, повар.

— Сука? Ах, да. Тогда пусть называется Тамарой.— И прораб удалился.

Собака улыбнулась ему вслед, повиляла хвостом. Она быстро установила хорошие отношения со всеми нужными людьми. Тамара понимала роль Касаева и десятника Василенко в нашем поселке, понимала важность дружбы с поваром. На ночь заняла место рядом с ночным сторожем.

Скоро выяснилось, что Тамара берет пищу только из рук и ничего не трогает ни на кухне, ни в палатке, есть там люди или нет.

Эта твердость нравственная особенно умиляла видавших виды и бывавших во всяких переплетах жителей поселка.

Перед Тамарой раскладывали на полу консервированное мясо, хлеб с маслом. Собака обнюхивала съестные припасы, выбирала и уносила всегда одно и то же — кусок соленой кеты, самое родное, самое вкусное, наверняка безопасное.

Сука вскоре ощенилась — шесть маленьких щенков стало в темной яме. Щенятам сделали конуру, перетащили их туда. Тамара долго волновалась, унижалась, виляла хвостом, но, по-видимому, все было в порядке, щенки были целы.

В это время поисковой партии пришлось подвинуться еще километра на три в горы — от базы, где были склады, кухня, начальство. Конура со щенятами была взята на новое место, и Тамара дважды и трижды в день бегала к повару и тащила щенятам в зубах какую-нибудь кость, которую ей давал повар. Щенят бы накормили и так, но Тамара никогда не была в этом уверена.

Случилось так, что в наш поселок прибыл лыжный отряд «оперативки», рыскавшей по тайге в поисках беглецов. Побег зимой — крайне редкое дело, но были сведения, что с соседнего прииска бежали пять арестантов, и тайгу «прочесывали».

На поселке лыжному отряду отвели не палатку, вроде той, в которой мы жили, а единственное в поселке рубленое здание — баню. Но миссия лыжников была слишком серьезна, чтобы вызвать чьи-либо протесты...

Жители отнеслись к незваным гостям с привычным безразличием, покорностью. Только одно существо выразило резкое недовольство по этому поводу.

Сука Тамара молча бросилась на ближайшего охранника и прокусила ему валенок. Шерсть на Тамаре стояла дыбом, и бесстрашная злоба была в ее глазах. Собаку с трудом отогнали, удержали.

Начальник «опергруппы» Назаров, о котором мы кое-что слышали и раньше, схватился было за автомат, чтобы пристрелить собаку, но прораб Касаев удержал его за руку и втащил за собой в баню.

По совету плотника Семена Парменова на Тамару надели веревочную лямку и привязали ее к дереву — не век же оперативники будут у нас жить.

Лаять Тамара не умела, как всякая якутская собака. Она рычала, старые клыки пытались перегрызть веревку — это была совсем не та мирная якутская сука, которая прожила с нами зиму. Ненависть ее была необыкновенна, и за этой ненавистью вставало ее прошлое — не в первый раз собака встречалась с «конвоирами», это было видно каждому.

Какая лесная трагедия осталась навсегда в собачьей памяти? Было ли это страшное былое причиной появления якутской суки в тайге близ нашего поселка?

Назаров мог, вероятно, кое-что рассказать, если бы помнил не только людей, но и животных.

Дней через пять ушли три лыжника, а Назаров с приятелем и с нашим прорабом собрались уходить на следующее утро. Всю ночь они пили, опохмелились на рассвете и пошли.

Тамара зарычала, и Назаров вернулся, снял с плеча автомат и выпустил в собаку патронную очередь в упор. Тамара дернулась и замолчала. Но на выстрел уже бежали из палаток люди, хватая топоры, ломы. Прораб бросился наперерез рабочим, и Назаров скрылся в лесу.

Иногда исполняются желания, а, может быть, ненависть всех пятидесяти человек к этому «начальнику» была так страстна и велика, что стала реальной силой и догнала Назарова.

Назаров ушел на лыжах вдвоем со своим помощником. Они пошли не руслом вымерзшей до дна реки — лучшей зимней дороги к большому шоссе в двадцати километрах от нашего поселка, а горами через перевал. Назаров боялся погони, притом путь горами был ближе, а лыжник он был превосходный.

Уже стемнело, когда поднялись они на перевал — только на вершинах гор еще был день, а провалы ущелий были темными. Назаров стал спускаться с горы; лес стал гуще. Назаров понял, что ему надо остановиться, но лыжи увлекали его вниз, и он налетел на длинный, обточенный временем пень упавшей лиственницы, укрытой под снегом. Пень пропорол Назарову брюхо и вышел в спину, разорвав шинель. Второй боец был далеко внизу на лыжах, он добежал до шоссе и только на другой день поднял тревогу. Нашли Назарова через два дня, он висел на этом пне закоченевший в позе движения бега, похожий на фигуру из батальной диорамы.

Шкуру с Тамары содрали, растянули гвоздями на стене конюшни, но растянули плохо — высохшая шкура стала совсем маленькой, и нельзя было думать, что она была впору крупной ездовой якутской лайке.

Приехал вскоре лесничий выписывать задним числом билеты на порубки леса, произведенные больше года назад. Когда валили деревья, никто не думал о высоте пеньков — пеньки оказались выше нормы,— требовалась повторная работа. Это была легкая работа. Лесничему дали купить кое-что в магазине, дали денег, спирту. Уезжая, лесничий выпросил собачью шкуру, висевшую на стене конюшни: он ее выделает и сошьет «собачины» — северные собачьи рукавицы мехом вверх. Дыры на шкуре от пуль не имели, по его словам, значения.

ПРОТЕЗЫ

Лагерный изолятор был старый-старый. Казалось, толкни деревянную стенку карцера — и стена упадет, рассыплется изолятор, раскатятся бревна. Но изолятор не падал, и семь одиночных карцеров верно служили. Конечно, любое слово, сказанное громко, слышали бы соседи. Но те, кто сидел в карцере, боялись наказания. Дежурный надзиратель ставил на камере мелом крест — и камера лишалась горячей пищи. Ставил два креста — лишалась и хлеба. Это был карцер по лагерным преступлениям; всех подозреваемых в чем-то более опасном увозили в управление.

Сейчас впервые внезапно были арестованы все начальники лагерных учреждений из заключенных — все заведующие. Клеилось какое-то крупное дело, готовился какой-то лагерный процесс. По чьей-то команде.

И вот все мы, шестеро, стояли в тесном коридоре изолятора, окруженные конвоирами, чувствуя и понимая только одно: что нас опять зацепили зубья той же машины, что и несколько лет назад, что причину мы узнаем лишь завтра, не раньше...

Всех раздевали до белья и заводили каждого в отдельный карцер. Кладовщик записывал принятые на хранение вещи, заталкивал в мешки, привязывал бирки, писал. Следователь — я знал его фамилию — Песнякевич — управлял «операцией».

Первый был на костылях. Он сел на скамейку возле фонаря, положил костыли на пол и стал раздеваться. Стальной корсет обнажился.

— Снимать?

— Конечно.

Варлам Шаламов. Москва. 50-е годы.

Человек стал развязывать веревки корсета, и следователь Песнякевич нагнулся помочь.

— Уличаешь, старый приятель? — по-блатному сказал человек, вкладывая в слово «уличаешь» блатной, не оскорбительный смысл.

— Узнаю, Плеве.

Человек в корсете был Плеве, заведующий портновской мастерской лагеря. Это было важное место с двадцатью мастерами, работавшими и на вольный заказ по разрешению начальства.

Голый человек свернулся на скамейке. Стальной корсет лежал на полу — шла запись в протоколе отобранных вещей.

— Как записывать эту штуку? — спросил кладовщик изолятора у Плеве, толкая носком сапога корсет.

— Стальной протез-корсет,— ответил голый человек.

Следователь Песнякевич отошел куда-то в сторону, и я спросил у Плеве:

— Ты, правда, знал этого легаша по воле?

— А как же,— сказал Плеве жестко.— Его мать в Минске бордель держала, а я туда ходил. Еще при Николае Кровавом.

Из глубины коридора вышли Песнякевич и четыре конвоира. Конвоиры взяли Плеве за ноги и под руки и внесли в карцер. Замок щелкнул.

Следующим был заведующий конбазой Караваев. Бывший буденовец, в гражданскую он потерял руку. Караваев постучал железом протеза о стол дежурного:

— Вы, суки...

— Снимай свое железо. Сдавай руку.

Караваев взмахнул отвязанным протезом, но на конноармейца навалились конвоиры и втолкнули его в карцер. Витиеватый мат донесся к нам.

— Слушай ты, Ручкин,— заговорил заведующий изолятором,— за шум лишаем горячей пищи.

— Иди ты со своей горячей пищей!

Заведующий изолятором вынул из кармана кусок мела и поставил на карцере Караваева крест.

— Ну, кто же распишется, что сдал руку?

— Да никто не распишется. Поставь какую-нибудь птичку,— скомандовал Песнякевич.

Была очередь врача, доктора нашего Житкова. Глухой старик, он сдал ушной слуховой рожок. Следующим был полковник Панин, заведующий столярной мастерской. У полковника оторвало ногу снарядом где-то в Восточной Пруссии на германской. Столяр он был превосходный — у дворян детей всегда обучали какому-нибудь ремеслу. Старик Панин отстегнул протез и ускакал на одной ноге в свой карцер.

Нас оставалось двое: Гриша Шор, старший бригадир, и я.

— Смотри, как ловко идет,— сказал Гриша, им овладевала нервная веселость ареста,— тот ногу, этот руку. А я вот сдам глаз.— И Гриша ловко вынул свой правый фарфоровый глаз и показал мне его на ладони.

— Да разве у тебя искусственный глаз? — удивленно сказал я.— Никогда не замечал.

— Плохо замечаешь. Да и глаз хорошо подобрался, удачно.

Пока записывали Гришин глаз, заведующий изолятором развеселился и хихикал неудержимо.

— Тот, значит, руку, тот ногу, тот ухо, тот спину, а этот — глаз. Все части тела соберем. А ты что? — Он внимательно оглядел меня голого.— Ты что сдашь? Душу сдашь?

— Нет,— сказал я.— Душу я не сдам.

Ответы на кроссворд, помещенный в № 1.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1—4. Стол. 5—9. Свеча. 10—14. Тсуга. 18—20. Бутан. 21—24. Сван. 25—30. Атлант. 31—35. Олово. 36—40. Арсен. 42—45. Уния. 46—49. Рана. 50—54. Броня. 55—59. Аксай. 61—84. Грех. 65—68. Упорство. 75—81. Автокар. 82—88. Кирасир. 89—93. Алтай. 94—97. Арка. 98—102. Ролик. 103—108. Втулка. 109—114. Иакинф. 115—117. Рак. 118—121. Каша. 123—127. Баран. 128—131. Гриб. 132—136. Реймс. 136—140. Слюда. 142—143. Ус. 144—145. Ра. 146—149. Луна. 150—152. Ева. 153—159. Руставк. 160—161. Ом. 163—169. Наливка. 170—173. Саки. 174—180. Миокард. 181—185. Кросс. 188—188. Лев. 189—193. Орган. 194—199. Щавель. 200—202. Аут. 204—208. Нерпа. 209—211. Ина. 212—215. Пьер. 216—218. Кит. 219—221. Оса. 224—226. Кон. 227—228. Ад. 229—233. Навет. 234—237. Сено. 238—242. Аорта. 243—247. Друза. 248—252. Онагр. 253—257. Нарды. 259—262. Тауз. 277—260. Нани. 262—288. Глухарь. 289—290. Ту.

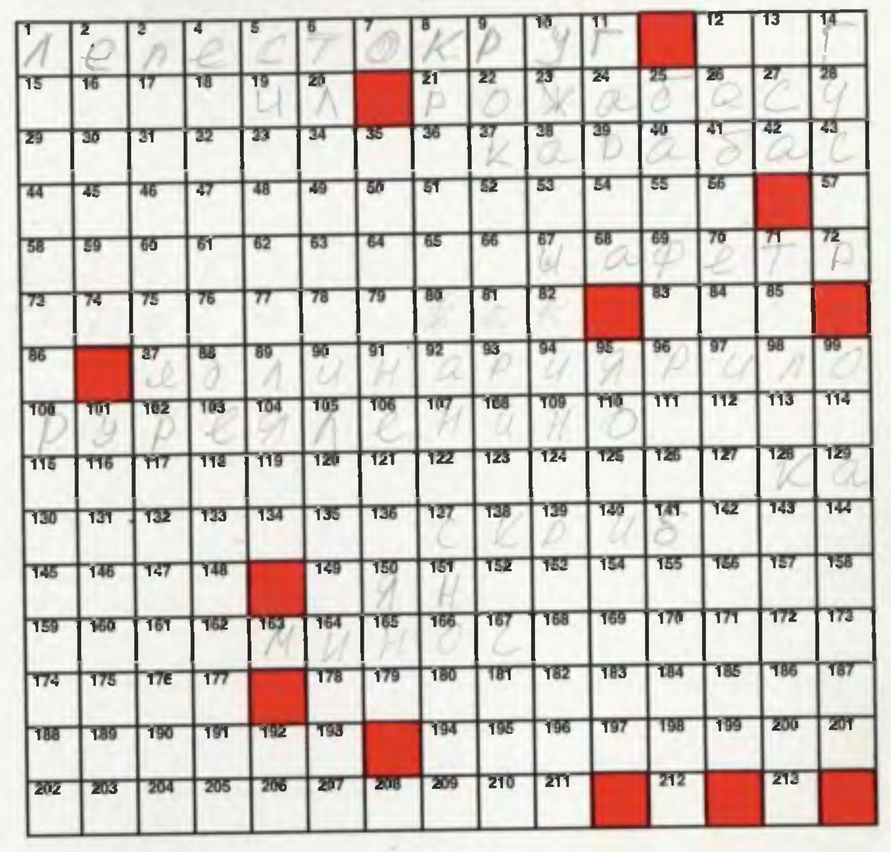
ПО ВЕРТИКАЛИ: 1—46. Сбор. 61—118. Главк. 146—263. Ломоносов. 2—47. Тула. 47—90. Арал. 104—132. Тар. 147—161. Ум. 161—190. Мир. 205—277. Есенин. 16—48. Тон. 63—176. Евтушенко. 191—278. Граната. 4—49. Лава. 34—92. Вахта. 92—134. Алай. 177—207. Кан. 222—279. Погон. 5—50. Сноб. 78—178. Ойкумена. 193—238. Нана. 238—252. Ар. 267—280. Ли. 51—94. Рука. 94—123. Аав. 136—224. Сварщик. 224—281. Конев. 7—80. Европа. 95—137. Риал. 152—210. Алдан. 225—269. Оран. 8—38. Час. 53—110. Норка. 125—181. Рюрик. 196—226. Ван. 241—283. Трал. 24—54. Нея. 54—68. Яр. 82—154. Какаду. 139—182. Дувр. 182—227. Репа. 256—284. Доу. 10—55. Тана. 69—127. Сирин. 140—228. Аскольд. 11—56. Стык. 70—113. Трон. 128—156. Гит. 169—258. Асьенда. 12—57. Улус. 71—100. Вал. 114—215. Фрувссар. 230—287. Артур. 13—58. Гана. 72—143. Осирис. 158—186. Вал. 186—216. Лук. 231—288. Вуаль. 14—44. Ани. 73—116. Лика. 131—202. Брикет. 217—289. Иезуит. 15—60. Стяг. 173—247. Иветта. 233—262. Таз. 276—290. Ку.

Сдано в набор 19.12.88. Подписано к печати 14.02.89. А 00230. Формат 84×60 ⅛. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. п. 11,16. Усл. кр.-отт. 31,62. Уч.-изд. л. 16,85. Тираж 300 000 экз. Заказ № 3530. Цена 70 коп.

Адрес редакции: 125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24. Тел. 257-37-66, 285-28-68.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография им. В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1—8. Листок из венчика цветка. 8—11. Часть плоскости, ограниченная окружностью. 12—14. Один из самых древних музыкальных инструментов. 15—19. Органы осязания у членистоногих. 19—20. Вязкий осадок на дне водоемов. 21—24. В просторечии то же, что и лицо. 23—26. Земноводное. 25—27. Низкий мужской голос. 27—28. Мелкая монета во Франции. 29—33. Город и провинция в Афганистане. 33—36. Весенний перелет вальдшнепов. 35—37. Стальной крюк для подъема тяжести на судах. 37—43. Персонаж сказки А. Толстого «Золотой ключик». 44—47. Река в МНР и СССР, составляющая р. Шилки. 47—50. Народное восстание в Константинополе в январе 532 года. 49—53. Райцентр в Кашкадарьинской области. 54—56. Река в Марокко. 58—62. То же, что насморк. 62—64. Физическая характеристика звука. 64—67. Самоназвание орочей и ороков. 67—71. Один из трех сыновей Ноя. 69—72. Материал, полученный путем валяния пуха. 73—77. Сшитые в один переплет листы бумаги. 77—81. Залив Охотского моря. 80—82. Оборонительное земляное сооружение. 83—85. Государство в центральной Бирме в XIV—XVIII веках. 87—88. Отрава. 88—92. Протяженность. 92—95. Партия для одного голоса в опере. 95—99. Божество славяно-русской мифологии. 100—102. Основная угольно-металлургическая база ФРГ. 102—104. Поперечные брусья на мачтах. 104—105. Административно-территориальная единица в Турции. 105—110. Село в Могилевской области, около которого впервые вступила в бой 1-я Польская дивизия им. Костюшко. 109—111. Археологическая культура поздней бронзы в западных районах УССР. 111—114. Низкий голос у мальчиков. 115—118. Четвероногие сельскохозяйственные животные. 116—120. Порт в Финляндии. 119—123. Русский композитор, автор оперы «Илья-богатырь» (1806 г.). 122—124. Восток. 124—126. Игральная карта. 126—128. Звучный крик. 128—129. Удав, герой сказки Р. Киплинга «Маугли». 130—134. Немный автомобиль. 134—137. Толстые крученые нитки для вышивания. 137—141. Французский драматург, автор пьесы «Стакан воды». 140—144. Норвежский драматург, автор драмы «Кукольный дом». 145—148. Травянистое растение, то же, что калган. 150—151. Автор романа «Чингисхан». 152—154. Река в западном Казахстане. 154—156. Американский композитор, автор мюзикла «Моя прекрасная леди». 156—157. Город в Месопотамии, существовал с 5-го тысячелетия до IV века до н.э. 159—161. Герой трагедии Шекспира. 161—163. Крепкий напиток. 163—167. Легендарный царь Крита, сын Зевса и Европы. 169—173. Поселок городского типа в Якутской АССР. 174—177. Сорт яблок. 178—183. Название города Гвардейска в Калининградской области до 1946 г. 182—184. Горное селение на Северном Кавказе. 184—186. Денежная единица в Латвии до 1940 года. 188—191. Увеличение в числе, размерах, развитии. 191—193. Группа народов в странах Индокитая. 195—198. Персонаж сказки А. Островского «Снегурочка». 197—201. Рассказ из «Записок охотника». 202—204. Орган спороношения у сумчатых грибов. 204— 207. Денежная единица Бирмы. 207—210. Мрак. 210—211. Единица площади.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1—29. Участок, покрытый травянистой растительностью. 29—86. Застекленный шкаф для посуды. 73—130. Плато на северо-западе Югославии, сложенное известняками. 130—174. Областной центр РСФСР. 145—188. Горная индейка. 174—202. Разновидность попугая. 2—74. Русский советский поэт. 101—146. Постановление верховного органа власти. 116—189. Игорный дом. 175—203. Орган обоняния. 3—31. Торжественное застолье. 17—87. Тонкая насмешка. 87—102. Крутой обрыв. 102—132. Музыкальный стиль. 132—161. Первый царь государства Ахеменидов VI в. до н.э. 161—204. Возможная опасность. 18—47. Река на юге Сибири, правый приток Енисея. 47—103. Город, центр одноименного ила в центре Турции. 88—205. Черта характера. 5—48. Деловая часть Лондона. 48—134. Древние племена, населявшие Италию. 6—34. Мелкое насекомое. 34—49. Тибетский бык. 49—90. Русский юрист и общественный деятель, суд под его председательством вынес оправдательный приговор В. Засулич. 78—105. Река в Африке. 105—167. Финский писатель, автор романа «Четвертый позвонок». 178—207. Римский император из династии Флавиев. 35—64. Выдающийся немецкий радиохимик, открыл деление ядер урана под воздействием нейтронов. 64—150. Древний город в Ассирии. 150—179. Река в Якутии. 8—65. Украшение, слава чего-нибудь. 51—92. Река на севере Югославии, правый приток Дуная. 80—107. Титул правителей в Китае и Корее в средние века. 107—137. Название полуостровов на русском Севере. 137—180. Связка сжатых колосьев. 180—194. Буква греческого алфавита. 9—37. Судьба. 37—123. Начальник «абвера» в 1935—1944 гг. в фашистской Германии. 108—167. Испытание. 167—210. Энергия, воздействующая на материальное тело. 10—23. Неядовитая змея. 23—53. Французское мужское имя. 38—109. Простейший первичный ароматический амин, бесцветная жидкость. 94—162. Развитие основного действия в романе, драме. 168—211. Балаганный шут. 11—88. Щиток на рукоятке шпаги. 95—110. Народ в Малави, Танзании и Мозамбике. 110—125. Горный хребет на севере острова Хонсю в Японии. 125—169. Департамент в западной части Колумбии. 169—197. Селение у туркмен. 25—55. Отмель в устье реки. 40—83. Струнный музыкальный инструмент. 69—111. Автомобильный фонарь. 96—170. Вооруженное нападение с целью завладения чужим имуществом. 141—198. Английский физик и химик сформулировал первое научное определение химического элемента. 184—212. Единица длины во Франции. 12—41. Человек, лишенный всех прав и являющийся собственностью господина. 41—84. Советский биохимик, академик. 84—127. Сельскохозяйственное орудие. 112—185. Разновидность утки. 13—42. Жалящее насекомое. 71—128. Мягкий минерал. 128—213. Умеренное утолщение рогового слоя кожи при некоторых заболеваниях. 14—43. Национальный герой чешского народа (1371—1415). 43—72. Мелководные соленые озера в Казахстане. 99—129. Город в Японии на острове Хонсю. 129—201. Часть государства, со всех сторон окруженная другими государствами и не имеющая морского берега.

В ближайших номерах нашего журнала читайте:

Рассказ Николая Плотникова «Жребий».

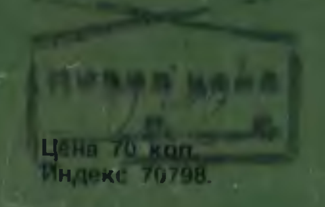
Публицистический очерк Александра Вологдина «Столица и провинция».

Фото Виктории ИВЛЕВОЙ

Статью Леонида Никитинского «Миф о виновности юристов».

Неизвестные документы из переписки В. Г. Короленко с А. М. Горьким.

Цена 70 коп.
Индекс 70798.